

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№1 ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2013

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Тишайший преобразователь**4

Забывтые страницы

Михаил Булгаков **Спиритический сеанс**26

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Только вверх!** 34

Логунова шутит

Елена Логунова **Игрушки**44

Неизвестное об известном

Виктор Ом **Осуществлю заветную мечту**47

Посмеемся вместе

Сергей Левицкий **Мастер-класс**63

Шедевры

Ирина Опимах **Возвращение блудного сына**..... 65

Открытие «Смены»

Кристиан Шакрон **Меня позвал Гоген**74

Поэзия

Елена Логинова **Стихи**82

Рассказ без вымысла

Юрий Лопусов **Мелодия одесской скрипочки**86

Рассказ

Андрей Волос **Мираж** 92

Екатерина Асорина **С бесплатным вас
Новым годом!** 170

Детектив

Анна и Сергей Литвиновы **Несвятое семейство**.....100

Это интересно

Татьяна Харламова **В канун года Змеи...**178

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Марина Цукерман

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуевая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №2440

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.12.2012

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

Т ИЩАЙШИЙ

Светлана
Бестужева-
Лада

преобразователь

С традиционной точки зрения чуть ли не всех историков и с легкой руки писателей второй царь династии Романовых — Алексей Михайлович — это воплощение застоя, торжество религиозных догм, проще говоря, затхлое болото, из которого каким-то чудом появился совершенно новый самодержец «академик, герой, мореплаватель и плотник», перевернувший Россию вверх тормашками.

Принято считать, что в XVII веке Московская Русь, как общественный, государственный, культурный, политический и военный организм, совершенно изжила себя, и лишь воцарение Петра I вдохнуло в страну новую жизнь и не дало окончательно впасть в кому. Понятно, что во все века и во всех странах личности тиранов привлекают большее внимание потомков, нежели фигуры мирных правителей. Но все-таки Петр был сыном не бесцветной и безликой фигуры, а выдающейся личности. Просто на фоне грандиозного перекраивания государства, затеянного им, меркнут неспешные и спокойные государственные деяния Алексея Михайловича Тишайшего.

12 июня 1645 года умер царь Михаил Федорович, а 18 августа того же года — царица Евдокия Лукьяновна. На трон вступил их старший сын Алексей, которому только только исполнилось шестнадцать

лет, так что первые пять лет в управлении государством ему помогал его «дядька» — воспитатель боярин Б.И. Морозов, сохранивший и впоследствии определенное влияние на своего воспитанни-

ка, которое, впрочем, не следует переоценивать: личностью Алексей Михайлович с детства был незаурядной.

С пяти лет его стали обучать грамоте по букварю, в семь лет — письму, в девять — церковному пению. Царевич очень любил читать, хотя первыми его книгами были отнюдь не сказки и даже не былины, а Часовник, Псалтырь и Деяния Святых Апостолов. Но одновременно царевичу покупали игрушки: деревянного коня немецкой работы, сделанные по его размеру латы, музыкальные инструменты и «санки потешные», — так что о физическом развитии мальчика тоже пеклись, равно как и о приятном отдыхе. Кстати, по приказу царя была приобретена любопытная для того времени новинка — «немецкие печатные листы», то есть гравюры, которые служили «наглядными пособиями» при учебе.

Дарили юному Алексею и книги, из них составила у него библиотека числом в 13 томов, что считалось по тем временам «изрядным». Среди книг «детской библиотеки» были лексикон (своего рода энциклопедический словарь), грамматика, космография. С юности царевича увлекала также соколиная охота, в зрелом же возрасте он написал собственноручно едва ли не первое в русской истории руководство для охотников — «Уложение сокольников пути». Алексей Михайлович на всю жизнь сохранил любовь к ис-

кусствам, умел разбираться в литературе, поощрял художников, архитекторов и прочих служителей муз. А духовная атмосфера раннего детства и отрочества, углубленное чтение церковных книг развили в царевиче православное благочестие. До конца жизни он был искренне верующим человеком, строго соблюдал не только великие, но и обычные посты по понедельникам, средам и пятницам (в эти дни он ничего не ел, пил только воду). В России того времени такую жизнь вели, пожалуй, только монахи.

Даже став царем, Алексей Михайлович пешком ходил в церковь в Страстную неделю Великого поста в простой одежде, повязав волосы на голове кожаным ремешком. Только по торжествам, да во время приема иноземных послов он обряжался в роскошные царские одеяния, но при этом искренне говорил:

— Мне, грешному, здешняя честь — аки прах.

Не случайно именно в годы его правления Россия стала считаться истинно православным царством, куда из иных земель свозились православные церковные реликвии.

В домашней жизни Алексей Михайлович являл собой образец умеренности и простоты. Три комнаты рядом по размеру равнялись обычной крестьянской избе. Внутреннее убранство покоев тоже немногим отличалось от крестьянского: те же

лавки вдоль стен, та же утварь, и лишь кресло для самого государя выдавало комнату царя.

Знаменитый исследователь старинного русского быта И.Е. Забелин в своем обстоятельном многотомном исследовании «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» так описывает распорядок дня Алексея Михайловича:

«Государь вставал обыкновенно часа в четыре утра. Постельничий, при пособии спальников и стряпчих, подавал государю платье и одевал

же время один из крестовых дьяков поставлял перед иконостасом на налое образ святого, память которого праздновалась в тот день. По совершении молитвы, которая продолжалась около четверти часа, государь прикладывался к этой иконе, а духовник окроплял его святою водою...

После моления крестовый дьяк читал духовное слово — поучение из особого сборника «слов», распределенных для чтения в каждый день на весь год... Окончив крестовую молитву, государь, если почивал особо,

Ц

арь Михаил Федорович умер 12 июня 1645 года, а 18 августа того же года — царица Евдокия Лукьяновна. На трон вступил их старший сын Алексей, которому исполнилось только шестнадцать лет, так что в управлении государством ему помогал «дядька» — воспитатель боярин Б.И. Морозов, хотя сам Алексей с детства был личностью незаурядной

его. Умывшись, государь тотчас выходил в Крестовую палату, где его ожидали духовник или крестовый поп и крестовые дьяки. Духовник или крестовый священник благословлял государя крестом, возлагая его на чело и ланиты, причем государь прикладывался ко кресту и потом начинал утреннюю молитву; в то

посылал ближнего человека к царице в хоромы спросить о ее здоровье, как почивала? Потом сам выходил здороваться с нею в переднюю или столовую. После того они вместе слушали в одной из верховых церквей заутреню, а иногда и раннюю обедню.

Между тем, с утра же рано собирались во дворец все бояре, думные

Алексей Михайлович Романов

и ближние люди — «челом ударить государю» и присутствовать в Царской Думе. Поздоровавшись с боярами, поговорив о делах, государь в сопровождении всего собравшегося боярства шествовал, в часу девятом, к поздней обедне в одну из придворных церквей. Если же тот день был праздничный, то выход делался в храм или монастырь, сооруженный в память празднуемого святого. В об-

щие церковные праздники и торжества государь всегда присутствовал при всех обрядах и церемониях. Поэтому и выходы в таких случаях были гораздо торжественнее.

Обедня продолжалась часа два. Едва ли кто был так привержен к богомолью и к исполнению всех церковных обрядов, служб, молитв, как цари. Один иностранец рассказывает о царе Алексее Михайловиче, что

он в пост стоял в церкви часов по пяти или шести сряду, клал иногда по тысяче земных поклонов, а в большие праздники по полуторы тысячи.

После обедни, в комнате в обыкновенные дни государь слушал доклады, челобитные и вообще занимался текущими делами.

Заседание и слушание дел в комнате оканчивалось около двенадцати часов утра. Бояре, ударив челом государю, разъезжались по домам, а государь шел к столовому кушанию, к которому иногда приглашал некоторых из бояр, самых уважаемых и близких.

После обеда государь ложился спать и обыкновенно почивал до вечерни часа три. В вечерню снова собирались во дворец бояре и прочие чины, в сопровождении которых царь выходил в верховую церковь к вечерне. После вечерни иногда тоже случались дела и собиралась Дума. Но обыкновенно все время после вечерни до ужина государь проводил уже в семействе или с самыми близкими людьми. Во время этого отдыха любимейшим занятием государя было чтение церковных книг, в особенности церковных историй, поучений, житий святых и тому подобных сказаний, а также и летописей.

Оканчивая день после вечернего кушания, государь снова шел в Крестовую и точно так же, как и утром, молился около четверти часа».

Размеренность и спокойствие личной жизни благотворно действовали и на самого царя, и на его окружение. Каждый знал свое место, каждый был уверен в том, что завтрашний день не принесет неприятных сюрпризов, каждый вел себя так, как было заведено государем. Не случайно же дети Алексея Михайловича от первого брака в один голос вспоминали свое детство, как «золотую пору».

К тому же, постоянно забывают, что молодой царь непосредственно участвовал во многих военных походах (под Смоленск, Вильно, Ригу), руководил внешнеполитическими переговорами и вообще правил, а не символизировал правление. Именно Алексей Михайлович окончательно вернул России земли Малороссии, именно он закончил долгую и трудную войну с Польшей блестящей победой. И, наконец, именно он начал эпоху реформ, причем реформ неторопливых и продуманных, захвативших области юридическую и экономическую, военную и религиозную.

В какой-то степени для Алексея Михайловича раннее сиротство обернулось благом: в отличие от своего отца, он не испытал на себе деспотического влияния властной и жесткой матери. Достигнув двадцатилетнего возраста, царь стал совершенно самостоятельным и в го-

сударственных делах: лично читал челобитные и иные документы, писал или редактировал многие важные указы и первым из русских царей стал собственноручно подписывать их. Созданный по его прямому указанию в 1654 году Приказ тайных дел подчинялся непосредственно царю и осуществлял контроль над государственным управлением.

Одно лишь знаменитое Уложение Алексея Михайловича, именуемое иначе «Свод всех законов», могло бы составить славу целого царствования. Уложение стало первым полным сводом законов, действующих на всей территории Русского государства. Оно содержало 25 глав, построенных по тематическому признаку и разделенных на 967 статей.

разошлась огромным по тем временам тиражом: было осуществлено три ее издания.

Медленно, но верно выходявший из-под влияния и опеки Бориса Ивановича Морозова, восемнадцатилетний царь зимой 1647 года надумал жениться. Устроили традиционные «смотрины»: со всей Руси собраны были двести благородных, благо нравных и пригожих девиц. Хитроумные придворные, не желавшие пускать дело «на самотек», очень быстро под разными предложениями «выбраковали» почти всех, оставив лишь шестерых. Алексей Михайлович влюбился в одну из шестерых представленных ему девиц — дочь касимовского помещика Евфимию Всеволожскую. Но эта кандидатура не устраивала Морозова, объеди-

Д

уховная атмосфера детства и углубленное чтение церковных книг развили в царевице Алексее православное благочестие. До конца жизни он был искренне верующим человеком, строго соблюдал все посты (в эти дни он ничего не ел, пил только воду). В России того времени такую жизнь вели, пожалуй, лишь монахи

В подготовке столь обширного документа участвовала целая комиссия во главе с князем Одоевским. Книга

нившегося с царским духовником, имевшим на Алексея Михайловича огромное влияние, и вплотную за-

*Мария Милославская — первая жена
Алексея Михайловича*

нялся устранением царской нареченной. Но Морозов был слишком умен, чтобы действовать впрямую, как когда-то поступили Салтыковы с несостоявшейся невестой царя Михаила Федоровича.

Наряжая невесту в царский наряд, прислуживавшие ей женщины как можно крепче стянули волосы, а затем крепко затянули сверху драгоценный венец. Едва сделав несколько шагов к царю, Евфимия упала в обморок. Оставалось объ-

вить, что у невесты падучая болезнь и «к государевой радости она не прочна».

Семья, представившая царю порочную девицу, была обвинена в государственной измене и сослана в Сибирь. Морозов выразил сочувствие воспитаннику, пострадавшему «от ненависти и зависти» высококородных людей. Много дней Алексей Михайлович от горя не мог принимать пищу, и Морозов старался его развлечь довольно опасными

играми, как, например, охотой на медведя. Однако прошел целый год, прежде чем Алексей Михайлович снова начал подумывать о женитьбе.

Царский дядька, конечно, знал, кто может понравиться воспитаннику. Он стал расхваливать царю красоту дочерей Милославского, а затем обратился к помощи государевых сестер. Царевны давно хотели, чтобы их брат обзавелся семьей и тем самым избежал искушений. Девушки Милославские были приглашены во дворец и в покоях царевен как бы случайно представлены Алексею Михайловичу. Он влюбился в младшую, Марию, и обвенчался с нею в январе 1648 года.

Посаженым отцом на свадьбе был Борис Иванович Морозов. А через 11 дней после царского брака старый боярин объявил государю, что женился на сестре царицы, Анне. Теперь Морозов считал свое положение при дворе неузвимым. Но... старый и ревнивый муж был вовсе не по душе Анне Ильиничне, которая горько жаловалась сестре-царице на свою незавидную долю. Как назло, именно в это время произвол и лихоимство ставленников Морозова вызвали волнение в Москве, беспорядки в Соль-Вычегодске и бунт в Устюге Великом. Боярину пришлось укрываться от народного гнева в Кирилло-Белозерском мо-

настыре, а при царе появились новые советники.

И... новые проблемы. Законодательная деятельность Алексея Михайловича не могла, как выяснилось, предотвратить бунтов, восстаний и беспорядков, продолжавшихся в течение всего царствования («соляной» и «медный» бунты, восстания в Новгороде Великом и Пскове, выступления башкир). «Тишайший царь» на самом деле жил в довольно беспокойное время. Частично это объяснялось самим характером государя: при всем своем природном уме и богатой начитанности он не любил споров и в отношениях с приближенными бывал податлив и слаб.

Этим откровенно злоупотребляло его ближайшее окружение, поскольку совершенно перестало бояться суда и расправы. Алексей Михайлович был на редкость добрым человеком, что подмечали даже иностранцы. Они, в частности, писали, что *«царь одарен необыкновенными талантами, имеет прекрасные качества и украшен редкими добродетелями, он покорила себе сердца всех своих подданных, которые столько же любят его, сколько и благоговечат перед ним... При своей неограниченной власти царь Алексей не посягнул ни на чье имущество, ни на чью честь, ни на чью жизнь... Он такой государь, какого бы желали*

иметь все христианские народы, но немногие имеют».

А что имеем, то, как известно, не храним. Несмотря на все доброжелательство царя, несмотря на прекрасные свойства души, он не мог сделать счастливым свой народ, водворить в государстве порядок и благоустройство. Он полагал, что можно достигнуть всего этого, подавая личный пример скромности и благочестия, но народ-то царя почти не видел, а имел дело с далеко не та-

чался в младенчестве, к великому горю родителей. Определенно не везло русским царям с этим именем после несчастного младшего отпрыска Ивана Грозного.

После него родились, одна за другой, две дочери — Евдокия и Марфа (обе впоследствии были пострижены сводным братом Петрушей в монахини из-за слишком активной помощи сестрице-правительнице Софье). А в 1654 году на свет появился царевич Алексей, как

Д

остигнув двадцатилетнего возраста, царь стал совершенно самостоятельным в государственных делах: лично читал челобитные и иные документы, сам готовил многие важные указы и первым из русских царей стал собственноручно их подписывать

кими «идеальными» боярами и чиновниками, коих уже немало развелось в ту пору на Руси. Этим и объясняются все беды и неурядицы в Московском государстве того времени.

Только в царском дворце были покой, радость и благолепие. Царица Мария Ильинична создала дом, в котором государь мог укрыться от забот и треволнений. Любящие супруги произвели на свет тринадцать детей. Первый — Дмитрий — скон-

выяснилось, самый одаренный из царских детей, если не считать ту же Софью. По отзывам современников, он отличался большими способностями и любознательностью. Образование в духе возраставшего западного влияния получил под руководством Симеона Полоцкого и А.С. Матвеева. В 1655—1656 годах, в отсутствие царя, некоторые грамоты писались от имени царевича Алексея Алексеевича.

Одно время была даже мысль о том, чтобы возвести Алексея на польский престол, женив его на племяннице короля Яна-Казимира. Увы, в шестнадцатилетнем возрасте Алексей скоропостижно скончался, причем ходили слухи о насильственной смерти.

Затем — снова две дочери: Анна (умерла совсем маленькой) и знаменитая Софья, будущая правительница России, вдохновительница своего сводного брата Петра. Она была на четыре года моложе Алексея, и, пожалуй, после него — самая умная и сильная из потомства Милославской. Остальные выглядят рядом с ней лишь бледными тенями: Екатерина, Мария, Федор (будущий царь,

слабый ребенок, рахитичный, полуслепой и, как позже выяснилось, слабоумный заика. Что, впрочем, не помешало ему жениться, иметь детей и даже стать номинальным царем после смерти старшего брата Федора. Дожил до тридцати лет и тихо скончался, не причинив никому особого горя или хлопот.

Горе пришло три года спустя: царица Мария Ильинична родила тринадцатого по счету ребенка — девочку — мертвой и сама скончалась вскоре после этого, оставив Алексея Михайловича безутешным вдовцом, а выживших детей — сиротами. Счастливая двадцатилетняя семейная жизнь закончилась. Теперь Алексею Михайловичу негде было ук-

Царский «дядька» знал, кто может понравиться царю, поэтому всю красоту дочерей Милославского. Они были приглашены во дворец и представлены Алексею Михайловичу. Он влюбился в младшую Марию, и в январе 1648 года обвенчался с ней

не следует путать его с царем Федором Иоанновичем, сыном Ивана Грозного), Феодосия, Симеон, скончавшийся в семилетнем возрасте.

Самый младший сын, Иван, родился в 1666 году. Это был очень

рыться от бесконечных потрясений и неурядиц, происходивших в стране, и это не могло не сказаться на его характере. Кроткий и покладистый царь постепенно становился жестким и неуступчивым самодержцем.

*Царь Алексей Михайлович и архиепископ Никон
у гроба чудотворца Филиппа, митрополита Московского*

Вечная нехватка средств в царской казне и постепенное обнищание народа навели Алексея Михайловича на мысль о необходимости провести финансовую реформу. Увы, специалистов в этом деле на Руси не

было, поэтому поступили просто и незатейливо: произвольно увеличили курс ходившей монеты (серебряного ефимка) с 50 копеек до рубля, а затем стали чеканить вместо них медные монеты того же номинала.

Естественно, серебро довольно быстро исчезло из обращения и осело в разнообразных кубышках, медные деньги обесценились, началась лавинообразная инфляция. В Москве, где жизнь была особенно дорогой, вспыхнул так называемый «Медный бунт», жестоко подавленный с помощью стрельцов. Правда, медные деньги были изъяты из обращения, но народ от всего этого богаче не стал, скорее, наоборот.

Зато при Алексее Михайловиче были приняты Таможенный (1653) и Новоторговый (1667) уставы, способствовавшие развитию внутренней и внешней торговли с приоритетом русского купечества и защитой его от иностранной конкуренции.

Но самым знаменательным событием в царствовании Алексея Михайловича считается церковный раскол и так называемое «дело патриарха Никона». Царь познакомился с Никоном в 1646 году, когда тот приехал в Москву по делам своего монастыря. Молодой государь, пораженный сильным и страстным характером настоятеля, сделал его архимандритом Новоспасского монастыря и поручил прием челобитных на государево имя.

Потом он отправил Никона митрополитом в Новгород, но продолжал вести с ним оживленную переписку, а после смерти патриарха Иосифа на его место был избран царский любими-

мец, имевший на Алексея Михайловича колоссальное влияние. Ему-то царь и поручил проведение церковной реформы, о необходимости которой говорили уже давно, но никак не могли собраться с ее осуществлением.

Участие Никона вроде бы обещало успех предприятию, но, к несчастью для себя, Никон не принадлежал к числу тех людей, которые умеют останавливаться, не доходя до крайности, и умеренно пользуются своей властью. Уже этим одним он приобрел себе множество врагов. Еще большее негодование он возбудил исправлением церковных книг и той жестокостью, с которой осуществлялась эта реформа.

В результате случилось то, что потрясло страну едва ли не сильнее всевозможных бунтов: раскол. Ибо когда исправленные богослужебные книги дошли до рядовых монахов и попов, то большинство из них пришли в ужас. Прежний чин они помнили наизусть, разбудил ночью — выпалют без малейшей запинки все, что угодно, а тут...

Мало того, что двоеперстие (кому мешало?) заменилось троеперстием, так еще и все богослужебные чины стали короче, причем оказались выброшены многие песнопения и формулы, которым веками придавался особенный магический характер. Литургия вся была переделана. Хож-

дение на крестных ходах установлено было против солнца. Имя Исус было исправлено в Иисус. Подвергся правке даже текст Символа веры.

Для нас сейчас это кажется не таким уж и важным, но в те времена, когда обрядовой стороне религии придавалось огромное значение, все эти изменения были восприняты как... попытка замены православной веры на какую-то новую. А все это — дьявольские козни и происки властолюбивого Никона. Очень многие священники наотрез отказывались принимать новшества — и на их головы обрушились жестокие кары, на которые Никон не скупился. Со всех сторон в Москву пошли жалобы на своеволие и лютость патриарха. И хотя все эти обвинения были вполне справедливы, государь, не терпевший ссор и выяснения отношений, очень долго не решался впрямую объяснить с патриархом, к тому же — своим другом, хотя заметно охладел к нему. Но летом 1658 года Алексей Михайлович велел передать Никону, чтобы он больше не писался великим государем, как тот делал последние годы.

В ответ Никон демонстративно удалился в основанный им Новоиерусалимский монастырь, ожидая, что друг-государь будет уговаривать его вернуться. Но Алексей Михайлович лишь с облегчением вздохнул: с глаз долой — из сердца

вон. Когда Никон покидал Москву, он в приступе гнева всенародно отрекся от патриаршества. В монастыре же остыл и начал рассылать грамоты, в которых доказывал, что оставил только святительский престол в Москве и московским больше зваться не будет, но патриаршества не оставлял и не оставит.

А в 1660 году, при активном участии греческих архиереев и митрополитов, Никон был лишен не только патриаршества, но и священства и простым монахом заточен в Феррапонтов Рождественский монастырь. Приверженцы «старой веры» ликовали. Но ликование их было напрасным и преждевременным.

Сместивший Никона собор заодно признал православными всех греческих патриархов и все греческие богослужебные книги. Ревнителем «старой веры» подвергались отлучению от церкви, объявлялись еретиками и раскольниками, ссылались в глушь или попадали в тюрьму, чем мгновенно обрели мощную поддержку в народе. Вокруг раскольников стали собираться многие из тех, кто недоволен был сложившимися в России государственными порядками.

Старообрядцы еще долго оставались едва ли не самыми богатыми и влиятельными людьми в нижних слоях российского общества. А в самом начале способствовали появлению даже культовых фигур мучеников,

*Наталья Нарышкина — вторая жена
Алексея Михайловича*

самой яркой из которых является знаменитая боярыня Морозова, кстати, довольно близкая родственница царской семьи.

Во внешней политике стратегическая инициатива после долгих лет застоя снова перешла к Москве. Литва и Польша окончательно утратили наступательный порыв, отступив в отношениях с Русью на роль стороны обороняющейся, без надежды на победу.

Следует еще раз подчеркнуть, что сам государь имел ясное и твер-

дое понятие о божественном происхождении царской власти и ее богоустановленном чине. «Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди Своя на востоке и на западе, на севере и на юге вправду, — сказал он как-то князю Ф.Ю. Ромодановскому. — А мы, великий государь, ежедневно просим у Создателя, чтобы Господь Бог даровал нам, великому государю, и вам, боярам, с нами единодушно люди Его разсудити вправду, всем равно».

В этом, пожалуй, кроется и загадка отношений царя с Никоном.

Алексей Михайлович, по своему обыкновению, не смог противиться боярскому нажиму, а Никон не пожелал склониться перед боярской волей за счет интересов возглавляемой им Церкви. За что, собственно, и поплатился, причем простой народ отнесся к его изгнанию и заточению абсолютно равнодуш-

московского оружия способствовало то обстоятельство, что воевали по новому образцу: земли не разоряли, население не притесняли, а все, кто не хотел переходить на службу к Алексею Михайловичу, могли беспрепятственно отъезжать в Польшу.

В результате царю охотно присягал не только простой народ, но и

3

законодательная деятельность царя не могла все же предотвратить бунтов и беспорядков, продолжавшихся в течение всего его царствования («соляной» и «медный» бунты, восстания в Новгороде и Пскове, выступления башкир). «Тишайший царь» на самом деле жил в очень беспокойное время

но, если не с некоторым даже злодством.

Справедливости ради следует отметить, что всю имевшуюся у него волю Алексей Михайлович направлял тогда на ведение многолетних внешних войн. Когда в 1653 году Боярская дума окончательно решила вопрос о присоединении Украины, пришлось начинать войну с Польшей, которую желание украинцев объединиться с Россией по понятным причинам совершенно не устраивало. Русские войска во главе с самим царем двинулись к границе. Общему успеху

значительная часть шляхты, имевшая богатые поместья. К концу июля сдались Дорогобуж, Невель, Беляя, Полоцк, Рославль, Мстиславль, Дрисна и Друя. В августе поляки оставили Оршу, Глубокое, Озерницу, Гомель, Могилев, Чечерск и Пропойск. Одновременно шла осада Смоленска, который сдался к концу сентября.

В 1655 году успехи русской армии продолжились. Взяты были Минск, Вильно, Ковна, Гродно, Туров и Пинск. Но положение осложнилось, когда в войну всту-

пил шведский король Карл X Густав. Он быстро овладел всею Великою Польшей, которая признала его королем, взял Варшаву и Краков, а затем посягнул на Литву и Белоруссию, уже занятые русской армией.

В мае 1656 года последовало объявление войны Швеции, и 15 мая Алексей уже выступил в новый поход. 5 июня он покинул Полоцк и вошел в Ливонию. Начало похода было удачным — взяли Динабург, Кокенгаузен и Дерпт. Но под Ригой

ванного: Гродно, Могилев, Вильно. Алексей Михайлович утешился тем, что под его руку окончательно отошла вся левобережная Украина, что было закреплено мирным договором 1667 года. И еще тем, что в его царствование как-то незаметно была присоединена к России и вся огромная Сибирь до берегов Тихого океана и границ Китая.

Однако «воссоединение Украины с Россией» происходило далеко не гладко. Если села и города Малороссии радовались переходу

оре пришло в царскую семью. Царица Мария Ильинична родила тринадцатого по счету ребенка — мертвую девочку и сама скончалась после родов. Счастливая двадцатилетняя семейная жизнь закончилась, что не могло не сказаться на характере царя. Кроткий и покладистый, он постепенно становился жестким и неуступчивым самодержцем

русская армия застряла прочно, и дальнейшее завоевание Ливонии пришлось прекратить. Более того, по заключенному в 1661 году Столбовскому мирному договору все уже захваченное пришлось вернуть шведам.

Вернуть полякам, увы, тоже пришлось достаточно много из завое-

под руку московского царя и даже говорили казацким старшинам: «Теперь нас Бог избавил от вас, не станете вперед грабить и разорять нас», то казаки, особенно их старшины, этого ликования не разделяли, а «москвитов» жаловали ничуть не больше польских панов.

Убийство в Запорожье московского посла, направлявшегося в Крым, стало детонатором для казачьего мятежа. Старшины приняли решение присягнуть... турецкому султану, призвать на помощь крымских татар и выгнать из городов московских воевод. 120 человек погибли от казачьих сабель, еще больше — угнано в рабство. Турецкий султан Мехмет IV решил принять Малороссию в свое подданство, чем нарушил притязания на Украину и Польшу, и Москвы, и вместо новых земель приобрел новую войну на два фронта... В этой войне особенно отличился коронный гетман Ян Собеский, который и был избран в короли под именем Яна III.

В августе 1674 года турецкое войско и татарская конница прошли по Украине, страшно опустошив ее и беспощадно истребив десятки тысяч жителей от мала до велика. Эта «турецкая помощь» переполнила чашу терпения простого народа, который стал массово переселяться на левый берег Днепра — «под руку Москвы».

Таким образом, «воссоединение Украины с Россией» имело еще и совершенно неожиданные и крайне неприятные для России последствия: появился новый враг — Османская империя, которую в те времена боялась вся Европа. Евро-

пейские дипломаты наперебой стали предлагать Алексею Михайловичу заключить военно-политический союз против турок, и их предложения были приняты весьма благосклонно.

Много сил и времени Алексей Михайлович уделял и военной реформе, готовя почву для максимально безболезненного перехода к армии нового образца. С этой точки зрения царствование отца существенно облегчило сыну его грандиозные преобразования.

На сближение с «западниками» царя невольно подтолкнула и его вторая женитьба. Через три года после смерти царицы Марии Ильиничны, в 1672 году, Алексей Михайлович встретил в доме своего друга — думного дворянина Артамона Сергеевича Матвеева — его воспитанницу: Наталью Нарышкину. Красивая, стройная, непринужденно-живая в общении, она была прямой противоположностью степенно-благочестивой Милославской.

Матвеев интересовался науками и тяготел к западной культуре. Он регулярно устраивал в своем доме приемы для иностранцев. Именно среди иноземцев он нашел себе жену Марию Гамильтон, дочь шотландского роялиста, покинувшего Британию после казни короля Карла Первого, и супруги старались придерживаться европейского образа жизни.

На одном из устраиваемых ими вечеров царь Алексей и заметил 19-летнюю Наталью. Государь, которому уже перевалило за сорок, влюбился, как мальчишка, в «худородную» девицу и сделал ее своей законной супругой.

Прежде, до второй женитьбы царя, существовал суровый приказ, запрещающий подданным танцевать, участвовать в различных массовых игрищах, петь и играть на музыкальных инструментах даже во время свадебных пиров. Единственным развлечением для царевен, кроме церковных служб, было рукоделие в тереме да качели в маленьком садике под окном.

Но во время свадьбы царя с Натальей Кирилловной играл оркестр, и непривычные западные мелодии смешивались с русскими напевами хора. После свадьбы, чтобы порадовать молодую жену, царь стал поощрять сочинение пьес и велел соорудить сцену в пустовавшем боярском доме в Кремле; было подготовлено первое представление на библейский сюжет, которое состоялось в присутствии царской семьи.

Царевнам бы радоваться, что их заточение кончилось, — ан, нет. То есть развлекались-то они с удовольствием, но мачеху — их ровесницу — ненавидели люто, тщательно скрывая эту ненависть от царя-батюшки. Тот, хоть и прозывался

Тишайшим, в приступах гнева бывал крут до жестокости, боярам бороды рвал, а родную дочь вполне мог за косы по полу отвозить. Приходилось терпеть.

Кстати, любовь к довольно жестоким забавам Петр I унаследовал именно от родного батюшки. Вот, например, что писал близкому человеку сам царь об одной из своих безобидных, как ему казалось, забав во время пребывания в селе Коломенское:

«Извещаю тебя, што тем утешаюся, што стольников купаю ежеутро в пруде... кто не поспеет к моему смотру, таки того и купаю, да после купания жалую, зову их ежедень, у меня купальщики те ядят вдоволь, а иные говорят: мы-де нароком не поспеем, таки-де и нас выкупают да за стол посадят; многие нароком не поспевают».

Замечу: дело было зимой, так что купальщикам поневоле шутка царя вряд ли казалась особо забавной. Но не только угодливо смеялись — норовили нарочно опоздать, дабы государь «свою утеху имел». Словом, от желающих заняться моржеванием отбою не было.

Ровно через девять месяцев после свадьбы молодая царица родила сына, нареченного Петром, через год — дочь Наталью, еще через год — дочь Феодору. Но в делах престолонаследия рожде-

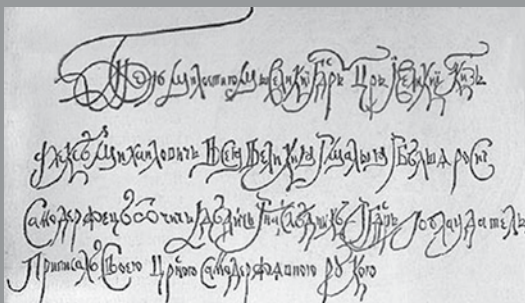

ние у царя сына от второй жены ничего не изменило: в 1674 году Алексей Михайлович объявил своим наследником четвертого сына от первого брака — болезненного и недалекого Федора. А ведь был еще и пятый сын, «головой скорбный» Иоанн. И бешено честолюбивая дочь Софья.

Но Алексей Михайлович о будущем не задумывался, наслаждался молодой красавицей-женой и

с золотой посуды, пили из драгоценных кубков, стены государь распорядился оклеить позолоченной кожей, вместо традиционных русских лавок — поставить стулья и кресла «на немецкий и польский образец».

Всех иноземцев поражало величие московского двора. «Двор московского государя, — говорил английский писатель Карлейл, посещавший Москву, — так красив и дер-

Почерк царя Алексея Михайловича

спокойной, налаженной жизнью. Он дорожил царским величием, стремился придать ему как можно больше блеска и пышности: на выходах его сопровождали бояре, разные придворные чины и рынды в роскошных уборах, у трона стояли драгоценные павлины — византийская еще затея, яства вкушали

жится в таком порядке, что едва ли найдется хоть один из всех христианских монархов, который превосходил бы в этом московского. Все сосредоточивается около двора. Подданные, пораженные его блеском, приучаются благоговеть пред ним...»

И при этом государь был весьма рачительным хозяином. При нем

доходы дома Романовых выросли втрое. Он первым принял титул «Царь, Государь, Великий Князь и всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец».

Увы, такой жизни Алексею Михайловичу было отпущено менее пяти лет. В январе 1676 года он скончался, достигнув всего лишь 47-летнего возраста. Ничем серьезным царь не болел, и одной из причин его ранней кончины считали

из тюрем всех узников, освободить из ссылки всех сосланных, простить все казенные долги, заплатить за тех, которые содержались за долги частные, и, приняв таинство Соборования и причастившись Святых Христовых Тайн, стал спокойно ожидать кончины.

На другой день три удара в колокол Кремлевской звонницы возвестили народу о смерти Тишайшего царя, самого доброго из всех рус-

Д

аже смерть «Тишайшего царя» была идеальной с точки зрения русского благочестия. Почувствовав упадок сил, Алексей Михайлович благословил на царство своего сына Федора. Затем приказал выпустить из тюрем всех узников, освободить из ссылки сосланных, простить все казенные долги и, приняв таинство Соборования и причастившись Святых Христовых Тайн, стал спокойно ожидать кончины

чрезмерную тучность. Несмотря на деятельную жизнь, страстную любовь к охоте и ревностное исполнение постов, Алексей Михайлович к концу жизни, даже по московским меркам, считался очень дородным.

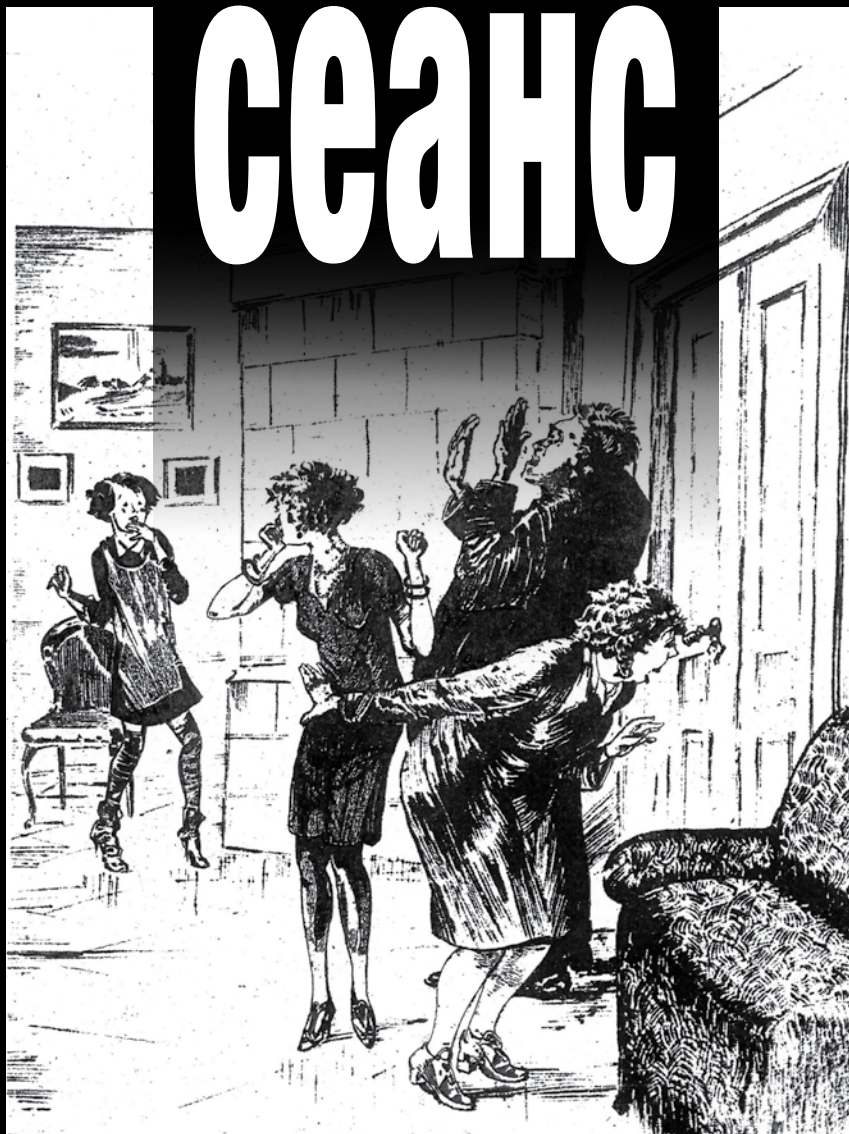
Почувствовав упадок сил, он благословил на царство своего сына Федора. Затем приказал выпустить

свих царей. Своим сыновьям самодержец передал в наследство мощное государство. А одному из них — Петру Великому — удалось продолжить дело отца, завершив формирование абсолютной монархии и создание огромной Российской империи.

Но это — уже совсем другая история... ▢

Михаил Булгаков

СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС

Дура Ксюшка доложила:

— Там к тебе мужик пришел...

Madame Лузина вспыхнула:

— Во-первых, сколько раз я тебе говорила, чтобы ты мне «ты» не говорила! Какой такой мужик?

И выплыла в переднюю.

В передней вешал фуражку на олений рог Ксаверий Антонович Лисиневич и кисло улыбался. Он слышал Ксюшкин доклад.

Madame Лузина вспыхнула вторично.

— Ах, боже! Извините, Ксаверий Антоныч! Эта деревенская дура!.. Она всех так... Здравствуйте!

— О, помилуйте!.. — светски растопырил руки Лисиневич. — Добрый вечер, Зинаида Ивановна! — он свел ноги в третью позицию, склонил голову и поднес руку madame Лузиной к губам.

Но только что он собрался бросить на madame долгий и липкий взгляд, как из двери выполз муж Павел Петрович. И взгляд угас.

— Да-а... — немедленно начал волюнку Павел Петрович, — «мужик»... хе-хе! Ди-ка-ри! Форменные дикари. Я вот думаю: свобода там... Коммунизм. Помилуйте! Как можно мечтать о коммунизме, когда кругом такие Ксюшки! Мужик... Хе-хе! Вы уж извините, ради бога! Муж...

«А дурак!» — подумала madame Лузина и перебила:

— Да что ж мы в передней?.. Пожалуйте в столовую...

— Да, милости просим в столовую, — скрепил Павел Петрович, — прошу!

Вся компания, согнувшись, пролезла под черной трубой и вышла в столовую.

— Я и говорю, — продолжал Павел Петрович, обнимая за талию гостя, — коммунизм... Спору нет: Ленин человек гениальный, но... да, вот не угодно ли пайковую... хе-хе! Сегодня получил... Но коммунизм — это такая вещь, что она, так сказать, по своему существу ... Ах, разорванная? Возьмите другую, вот с краю... По своей сути требует известного развития... Ах, подмоченная? Ну и папиросы! Вот, пожалуйста, эту... По своему содержанию... Погодите, разгорится... Ну и спички! Тоже пайковые... Известного сознания...

— Погоди, Поль! Ксаверий Антонович, чай до или после?

— Я думаю... э-э, до, — ответил Ксаверий Антонович.

— Ксюшка! Примус! Сейчас все придут! Все страшно заинтересованы! Страшно?! Я пригласила и Софью Ильиничну...

— А столик?

— Достали! Достали! Но только... Он с гвоздями. Но ведь, я думаю, ничего?

— Гм... Конечно, это нехорошо... Но как-нибудь обойдемся...

Ксаверий Антонович окинул взглядом трехногий столик с инкрустацией, и пальцы у него сами собой шевельнулись.

Павел Петрович заговорил:

— Я, признаться, не верю. Не верю, как хотите. Хотя, правда, в природе...

— Ах, что ты говоришь! Это безумно интересно! Но предупреждаю: я буду бояться!

Madame Лузина оживленно блеснула глазами, затем выбежала в переднюю, поправила наскоро прическу у зеркала и впорхнула в кухню. Оттуда донесся рев примуса и хлопанье Ксюшкиных пяток.

— Я думаю, — начал Павел Петрович, но не кончил.

В передней постучали. Первая явилась Леночка, затем квартирант. Не заставила себя ждать и Софья Ильинична, учительница II-ой ступени. А тотчас же за ней явился и Боборицкий с невестой Ниночкой.

Столовая наполнилась хохотом и табачным дымом.

— Давно, давно нужно было устроить!

— Я, признаться...

— Ксаверий Антонович! Вы будете медиум! Ведь да? Да?

— Господа, — кокетничал Ксаверий Антонович, — я ведь, в сущности, такой же непосвященный... Хотя...

— Э-э, нет! У вас столик на воздух поднимался!

— Я, признаться...

— Уверю тебя, Маня собственными глазами видела зеленоватый свет!..

— Какой ужас! Я не хочу!

— При свете! При свете! Иначе я не согласна! — кричала крепко сколоченная, материальная Софья Ильинична, — иначе я не поверю!

— Позвольте... Дадим честное слово...

— Нет! Нет! В темноте! Когда Юлий Цезор выстучал нам смерть...

— Ах, я не могу! О смерти не спрашивать! — кричала невеста Боборицкого, а Боборицкий томно шептал:

— В темноте! В темноте!

Ксюшка, с открытым от изумленья ртом, внесла чайник. Madame Лузина загремела чашками.

— Скорее, господа, не будем терять времени!..

И сели за чай...

...Шалью, по указанию Ксаверия Антоновича, наглухо закрыли окно. В передней потушили свет, и Ксюшке приказали сидеть на кухне и не топтать пятками. Сели, и стала темь...

II

Ксюшка заскучала и встревожилась сразу. Какая-то чертовщина... Всюду темень. Заперлись. Сперва тишина, потом тихое, мерное постукивание. Услышав его, Ксюшка застыла. Страшно стало. Опять тишина. Потом неясный голос...

— Господи?..

Ксюшка шевельнулась на табурете и стала прислушиваться...

Тук... Тук... Тук... Будто голос гостьи (чистая тунба, прости господи!) забубнил:

— А, га, га, га...

Тук... Тук...

Ксюшка на табурете, как маятник, качалась от страха к любопытству... То черт с рогами мерещился за черным окном, то тянуло в переднюю...

Наконец не выдержала. Прикрыла дверь в освещенную кухню и шмыгнула в переднюю. Тыча руками, наткнулась на сундуки. Протиснулась дальше, пошарила, разглядела дверь и приникла к скважине... Но в скважине была адова тьма, из которой доносились голоса...

III

— Ду-ух, кто ты?

— А, бе, ве, ге, де, е, же, зе, и...

Тук!

— И! — вздохнули голоса.

— А, бе, ве, ге...

— Им!

Тук, тук, тук...

— Им-пе-ра!.. О-о! Господа...

— Император На-по... Тук... Тук...

— На-по-ле-он!! Боже, как интересно!..

— Тише!.. Спросите! Спрашивайте!

— Что?.. Да, спрашивайте!.. Ну, кто хочет?..

— Дух императора, — прерывисто и взволнованно спросила Леночка, — скажи, стоит ли мне переходить из Главхима в Желеском? Или нет?..

Тук... Тук... Тук...

— Ду-у... Ду-ра! — отчетливо ответил император Наполеон.

— Ги-и! — гикнул дерзкий квартирант.

Смешок пробежал по цепи.

Софья Ильинична сердито шепнула:

— Разве можно спрашивать ерунду!

Уши Леночки горели во тьме.

— Не сердись, добрый дух! — взмолилась она, — если не сердисься, стукни один раз!

Наполеон, повинувшись рукам Ксаверия Антоновича, хитрившегося делать сразу два дела — щекотать губами шею madame Лузиной и вертеть стол, взмахнул ножкой и впился ею в мозоль Павла Петровича.

— Сс-с! — прошипел Павел Петрович.

— Тише!.. Спрашивайте!

— У вас никого посторонних нет в квартире? — спросил осторожный Боборицкий.

— Нет! Нет! Говорите смело!

— Дух императора, скажи, сколько времени еще будут у власти большевики?

— А-а!.. Это интересно! Тише!.. Считайте!.. Та-ак, та-ак, — застучал Наполеон, припадая на одну ножку.

— Те... эр... и... три... ме-ся-ца!

— А-а!!

— Слава богу! — вскричала невеста. — Я их так ненавижу!

— Тсс! Что вы?!

— Да никого нет!

— Кто их свергнет? Дух, скажи!..
Дыхание затаили... Та-ак, та-ак...
...Ксюшку распирало от любопытства...

Наконец она не вытерпела. Отшатнувшись от собственного отражения, мелькнувшего во мгле зеркала, она протиснулась между сундуками обратно в кухню. Захватила платок, шмыгнула обратно в переднюю, поколебалась немного перед ключом. Потом решила, тихонько прикрыла дверь и, дав волю пяткам, понеслась к Маше нижней.

IV

Маша нижняя нашлась на парадной лестнице у лифта внизу вместе с Дуськой из пятого этажа. В кармане у нижней Маши было на 100 тысяч семечек.

Ксюшка излилась.

— Заперлись они, девоньки... Записывают про императора и про большевиков... Темно в квартире, страсть!.. Жилец, барин, барыня, хахаль ей-ный, учительша...

— Ну!! — изумлялись «нижняя» и Дуська, а мозаичный пол покрывался липкой шелухой...

Дверь в квартире № 3 хлопнула, и по лестнице двинулся вниз бравый в необыкновенных штанах. Дуська, и Ксюшка, и нижняя Маша скосили глаза. Штаны до колен были как штаны из хорошей диагонали, но от колен расширились, расширились и становились как колокола.

Квадратная бронзовая грудь распирала фуфайку, а на бедре тускло и мрачно глядело из кожаной штуки востроносое дуло.

Бравый, лихо закинув голову с золотыми буквами на лбу, легко перебирая ногами, отчего колокола мотались, спустился к лифту и, обжегши мимолетным взглядом всех троих, двинулся к выходу...

— Лампы потушили, чтобы я, значит, не видела... Хи-хи!.. и записывают... большевикам, говорят, крышка... Инпиратор... Хи! Хи!

С бравым что-то произошло. Лакированные ботинки вдруг стали прилипать к полу. Шаг его замедлился. Бравый вдруг остановился, пошарил в кармане, как будто что-то забыл, потом зевнул и вдруг, очевидно раздумав, вместо того чтобы выйти в парадное, повернулся и сел на скамью, скрывшись из Ксюшкиного поля зрения за стеклянным выступом с надписью «швейцар».

Заинтересовал его, по-видимому, рыжий потрескавшийся купидон на стене. В купидона он впился и стал его изучать...

...Облегчив душу, Ксюшка затопотала обратно. Бравый уныло зевнул, глянул на браслет-часы, пожал плечами и, видимо соскучившись ждать кого-то из квартиры № 3, поднялся и, развинченно помахивая колоколами, пошел на расстоянии одного марша за Ксюшкой...

Когда Ксюшка скрылась, стараясь не хлопнуть дверь, в квартире, в темноте на площадке вспыхнула спичка у белого номерка — «24». Бравый уже не прилипал и не позывывал.

— Двадцать четыре, — сосредоточенно сказал он самому себе и, бодрый и оживленный, стрелой понесся вниз через все шесть этажей.

V

В дымной тьме Сократ, сменивший Наполеона, творил чудеса. Он плясал, как сумасшедший, предрекая большевикам близкую гибель. Потная Софья Ильинична, не переставая, читала азбуку. Руки онемели у всех, кроме Ксаверия Антоновича. Мутные, беловатые силуэты мелькали во мгле. Когда же нервы напряглись до предела, стол с сидящим в нем мудрым греком колыхнулся и поплыл вверх.

— Ах!.. Довольно!.. Я боюсь!.. Нет! Пусть! Милый! Дух! Выше!.. Никто не трогает, ногами?.. Да нет же!.. Тсс!.. Дух! Если ты есть, возьми Ia на пианино! — Грек оборвался сверху и грянул всеми ножками в пол. Что-то с треском лопнуло в нем. Затем он забарахтался и, наступая на ноги взвизгивающим дамам, стал рваться к пианино... Спириты, сталкиваясь лбами, понеслись за ним...

Ксюшка вскочила, как встрепанная, с ситцевого одеяла в кухне. Ее писка: «Кто такой?» — очумевшие спириты не слышали.

Какой-то новый, злобный и страшный, дух вселился в стол, выкинув покойного грека. Он страшно гремел ножками, как из пулемета, кидался из стороны в сторону и нес какую-то околесину:

— Дра-ту-ма... бы... ы... ы.

— Миленький! дух! — стонали спириты.

— Что ты хочешь?!

— Двери! — наконец вырвалось у бешеного духа.

— А-а!.. Двери! Слышите! В дверь хочет бежать! Пустите его!

Трык, трак, тук, — заковылял стул к двери.

— Стойте! — крикнул вдруг Боборицкий, — вы видите, какая в нем сила! Пусть, не доходя, стукнет в дверь!

— Дух! Стукни!

И дух превзошел ожидания. Снаружи в дверь он грянул как будто сразу тремя кулаками.

— Ай!! — визгнули в комнате три голоса.

А дух действительно был полон силы. Он забарабанил так, что у спиритов волосы стали дыбом. Вмиг замерло дыхание, стала тишина.

Дрожащим голосом выкрикнул Павел Петрович:

— Дух! Кто ты?

И из-за двери гробовой голос ответил:

— Чрезвычайная комиссия.

...Дух испарился из стола позорно — в одно мгновение. Стол, припав на поврежденную ножку, стал неподвижно. Спириты окаменели. Затем madame Лузина простонала: «Бо-о-же!» — и тихо сникла в неподдельном обмороке на грудь Ксаверию Антоновичу, прошипевшему:

— О, черт бы взял идиотскую затею!

Трясущиеся руки Павла Петровича открыли дверь. Вмиг вспыхнули лампы, и дух предстал перед снежно-бледными спиритами. Он был кожаный. Весь кожаный, начиная с фуражки и кончая портфелем. Мало того, он был не один. Целая вереница подвластных духов виднелась в передней.

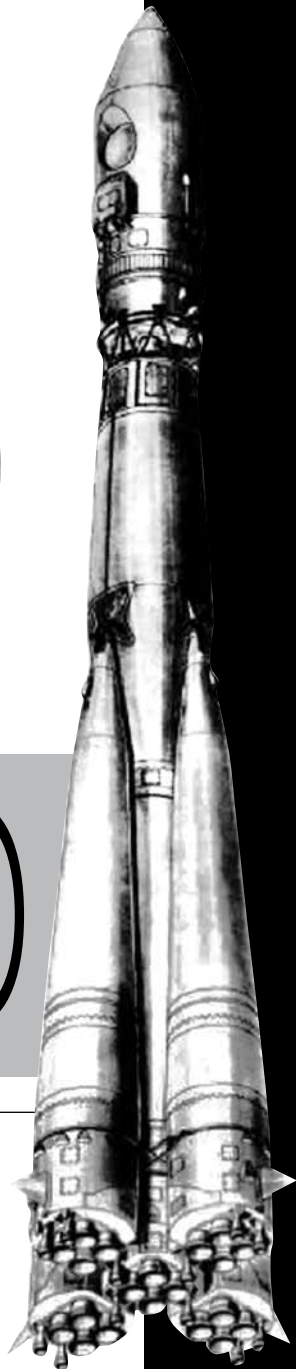
Мелькнула бронзовая грудь, граненый ствол, серая шинель, еще шинель...

Дух окинул глазами хаос спиритической комнаты и, зловеще ухмыльнувшись, сказал:

— Ваши документы, товарищи...

ЭПИЛОГ

Боборицкий сидел неделю, квартирант и Ксаверий Антонович — 13 дней, а Павел Петрович — полтора месяца. □

Т ТОЛЬКО

Евгения Гордиенко

ВЕРХ!

Когда он родился, мир едва ли был уверен в том, что человек сможет продержаться в воздухе больше часа, а конструкторская мысль двигалась в направлении развития строительства дирижаблей... Он же, всего лишь по прошествии полувека, смог запустить на околоземную орбиту первый искусственный спутник Земли. А еще через несколько лет в космос отправился человек и, более того, вернулся оттуда целым и невредимым

Его именем названо в нашей стране немало улиц и проспектов, его имя носит и подмосковный город, где он трудился многие годы, принося человечество от дирижабля к ракете.

В самом начале проспекта Королева в городе Королеве стоит памятник Сергею Павловичу. Памятник скромный, небольшой, никак не соотносящийся с этой великой личностью. Гораздо больше внимание посетителей города привлекает ракета, стоящая на повороте в Королев с Ярославского шоссе. Именно она, эта ракета, и была делом всей жизни СП («эспэ» — так его называли все, от уборщицы до главного инженера). Ракета устремлена вверх, как и ее создатель, который в жизни не признавал пути назад. Только вперед — и вверх

Сергей Павлович Королев родился на Украине, в городе Житомире. Его отцом был преподаватель словесности Павел Яковлевич Королев. Но жизнь его с матерью Сережи — Марией Николаевной — не сложилась, и вскоре супруги расстались. Юный Сережа остался на попечении матери и ее родителей, а вскоре — и отчима, Григория Баланина, инженера. И если отца мальчик почти не помнил, то отчима обожал. Возможно, именно Григорий Михайлович и привил пасынку любовь к конструированию, изучению, к пониманию всего, что так или иначе связано с «машинерией».

Семья перебралась в Одессу, где как раз в 1921 году появился отряд гидросамолетов ГИДРО-3. Сережа был в восторге от захватывающих полетов над морем. Он познакомился с механиком гидроотряда и стал незаменимым его помощником.

Там же подружился и с летчиками. Вскоре ему самому представилась возможность подняться в воздух, и с этого момента, навсегда влюбившись в небо, Королев решил стать летчиком.

С Военно-воздушной академией в Москве, однако, не сложилось, и Сергей поступил в Киевский Политехнический институт, где стал учиться на авиационного инженера.

Денег регулярно не хватало, поэтому Королев подрабатывал, где только мог, — даже был разносчиком газет. В письме к матери он писал, что встает в пять утра, разносит газеты, получает «восемь карбованцев» и планирует снять жилье.

Через два года учебы в Киеве Королеву удалось перевестись в Москву, а позже туда переехали и мать с отчимом.

В 1927 году Королев с отличием окончил планерную школу в Мо-

скве, испытав немало новых планеров. Он был в восторге от того, чему учился и чем занимался.

В эти годы всех особенно интересовал космос. Немало усилий к тому приложили Циолковский, Цандер и даже многие фантасты, такие, как, например, Толстой, с его «Аэлитой», или (чуть позднее) Беляев со «Звездой «КЭЦ», посвященной Циолковскому.

Королев же мечтал не только летать, но и строить аппараты, на которых можно летать.

Примерно в это время Сергей познакомился с Циолковским и Цандером. Сам он так вспоминал о своей первой встрече с Константином Эдуардовичем: «Шел 1929 год. Мне было тогда что-то около двадцати трех. Вместе с друзьями мы уже в то время увлекались планеризмом, самолетостроением, разрабатывали небольшие собственные конструкции...

Приехали мы в Калугу утром. В деревянном доме встретил нас высокий старик в темном костюме. В руках его был слуховой аппарат в

*Сергей
Павлович
Королев*

*С. Королев,
г. Нежин, 1912 г.*

*Мать С.П. Королева — Мария
Николаевна Королева-Баланина*

виде рупора из жести. Он прикладывал его к уху, но просил говорить негромко. Запомнились удивительно ясные глаза. Говорил Циолковский энергично, обстоятельно. Минут за тридцать он изложил нам суть своих взглядов. Не ручаюсь за точность сказанного, но запомнилась мне одна фраза. Когда я, с присущей молодости горячностью, заявил, что отныне моя цель — пробиться к звездам, Циолковский улыбнулся и сказал:

— Это очень трудное дело, молодой человек, поверьте мне, старику. Это дело потребует знаний, настойчивости, терпения и, быть может, всей жизни...

— Я не боюсь трудностей, — ответил я тогда.

— Ну, вот и отлично. Начните с того, что перечитайте все мои работы, которые вам необходимо знать на первых порах. Прочтите их с карандашом в руках. Я всегда готов помочь вам.

На прощание Константин Эдуардович подарил мне несколько своих книг, изданных в Калуге. Я был счастлив!»

Пока Королев учился, его грели не только мысли о космосе. Еще в Одессе, до отъезда на учебу в Киев, он познакомился с Ксенией Винцентини, очаровательной девушкой, ко-

торая собиралась стать врачом. Сергей использовал все свое обаяние, чтобы Ксения обратила на него внимание, даже порой совершал отчаянные глупости, вроде признания в любви с крыши одесского морга в стойке на руках. Поскольку девушки обожают безумства, совершенные ради них, Ксения, естественно, сдавалась, однако поставила условие — она должна получить высшее образование, чтобы иметь возможность обеспечивать себя самостоятельно.

Королев согласился, и учеба обоих продолжалась. У него — сначала в Киеве, потом в Москве, у нее — в Харькове. После окончания института Ксения по распределению поехала в Донбасс, а Королев тут же помчался за ней и вновь стал уговаривать ее выйти за него замуж.

В 1931 году они поженились. Поначалу все шло прекрасно, молодые супруги были счастливы, у них родилась дочь Наташа, которую Сергей Павлович обожал. И все же... можно сказать, он «был женат» на своей работе. Ксению это очень злило, но она старалась быть хорошей женой и матерью, оставаясь при этом востребованным специалистом в области ортопедии.

Такая жизнь продолжалась до 1938 года, когда Королева неожиданно арестовали. Впрочем, вряд ли к тридцать восьмому можно применить слово «неожиданно». Перед этим были арестованы Тухачевский и Туполев, курировавшие созданный несколько лет назад Ракетный инсти-

тут, где и работал Королев. Именно работая там, он написал книгу «Ракетный полет в стратосфере», высоко оцененную самим Циолковским.

Но — неожиданный арест, потом суд. Королев проходил по так называемой «первой категории», что означало рекомендацию к расстрелу. Суд, к счастью, не прислушался к этой рекомендации, однако Королев все равно был приговорен к десяти годам на Колыме.

Во время допросов ему сломали челюсть. Королев стал меньше улыбаться, как и все люди в то время, но он еще не знал, что именно этот перелом станет впоследствии для него роковым.

На Колыме Королев находился всего год, после чего был переведен в «шарагу» — по сути, тюрьму, где специалисты имели возможность работать над тем, что было необходимо государству.

В 1944 году Королев вышел на свободу. Судимость с него сняли, но то, что он пережил, снять, конечно, невозможно...

После окончания войны было принято решение о начале ракетного вооружения, и Королев становится главным инженерно-техническим руководителем созданного института. Он изучает ракетостроение в Германии и создает прототип баллистической ракеты с дальностью полета до 600 километров.

Но официально Сергея Павловича Королева больше вроде бы не

С.П. Королев и Ю.А. Гагарин

существовало, настолько он был за-секречен. Как мрачно шутил он сам: «Захотят — хлопнут без некролога». Но зато он мог работать над тем, что ему по-настоящему интересно.

Как руководитель, Королев был суровым, порой даже довольно жестким. Впервые придя в институт на станции Подлипки, он увидел, что после работы все сотрудники собираются и выпивают вместе. Он присоединился к ним, выпил стакан водки, после чего скромно представился: «Сергей Павлович Королев,

новый руководитель конструкторского бюро. Сегодня, мужики, пейте, прощаю, а завтра работать будем по моим правилам».

Он не ленился вникать в каждую мелочь, не боялся говорить: «Я не понимаю» и просить объяснить еще раз, а любой простой в работе жестко им наказывался. Он сам дневал и ночевал на работе, тем более что идти ему было особенно некуда.

Жена Ксения отказалась переезжать в Подлипки — ей, доценту кафедры ортопедии, идти работать в

подмосковную поликлинику? Да и отношения в семье давно уже стали прохладными...

Королев жил один, по-холостячки, но через какое-то время все же нашел себе новую подругу жизни — как и все трудоголики, прямо на рабочем месте.

Он обычно требовал предоставлять ему все научные статьи, выходящие в области ракетостроения на разных языках, поэтому в институте работал целый штат переводчиков. Получив однажды переведенную с английского языка статью, Королев пришел в бешенство — полное незнание терминологии, сути работы, и, вызвав к себе переводчицу — Нину Ивановну Котенкову, устроил ей настоящий разнос. После чего... согласился помочь с трудными терминами и в

тот же день назначил ей свидание в ресторане.

Завязался бурный роман, и вскоре Сергей Павлович начал понимать, что именно с этой женщиной он хочет провести остаток жизни.

Но Ксения Винцентини не давала ему развода. Она просила подождать, пока подрастет дочь. Королев ждал, создавая видимость семьи специально для любимой Наташи. Но когда ей исполнилось двенадцать, терпение у него закончилось. Он надеялся, что сумеет объяснить все дочери, но мать настраивала девочку против отца. Она не запрещала видеться с ним, но требовала, чтобы Наташа не знакомилась с Ниной Ивановной. Таким образом, отец и дочь попали в своеобразную западню, и лишь став взрослой и выйдя замуж, Наташа почувствова-

*Ксения
Максими-
лиановна
Винцентини
с дочерью
Наташей*

*С.П. Королев со второй женой —
Ниной Ивановной*

*Первенец мирового космического кораблестроения —
корабль «Восток»*

ла себя достаточно самостоятельной, чтобы позвонить отцу и приехать к нему.

Только с третьего раза Королев, наконец, получил от Ксении развод, а уже через четыре дня после этого женился на Нине. Но на медовый месяц молодым было отведено всего два дня, потому что усиленным ходом шла стройка космодрома Байконур, и Королев должен был быть там.

Как ни странно, Сергей Павлович очень верил в приметы: например, всегда носил с собой две копеечные монеты — на счастье, на старты приходил в одном и том же пальто — счастливом. Он был в нем, когда полетел первый спутник, когда отправился в полет Юрий Гагарин.

Но вот однажды утром 1966 года Королев не смог найти две свои счастливые копейки. Ему предстояла операция, и надо было ехать в больницу. Он искал их, спрашивал у жены, не видела ли, но так и уехал, не найдя монетки. Операция была, в общем-то, несложная — удаление полипа, но во время нее у Королева началось кровотечение. Чтобы усилить наркоз, нужно было вставить трубку в трахею, однако это не удалось даже самым опытным врачам. Причина — давний перелом челюсти, о котором хирурги не знали. Операция продолжалась под массочным наркозом и завершилась вроде бы успешно. Но уже после ее окончания у Королева неожиданно остановилось сердце. Все попытки

хирургов реанимировать его, оказались безуспешными. Сергей Павлович умер через два дня после своего дня рождения, 14 января, в возрасте 59 лет.

Он был человеком сложным, порой нетерпимым, стремительным, но, в то же время, невероятно влюбленным в свое дело. И те, кто работал с ним, любили и ценили его именно за это. За преданность де-

лу. За то, что всех космонавтов он считал своими сыновьями. За то, что не стеснялся говорить «не понимаю». Когда нашли тело Юрия Гагарина, в его летной куртке обнаружили удостоверение летчика и фотографию, где они были сняты вдвоем с Королевым.

Сергей Павлович Королев стал началом целой эпохи. И в эту эпоху мы были первыми. □

*Сергей
Павлович
Королев*

Елена Логунова

Игрушки

Бабка была вредная, как сахар, соль и кокаин, вместе взятые, поэтому Оленька втайне называла ее Белая Смерть. Бабка об этом не знала, но оправдывала прозвище, расхаживая по дому в белом халате и сживая со свету Оленьку в классической манере Мачехи из сказки.

Оленька была молодой женой горячо любимого единственного внука Белой Смерти. Она вышла замуж в восемнадцать и только после свадьбы поняла, что в ее случае продеть пальчик в колечко означало сунуть голову в петлю. Несмотря на то, что молодой муж был всем доволен, бабка шпыняла Оленьку так, словно та была безрукой, как мраморная Венера Милосская, и безголовой, как казненная Мария Антуанетта.

Когда бабке исполнилось семьдесят, она стала собираться в мир иной и сделалась совершенно невыноси-

ма. Сборы на тот свет проходили в смешанном формате развивающей передачи «Очумелые ручки» и военных учений. Бабка обряжалась в парадное платье и белые чешки, укладывалась на диван в дальней комнате и из-под пегих ресниц наблюдала за условно безутешными родными и близкими: те ли табуретки они поставили под символический гроб в виде коробки от большого цветного телевизора? Ту ли ковровую дорожку приготовились постелить в катафалк? А зеркала завесили? А траурные повязки надели? Как это, где они, сколько можно говорить, что в бельевом шкафу на верхней полке! И там же план похорон!

Подробный — на полтетради — сценарий печального торжества имени незабвенной себя бабка накатала от руки, преобразовав ради такого случая почерк, более похожий на

энцефалограмму, в удобочитаемые закорючки.

Другой свой манускрипт она афишировать не стала и вложила в коробку с елочными игрушками.

«Дорогие дети! — выведено было на полосатом тетрадном листе. — Когда вы снова откроете эту коробку, меня с вами уже не будет. Берегите эти игрушки и не забывайте меня. Любящая вас бабушка».

Обнаружив это послание накануне очередного Нового года, беременная вторым ребенком Оля едва не разрыдалась. Записка оказалась более утонченным моральным издевательством, чем обычные скандалы по поводу пригоревшего омлета или потерявшейся кастрюльки. Вообразить бабушку в гробу — это самый лучший антистресс, но возвращение от сладостных мечтаний к суровой действительности, в которой Белая Смерть гуляла по дому, как черная чума, причиняло Оле мучительную боль.

Бабка жаловалась на бесчисленные болезни, на завтрак съедала полное блюдечко разноцветных таблеток и регулярно ходила на кладбище проводить знакомых, причем ее маршрут по погосту все удлинялся, но никак не заканчивался. Если бы древние майя заранее знали о бабке, они тянули бы свой календарь до бесконечности! Она запросто могла остаться последним живым существом на одряхлевшей планете.

Лет пять бабка честно переписывала свое историческое послание потомкам на свежий листочек и укладывала его поверх завернутых в вату

стеклянных бус, сосулек, ягодок и фигурок. Потом она обленилась и стала приписывать снизу новую дату: одна тысяча девятьсот девяносто пятый год, одна тысяча девятьсот девяносто шестой, девяносто седьмой, восьмой, девятый...

В третьем тысячелетии Ольга этой записки долго не видела, потому что не снимала коробку с антресолей. Елочные украшения перестали быть дефицитом, в моду вошли однотонные шары и банты, о старых игрушках надолго забыли.

Бабка умерла в две тысячи двенадцатом, не дотянув до своего девяностолетия трех недель. Ольга с удивлением обнаружила, что ей не хватает бодрящих перепалок со старой гримзой даже больше, чем ее же восхитительных пирогов.

Накануне Нового года старший сын привел знакомиться с родителями невесту. Настеньке было восемнадцать, и она называла будущую свекровь по имени-отчеству, однако беззвучным шепотом добавляла после вежливо-го «Ольгапална» еще пару слогов, отчего Ольга Павловна испытывала смутное ощущение дежа вю.

Елку наряжали молодые. Модница Настенька бурно обрадовалась винтажным игрушкам с антресолей, и стеклянные сосульки, бусы и ягодки получили вторую жизнь.

Бабкину прощальную записку Ольга Павловна ловко спрятала в рукаве халата, унесла в дальнюю комнату и, старательно скопировав текст на свежий листок, подписала его:

«Любящая вас бабушка, 2013 г.» □

*Простор
в пустыне —
вот о чем я день
и ночь мечтаю.
Дайте мне горы
золота, я за них
не продам своей
дикой свободы*

Н.М. Пржевальский

Виктор Ом

О существляю заветную мечту

...В день отъезда в последнюю экспедицию 5 августа 1888 года Пржевальский был печален. То утро в своих воспоминаниях описал его ученик и сподвижник, впоследствии академик, Петр Кузьмич Козлов: «Николай Михайлович грустил и, видимо, не торопился ехать. Встав ранее обыкновенного, он наскоро напился чаю и распорядился о завтраке. Вскоре приехали соседи попрощаться и проводить отъезжающего; собрались также все служащие, не исключая и рабочих. Не сказав никому ни слова, с опущенной головой, Николай Михайлович вышел через террасу в сад, побывал в любимой хатке, обошел все знакомые места, порою останавливался, словно прощаясь с родной слободской природой.

Собрав всех нас, спутников, он отправился к больной няне: тяжелые, горькие рыдания огласили комнату. «В последний раз!» — сказала со вздохом старушка и смолкла. Исхудалое лицо ее исказилось судорогами; сухие губы как-то произвольно двигались, влажные глаза скользили по нашим лицам. Прощаясь с няней, Николай Михайлович горько плакал и просил благословить его».

Николай Михайлович интуитивно чувствовал, что больше не вернется в родной край. Чувствовали это и все те, кто был в Слободе в то серое утро...

Завтрак прошел в грустном настроении. Он всех обнимал и целовал, а после, в расстроенных чувствах, вышел на террасу и прямо на одной из колонн красным карандашом сделал надпись: «5 августа 1888 года. До свидания, Слобода! Пржевальский».

Озеро Сапшо... Любимое место отдыха Николая Михайловича. «Кругом все лес, — писал он друзьям, — а из обрывистого берега бьет ключ. Местность вообще гористая, сильно напоминающая Урал. Озеро Сапшо в гористых берегах, словно Байкал в миниатюре...»

Он боготворил эти места, родную Смоленщину. Уезжая в последнюю экспедицию, предчувствуя, что больше не вернется, встал и сказал: «Прощай Сапшо!»

В характере, в личности Николая Михайловича многое изумляет. В первых, фанатичная преданность делу. Как писал сам Пржевальский: «Не изменю до гроба тому идеалу, которому посвящена вся моя жизнь. Написав, что нужно, снова

махну в пустыню, где буду стократ счастливее, нежели в раззолоченных салонах, которые можно приобрести женитьбою».

И действительно, он не изменил своим идеалам даже ради личного счастья, так и остался холостяком...

Во-вторых, Николай Михайлович был настоящим патриотом. Его всегда волновала и беспокоила судьба русских людей, простых рабочих и крестьян. Он видел, как живут крестьяне, и это вызывало в нем нестерпимую горечь.

«Отсутствие власти и закона чувствуется в особенности в деревне. Там пьяный волостной писарь и безграмотный старшина бесконтрольно властвуют. Плохо и очень! Из года в год все хуже и хуже еще потому, что теперь подрастает молодое поколение, народившееся в эпоху великого российского одурения. К чему это приведет! В общественной жизни в деревне такая неурядица, такие беззакония и такое торжество порока, каких нигде не встречал и в самых диких ордах Центральной Азии».

Судьба не дремала, удары сыпались один за другим, и конечным итогом стала тяжелая болезнь.

...Вот печальная хронология тех дней...

4 октября Николай Михайлович вместе со своим учеником и приятелем Роборовским поехали охотиться на речку Чу, где в прибрежных долинах издревле водилось много фазанов. А вот местность вокруг была очень болотистая. Они уже слышали от киргизов, что всю прошлую зиму 1887 года во всей округе свирепствовал брюшной тиф. В этот день, на охоте, они с Роборовским много ходили, и Николай Михайлович не раз силь-

но потел и жадно пил воду. Прямо сырую, речную... Похоже, именно там, на охоте, и произошло непонятное...

14 октября Пржевальский написал приказ по экспедиции, где распределял обязанности в отряде, а в заключительных словах счел нужным напомнить своим коллегам об общей ответственности:

«Дело будет трудное, зато и славное. Теперь мы на виду не только всей России, но даже целого света. Покажем же себя достойными такой завидной участи и сослужим для науки службу молодецкую...»

15 октября Николай Михайлович впервые пожаловался на недомогание, у него повысилась температура. Ему предложили позвать врача, но он категорически отказался: *«Сколько раз такое бывало, пройдет и нынче».* Весь день пролежал в юрте, а к вечеру из Каракола приехал навестить его капитан Хацитовский, и Николай Михайлович вдруг стал расспрашивать его о тифе, часто ли он в этих краях бывает, и в какой форме протекает болезнь.

В.И. Роборовский оставил воспоминания о последних днях Пржевальского.

«В ночь с 15 на 16 число Николай Михайлович спал беспокойно; температура тела значительно повысилась, чувствовал он себя хуже, но (утром), выйдя из юрты и увидав на кособоре сидящего черного грифа, не вытерпел и выстрелил в него. К величайшему восторгу бывших не-

подалеку киргиз, гриф покатылся убитым. Притащили его к юрте; Николай Михайлович рассматривал его, расправлял крылья и перья и любовался ими».

А на следующий день, 17 октября, он уже не встал. Жаловался на боль под ложечкой и боли в ногах и затылке. Лицо его покрылось желтизной.

Доктора все же привезли из Каракола. Это был И.И. Крыжановский, он и поставил диагноз — брюшной тиф!

Лекарства, прописанные врачом, не помогали, больному становилось все хуже... В меховой одежде, он лежал в юрте на войлоке, расстеленном прямо на земле. Топить печку Николай Михайлович своим друзьям не позволял. Долго и плохо разгоравшиеся дрова выделяли много едкого густого дыма, к тому же, становилось невыносимо жарко и душно. Врач настаивал на переезде больного в Каракол, в теплый дом. Николай Михайлович согласился переехать, но потребовал от коллег, чтобы все они с багажом и верблюдами разместились рядом. Его устроили в глазной барак каракольского лазарета, а юрты спутников Пржевальского разместили прямо во дворе.

18 октября болезнь вроде бы немного отступила... Но, увы, улучшение было совсем не долгим. К следующей ночи больной стал бредить. Возле него безотлучно находились Роборовский, Козлов, Телешов, Нефедов. Когда к Николаю Михайловичу ненадолго возвращалось со-

знание, и он начинал что-то говорить, они буквально ловили каждое его слово.

В бреду часто стала видиться мать, добрая, милая мамочка...

Елена Алексеевна рано осталась вдовой, с тремя сыновьями на руках. Муж ее, Михаил Кузьмич Пржевальский, скончался в сорок два года от болезни легких, и Елене Алексеевне пришлось самой взяться за ведение хозяйства и воспитание детей. Ее родня не забыла, что она ослушалась всех и бросилась в «неравный брак», поэтому не торопилась с помощью, да она и не ждала ее. При всей видимой хрупкости, характер у нее был крепкий, волевой, к тому же, и образование имелось — она окончила институт в Петербурге.

Когда умер отец, Николаю Михайловичу было всего семь лет. Он вспоминал: *«На меня в раннем детстве больше всего имел влияние мой дядька, а также мамка Ольга Макарьевна, которая часто рассказывала нам, детям, сказки и умела приучить нас к себе».*

Крепостная крестьянка Ольга Макарьевна занимала в жизни этого великого человека особое место, Николай всегда относился к ней с безграничной любовью и доверием. Нянечка была ключницей, экономкой в одном лице и вообще незаменимой, главной помощницей матери в ведении хозяйства — первое время в их Отрадном, а потом и в Слободе.

Дом-музей им. Н.М. Пржевальского — имение «Слобода», Смоленщина, на берегу озера Сапо

В детстве Николай Михайлович очень дружил с братом Владимиром, который был на год младше его. Они вместе и начали учиться. Их первым учителем стал дядя, Павел Алексеевич Каретников. Два года он обучал мальчиков грамоте и французскому языку, а потом Елена Алексеевна отвезла сыновей в смоленскую гимназию. 7 ноября 1849 года братья успешно сдали экзамены, и Николая зачислили сразу во второй класс.

В Смоленске братья Пржевальские жили в маленькой квартирке, снятой на Армянской улице (теперь это улица Соболева), рядом с Над-

вратной церковью. Присматривали за ними дворовый Игнат, сын которого был постоянным участником шалостей Коленки Пржевальского в Отрадном, и кухарка Анна, сестра Макарьевны. Во все время учебы в Смоленске братья находились под строгим надзором, и без дядьки их никуда не выпускали.

Во время каникул Николай приезжал в Отрадное, и часто вместе с дядей Павлом Алексеевичем бродил с отцовским ружьем по лесам. Любовь к родной природе, зародившаяся еще в раннем детстве, сохранилась на всю жизнь. Каждый раз по возвращении из экспе-

диций Николай Михайлович устремлялся в родное гнездо, чтобы вновь увидеть дорогие сердцу места...

«Всему высокому, всему прекрасному научился богато одаренный юноша в лоне матери-природы; ее непосредственному влиянию обязан он и нравственной чистотой, и детской простотой своей прекрасной души, и тонкою наблюдательностью своего ума, и своею неутомимой силой и энергией в борьбе с физическими и духовными препятствиями,

и замечательным здоровьем души и тела, и беспредельной своей преданностью науке и Отечеству», — так говорил о Пржевальском крупнейший русский ученый, многолетний руководитель Русского географического общества П.П. Семенов-Тянь-Шанский.

В 1855 году Пржевальский окончил Смоленскую гимназию. С отличием...

В это время шла русско-турецкая война, и, как всякий юноша, Прже-

вальский мечтал участвовать в военных баталиях, развернувшихся под Севастополем. Разгоряченное воображение рисовало ему картины, в которых он мысленно видел себя настоящим героем. Увы, он и не подозревал, какая суровая реальность военной службы ждет его впереди...

Все лето пришлось Николаю ждать назначения на службу.

4 сентября 1855 года он, наконец, поехал в Москву, где его зачислили в сводно-запасный Рязанский полк, который сразу же по прибытии Пржевальского выступил в Калугу, а затем в Белев Тульской губернии. Но ни воевать, ни свершить выдающихся ратных подвигов Николаю Михайловичу так и не довелось. К тому же, атмосфера в полку, с его точки зрения, была отвратительная — бесконечные пьянки, игра в карты... Офицеры беспощадно обращались с подневольными солдатами и распоряжались ими похлеще любого помещика со своими крепостными, и главным методом «обучения» были телесные наказания. Из-за всего этого впечатлительному Николаю первые месяцы такой службы казались сущим адом.

Через полгода его назначили взводным унтер-офицером, но это все равно не принесло ему никакого удовлетворения. Разочаровавшись в воинской службе, он полностью погрузился в чтение книг по истории и о путешествиях, часто бродил по

лесам и полям, охотился и собирал растения. «Это, — говорил Николай Михайлович, — навело меня на мысль, что я должен непременно отправиться путешествовать».

Через какое-то время Пржевальскому присвоили звание офицера и перевели в Полоцкий полк, стоявший тогда в городе Белом Смоленской губернии. Картина повседневного воинского быта и здесь не изменилась — вокруг царили все те же разгул и пьянство. Однажды ротный командир попытался заставить Пржевальского выпить водки, но получил резкий отказ.

«Он не наш, а только среди нас!» — закричали офицеры, недолюбливавшие его за то, что вел совсем иной образ жизни и много времени проводил за книгами или на охоте.

Желание стать путешественником крепло все больше, и неожиданно Пржевальский подал рапорт с просьбой перевести его служить на Амур.

Ответ начальства — трое суток гауптвахты!

А в газетах того времени уже появлялись отчеты Стэнли Ливингстона об исследованиях в Африке... На южной окраине России Петр Петрович Семенов открыл для науки огромную страну — Тянь-Шань. Что же там дальше, за Тянь-Шанем? — спрашивал себя Николай Михайлович и видел перед глазами географические карты с огромными районами Центральной Азии, обозначенными белым пятном...

Целых одиннадцать месяцев Пржевальский упорно готовился к экзаменам, решив поступить в академию Генерального штаба.

Осенью 1861 года он успешно сдал конкурсные экзамены и был зачислен в академию.

Николай сразу привлек внимание своих товарищей по учебе. Он был высокого роста, худощавым, внешне очень симпатичным, но при этом, как все отмечали, — слишком нервным. Но более всего поражала его феноменальная память. Стоило ему один раз прочесть текст, и он запоминал его почти весь наизусть!

В 1863 году в Польше вспыхнуло восстание против царской власти, и слушателей академии, досрочно выпустив из учебного заведения, направили туда...

К счастью, в карательных операциях офицеру Пржевальскому не пришлось участвовать. Он и к месту назначения не особо спешил, а, приехав, тут же оформил четырехмесячный отпуск. Все лето 1864 года провел на Смоленщине, в родном Отрадном. Усиленно изучал зоологию и ботанику и окончательно решил стать путешественником.

Вернувшись на службу в звании взводного офицера, Пржевальский начал преподавать историю и географию в Варшавском юнкерском училище. Юнкера его буквально обожали и часто приходили к нему домой. Он, как радушный хозяин, угощал их, а после обеда юноши читали

книги из богатой библиотеки Пржевальского.

В 1867 году в Варшаве вышел из печати его «Учебник по всеобщей географии», переизданный вторично через три года, а сам Николай Михайлович считал, что именно Варшава сформировала в нем путешественника.

Пришло время вступить на этот тернистый путь. Но впереди его ожидала масса препятствий: отсутствие высоких покровителей, материальная необеспеченность, да и рапорты о переводе в Сибирь по-прежнему оставались без ответа...

В УССУРИЙСКОМ КРАЕ

В 1866 году просьба Пржевальского об откомандировании его для прохождения службы в Восточную Сибирь, наконец, была удовлетворена. В январе 1867 года он навсегда покидает Варшавское юнкерское училище и едет в Петербург. В столице ему нужно было получить необходимые инструкции в Географическом обществе и Генеральном штабе. К тому же, таилась надежда, что Географическое общество, возможно, поможет и в снаряжении экспедиции. Совет общества не выделил ассигнований молодому и неизвестному в научном мире офицеру, но, здесь, в Петербурге, произошло важное событие — Николай Михайлович познакомился с Петром Петровичем Семеновым-Тянь-Шанским, председателем отделения физической географии Географического общества.

Он очень заинтересовался планами Пржевальского и дал рекомендательные письма к губернатору Корсакову и в Сибирское отделение географического общества. А еще предложил Пржевальскому исследовать Уссурийский край.

В марте того же года Николай Михайлович был уже в Иркутске. Целый месяц он провел в библиотеке Сибирского отделения географического общества, познакомился с трудами по Азии, в том числе и рукописными, много работал, выписывал неизвестные ему интересные факты, которые впоследствии очень ему помогли.

Только в мае, наконец-то, была оформлена командировка в Уссурийский край. Наряду с чисто военными целями Сибирское отделение Географического обще-

ства предложило начинающему путешественнику программу изучения края и ассигновало на это небольшую сумму.

26 мая 1867 года Пржевальский с двумя спутниками — топографом Ягуновым и казаком Николаевым — выехал из Иркутска. Так началась его первая экспедиция...

«Дорог и памятен для каждого человека тот день, в который осуществляются его заветные стремления, когда после долгих препятствий он видит, наконец, достижение цели, давно желанной», — записал Николай Михайлович на первой страничке дневника начавшегося путешествия.

Они переплыли на пароходе Байкал и через десять дней на почтовых тройках прибыли в Среденск, что на реке Шилке, откуда

*Шхуна «Алеут» у о. Аскольда. С картины В. Шилиева.
На этом парусно-паровом судне Н.М. Пржевальский вышел в море:
от устья Суйфуна в Амурский залив и далее на юго-запад*

начиналось водное сообщение по Амуру.

И здесь Пржевальский принял решение плыть дальше на лодке — так можно было высаживаться в любом месте, вести наблюдения, изучать ландшафт. В дневнике он описывал рельеф местности, растительность, встречающихся здесь зверей и птиц.

Они добрались до станицы Албазин, находившейся на слиянии Шилки с Аргунью, затем снова пересели на пароход и поплыли по Амуру.

Через месяц экспедиция остановилась в селе Хабаровске (ныне город Хабаровск).

«Это селение, — отмечал Николай Михайлович, — живописно рас-

кинувшееся на правом гористом берегу реки, вытянулось в настоящее время более чем на версту в длину и имеет 111 домов, в которых, кроме войск, считается 350 жителей обоего пола; цифра же солдат бывает различна, и колеблется между 150–400 человек, смотря по временам года».

От Хабаровска начинался маршрут их путешествия. Первоначальная мысль идти вдоль Амура и далее по Уссури оказалась неосуществимой. В начале июля в результате сильного наводнения по всем тропам, связывающим казачьи станицы, невозможно было даже верхом проехать — они были затоплены.

Пржевальский принял решение плыть вверх по Уссури на лодке.

Путь тяжелый, изнурительный... 509 километров против быстрого течения, поэтому длился он 23 дня.

Николай Михайлович и его спутники, за исключением гребцов, шли берегом, собирая коллекции и производя топографическую съемку местности. Донимали проливные и почти непрерывные дожди. Уровень воды поднялся на несколько метров — луга были затоплены. Собранные растения быстро гибли от сырости, чучела птиц портились...

Пржевальского и его коллег поразила буйная растительность, раскинувшаяся по берегам многоводной реки.

«Здесь растительная жизнь является во всей силе, — писал он, — и часто на небольшом пространстве теснятся самые разнообразные породы деревьев и кустарников, образующих густейшие заросли, переплетенные различными вьющимися растениями. В особенности роскошно развивается в таких местах виноград, который то стелется по земле и покрывает ее сплошным ковром зелени, то обвивает, как лианы тропиков, кустарники и деревья и свешивается с них самыми роскошными гирляндами».

Но не только природа приковывала внимание Пржевальского. Не менее пристально он всматривался и в жизнь людей, населяющих этот дикий еще край. На берегах Усури располагалось 28 казачьих станиц. Путешественника поразило крайне бедственное положение ка-

заков, по всему было видно, что царское правительство совсем не обращает внимания на условия жизни этих людей. Среди населения свирепствовали тиф и другие эпидемические болезни.

«Борьба с нуждой, голодом и различными невзгодами отражается не только на нравственной стороне, но даже на самой физиономии уссурийских казаков. Бледный цвет лица, впалые щеки, выдающиеся скулы. Иногда вывороченные губы, по большей части, невысокий рост и общий болезненный вид — вот характерные черты физиономии этих казаков. Не увидите вы здесь, — с горечью писал Н.М. Пржевальский, — красивого великорусского мужика с его окладистой бородой или краснощекое парня. Нет! Сами дети казаков, живой тип своих отцов, какие-то вялые, неигривые. Ни разу не слышал я на Усури русской песни, которая так часто звучит на берегах Волги...

Вообще, все, что вы видите на Усури, — и казаков, и их быт, — все действует крайне неприятно, в особенности на свежего человека. Везде встречаешь грязь, голод, нищету, так что невольно болит сердце при виде всех этих явлений».

Врожденное чувство сострадания не позволило Николаю Михайловичу равнодушно пройти мимо увиденного, и в свой отчет о путешествии он включил гневные строки в адрес царского правительства, надеясь привлечь внимание на горестное положение казачества. Сибирские чинов-

ники всполошились и сразу же принялись готовить статью о деятельности Пржевальского, пропитанную клеветой, в которой пытались убедить всех, что неопытный путешественник исказил факты. Нужно было оправдать себя, свое халужество, поборы и безразличие к судьбам и нуждам простых людей.

Обвинения в недостоверности и искажении сообщаемых им сведений могли закрыть перед начинающим исследователем дальнейшие пути.

События развивались стремительно — затронуть интересы чиновных господ — дело не простое. Состоя-

лось общее собрание Сибирского отделения Географического общества, на котором Пржевальский лично выступил против недостойной выходки «Известий Сибирского отделения Географического общества», опубликовавших клеветническую статью, и потребовал напечатать ее опровержение.

Редакция отказалась...

Пржевальский заявил, что с этого дня порывает всяческие отношения с Сибирским отделением, и свое опровержение отправил в одну из столичных газет — в «Петербургские ведомости».

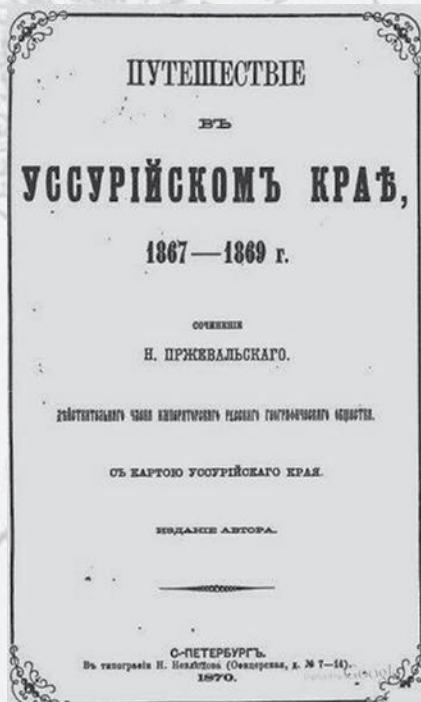
В то время в Петербурге находил-ся генерал М.П. Тихменев, который очень хорошо знал положение каза-чьего населения Уссурийского края. По просьбе Николая Михайловича он тоже направил в «Петербургские ве-домости» свою заметку, в которой, как начальник штаба войск Примор-ской области, заявлял, что «в статье г. Пржевальского "Русское населе-ние уссурийского края"... нет ни одного факта, достоверность которо-го была бы подвержена сомнению...»

А путешествие тем временем про-должалось. Конечной остановкой на Уссури была станция Буссе. Далее маршрут шел по реке Сунгаче к озе-ру Ханка.

Озеро Ханка протянулось с се-вера на юг на расстояние 95 кило-метров, глубина его была от 1–3 до 7-ми метров, и менялась она в за-висимости от объема воды, прино-симой впадающими реками.

Путешественники были пораже-ны красотой местного пейзажа и ви-дом озера, а особенно обширными зарослями лотоса, водного расте-ния — родственника гвианской цар-ственной виктории.

Параллельно с изучением флоры и фауны края Пржевальский зани-мался и переписью крестьян трех де-ревень на западном берегу Ханки — Турий Рог, Троицкая и Астраханская. Он сетовал на слабую заселенность и утверждал, что ханкайские степи — самое лучшее во всем Уссурийском крае место для поселения. Почвы плодородны, не требуют большого

труда при разработке, и много пре-красных пастбищ.

В конце сентября экспедиция по-кинула озеро Ханка и направилась к побережью Японского моря, где за-нялась исследованием залива По-сьет, гавани Ольги и залива Влади-мира. Вот таким предстал взору пу-тешественника русский город Вла-дивосток:

«Владивосток вытянут на протя-жении более версты по северному берегу бухты Золотой Рог, обшир-ной, глубокой, со всех сторон об-ставленной горами и потому чрезвы-чайно удобной для стоянки судов.

Кроме солдатских казарм, офицерского флигеля, механического заведения, различных складов провианта и других запасов, в нем считается около пятидесяти казенных и частных домов... Число жителей, вместе с войсками, простирается до 500 человек».

Изучались все особенности важнейших заливов, бухт и гаваней побережья, их возможности для стоянки судов и экономического развития края. Особенно понравилась Пржевальскому долина реки Сучан, протянувшаяся более чем на 60 километров. Почвы ее тоже были плодородны и очень удобны для хлебопашества, да и флора и фауна были великолепны.

Уже в этом первом путешествии у Николая Михайловича обнаружился явный литературный дар. Вот фрагменты его записей в дневнике:

«...После ужина посидишь еще немного у костра, поболтаешь или погрызешь кедровых орехов, а затем укладываешься спать, конечно, не раздеваясь, и только подостлав под себя побольше травы, а сверху укрывшись какой-нибудь шкурой, в которую закутаешься герметически.

Наконец все заснуло, и кругом водворилась тишина... Широким пологом раскинулось над нами небо, усеянное звездами, а луна, сквозь ветви деревьев, украдкою бросает свои бледные лучи и еще более дополняет впечатление оригинальной картины...»

7 декабря экспедиция прибыла в залив Ольги, где были проведены необходимые наблюдения и перепись крестьян. Через несколько дней, сменив лошадей, путешественники направились к устью реки Тадуши, затем поднялись на Сихотэ-Алинь и, перевалив хребет, вдоль рек Лифудин и Уссури к середине января 1868 года вышли к станции Буссе.

Труднейшее зимнее путешествие, продолжавшееся три месяца, было завершено. Экспедиция прошла около 1140 километров, и была собрана уникальная коллекция флоры и фауны Дальневосточного края.

Весной 1868 года Пржевальский вновь оказался на озере Ханка, чтобы вести детальные наблюдения за весенним перелетом птиц. А дальше в планах была Маньчжурия. Но, к сожалению, эту идею осуществить не удалось — летом группа китайцев-золотоискателей вторглась в русские владения в Приморье и сожгла несколько деревьев. Пржевальского назначили начальником отряда по борьбе с китайскими разбойниками, а потом — адъютантом штаба войск в Приморской области.

Осень и зиму Николай Михайлович провел в Николаевске-на-Амуре. Он обработал собранные коллекции и написал несколько глав будущей книги о путешествии по Уссурийскому краю.

А весной 1869 года — снова озеро Ханка.

Самыми лучшими и незабываемыми днями пребывания в Уссурийском крае Николай Михайлович считал именно эту весну. На сторожевом посту, с двумя казаками и Ягуновым, они были единственными людьми на сотню верст вокруг. Пустынно, печально выглядели в конце февраля берега Ханки, но к

весне природа стала постепенно пробуждаться. Прилетел орлан бесхвостый, потом лебеди-кликуны, а с двадцатого марта начался уже массовый перелет птиц. К началу апреля берега озера были просто неузнаваемы... громкий крик журавлей, кряканье уток, гогот гусей, свист куликов, токанье

*Памятник
Н.М. Пржевальскому
в Караколе*

тетеревов, писк чибисов и, конечно, по утрам — песнь жаворонков! Все это сливалось в общий гвалт и свидетельствовало о полном разгаре здешней весенней жизни.

В июле это путешествие закончилось. Экспедицией было пройдено 3 тысячи километров, собрана богатейшая коллекция из 310 чучел птиц, около 300 растений, 10 шкур млекопитающих, 42 вида яиц птиц в количестве 550 штук, 83 вида различных растений. Были проведены систематические метеорологические наблюдения, накоплен богатый материал о народах, населяющих Дальний Восток, изучены пути, ведущие в Маньчжурию и Корею.

Это первое двухгодичное путешествие положительно повлияло на формирование личности Пржевальского и многому его научило... После него Николай Михайлович приехал в Иркутск и выступил с лекциями об Уссурийском крае. Мало того, что говорил он красноречиво, с увлечением, еще и пению птиц подражал, и настолько хорошо, что один из его слушателей несколько лет спустя, проезжая по Амуру, благодаря этому подражанию сразу узнал иволгу.

Весной Пржевальский уже делал доклад об итогах путешествия в петербургском Географическом обществе.

«Все эти лекции, — писал он дяде, — сошли так хорошо, как лучше и желать нельзя. Целый взрыв рукоплесканий по окончании каждого

чтения был лучшим заявлением того, что публика осталась довольна».

Теперь оставалось одно — в кратчайшие сроки завершить работу над книгой. Это и задерживало Пржевальского в столице. А ему так хотелось на родную Смоленщину, он так скучал по близким людям и родным местам!

Географическое общество и Генеральный штаб благожелательно приняли его план исследования Центральной Азии. Пришлось несколько раз встречаться с русским посланником в Пекине генералом А.Е. Влангали, так кстати оказавшемся в Петербурге. Николай Михайлович хлопотал о средствах, закупке снаряжения, подборе новых спутников. В подготовке к новой экспедиции и в работе над книгой прошло все лето, и, наконец, в 1870 году книга Пржевальского под названием «Путешествие в Уссурийском крае» увидела свет, правда, автор издал ее за свой счет.

Ученые сразу увидели в лице нового автора-путешественника талантливое естествоиспытателя, к тому же, литературно одаренного. За эту книгу Николай Михайлович удостоился серебряной медали Русского географического общества. Своеобразный «экзамен на путешественника» был сдан блестяще!

А впереди Пржевальского ожидали новые пути-дороги! И главное — Центральная Азия! □

Окончание следует

Мастер-класс

Поэтом Елизар Кузьмич был уже давно.

Это звание — «поэт» — он присвоил себе сам. Конкуренции в небольшом городке Киркурулуйске практически не было. Две-три домохозяйки, путающиеся в рифмах, были не в счет.

Чтобы окончательно затвердить свой статус поэта, Елизар Кузьмич купил себе трость и большой яркий берет в клетку с помпоном. Такого рода вызывающая одежда не приветствовалась консервативными жителями Киркурулуйска, и за это могли даже побить. Но для поэта Елизара Кузьмича делали исключение.

Администрации города он был удобен.

Во-первых, проверен: ничего нового, неожиданного или не дай

бог, политически незрелого поэт не скажет.

Во-вторых, подкупала его безотказность и постоянная готовность прочитать свои стихи на любом мероприятии, будь то похороны, день рождения или какой другой государственный праздник. Все свои выступления Елизар Кузьмич начинал словами: «Если бы Пушкин был жив, то наверняка сказал бы...», а далее приплетал какие-нибудь свои стихи. Такой, видимо, негласный договор у него был с Пушкиным.

В-третьих, он помогал администрации заполнить постоянно зияющую пустотой графу «культурные мероприятия города».

Поэтому, когда здесь проездом остановился столичный поэт Калым

Мирзакулиев, администрация города с подачи Елизара Кузьмича предложила звезде провести мастер-класс среди поэтического бомонда Киркурулуйска.

На поэтический бомонд собрались хорошо известные Елизару Кузьмичу три домохозяйки, имена которых не имеют значения для повествования, хотя бы потому, что не только они сами, но и их стихи были на одно лицо. Еще пришел местный изобретатель Кондрат, занимающийся ремонтом водопроводных труб и носящий на лацкане пиджака какой-то невнятный — в виде шестеренки — значок давних социалистических времен. Он посещал все без разбору культурные мероприятия города, так как причислял себя к технической интеллигенции.

С опозданием появилась недавно разведенная и страшно экзальтированная молодая поэтесса Магдалена (в миру Маша).

Калым Мирзакулиев пришел в бабочке и в сопровождении зама главы администрации. А Елизар Кузьмич еще раз мысленно похвалил себя за ношение поэтического берета с помпоном.

В остальном столичный поэт Елизару Кузьмичу не понравился. Толстый и неопрятный, он был одет в пыльный пиджак старинного покроя, сильно потертые джинсы и стоптанные, давно забывшие про встречи с гуталином, черные ботинки.

С одной стороны это могло демонстрировать полную отрешен-

ность таланта от бытовых интересов, но с другой — равнодушие к материальному вознаграждению за поэтические труды. Елизара Кузьмича это последнее обстоятельство особенно смущало.

Все дамы сжимали в руках рукописные поэтические тетради, периодически прижимая их к груди в полной готовности читать свои произведения. Они жаждали похвал от заезжей звезды.

Столичный поэт долго рассказывал о себе, затем посетовал на недостаток грамотности современных поэтов, неверный выбор тем, плохие рифмы, недостаток поэтических образов и рекомендовал читать его стихи, тут же предложив приобрести его поэтические сборники, стопку которых он предусмотрительно принес на встречу.

Обескураженный Елизар Кузьмич в задумчивости покидал помещение, а поэтические женщины стайкой вились вокруг Мирзакулиева. Они задавали звезде разного рода подхалимские вопросы, одновременно пытаясь вручить ему свои рукописные листочки со стихами и с тайной надеждой на их публикацию в столичных литературных журналах.

Наконец сомлевший от поэтического действия представитель администрации оттеснил от известного поэта рой обожательниц и, взяв его под локоток, повел в буфет:

— Ну, что, Калым, вот теперь покажем настоящий мастер-класс! — Администрация угощает! □

Ирина Опимах

Возвращение блудного сына

Это полотно — одно из главных сокровищ Эрмитажа, признанный шедевр мировой живописи. Художнику удалось, используя библейский сюжет, подняться до невероятных высот духовного постижения человеческой судьбы и человеческого предназначения. И сказать людям, что самое главное в этом мире — Любовь.

Тогда свидетелем этой сцены были немногие — да и кого могло привлечь к себе сие жалкое зрелище: в Еврейском квартале, в одном из беднейших районов Амстердама, из дома, где жил старый художник Рембрандт, выносили все, что там еще оставалось ценного. Какая-то мебель, посуда, одежда. (Сохранилась нотариальная опись собственности, пригодной к продаже, которая была подробно, с голландской педантичностью, составлена после кончины художника: *«Три старых, поношенных фуфайки; восемь носовых платков; десять беретов и головных колпаков; одна Библия и принадлежности для писания картин»*.) Ну, и еще 60 полотен, 300 офортов и две тысячи рисунков. Все уходило за долги, которые художнику так и не удалось заплатить. Но хозяина дома уже ничего не могло взволновать — он лежал на кровати в своей спальне, спокойный, умиротворенный. Мертвый. Великий художник покинул сей бренный мир накануне, 4 октября 1669 года, подарив человечеству великие шедевры, ставшие вершиной мировой живописи.

Среди тех картин, найденных в его доме, была и «Возвращение блудного сына». Это полотно — словно завещание великого мастера, итог его жизни в искусстве, итог мучительных размышлений о человеческой природе и о человеческой судьбе.

Последние годы были самыми страшными в жизни Рембрандта. Время болезней, разочарований, неудач, непонимания и невосполнимых

утрат. Картину «Заговор Юлия Цивилиса», заказанную городскими властями, признали неудачной, и ее убрали из ратуши. Но такого рода удары еще можно было пережить, а вот как смириться со смертью его любимой, безраздельно преданной Хендрикке Стоффельс, ушедшей из жизни в 1663 году? Со смертью обожаемого сына Титуса, подаренного ему Саскией, тоже покинувшей его столь рано, еще в 1642 году! Сына, которому исполнилось всего лишь 27 лет, убил, как и его мать, безжалостный туберкулез.

За что Бог так его карал? За какие грехи? Неужели за то, что больше всего на свете он любил Искусство?

Удивительное дело — как бы ни страдал Рембрандт, какие бы трагедии ни происходили в его жизни, его служение Искусству не останавливалось ни на миг. *«Рушится его богатство, его волокут в камеру несостоятельных должников, у него отнимают все, что он любит: тогда он уносит свой мольберт, ставит его на новом месте, и ни его современники, ни потомство не слышат ни единой жалобы, ни единого крика этого странного, казалось бы, раздавленного несчастьем человека. Его творчество не ослабевает, не падает ни количество, ни качество картин»*, — писал о Рембрандте Эжен Фромантен. Даже в конце жизни гениальный художник создавал настоящие шедевры.

На последних автопортретах он предстает перед нами таким, каким был — умным, многое понявшим, умевшим глубоко чувствовать и глу-

«Возвращение блудного сына»

Автопортрет

боко мыслить. Джозеф Хеллер писал в книге «Вообрази себе картину»: «Одно из поздних полотен Рембранд-

та — это автопортрет смеющегося художника. Он способен разбить человеку сердце...»

Одиноким, большой, забытым своими богатыми заказчиками, не так давно обивавшими порог его дома и жаждавшими заполнить портрет, написанный его кистью, он остался наедине со своими картинами — уже законченными и еще незавершенными. И среди них в его мастерской на мольберте стояло любимое полотно. Может, оно станет главным в его жизни, размышлял старый художник, ведь в него, в его композицию, в его краски он хотел вложить все свое понимание человека, его грешной сути и возможности обрести прощение... Темой этой картины стала история блудного сына и его отца, рассказанная в Евангелии от Луки.

У одного человека было два сына. Младший захотел получить свою часть имущества, и отец разделил все между сыновьями. А потом младший сын взял то, что у него было, и отправился в далекую страну, где, распутничая, все промотал и, в конце концов, оказался в страшной нужде. Ему пришлось работать свинопасом. Он так голодал, что готов был есть помои, что давали свиньям. Но однажды в той стране начался голод. И тогда он подумал: «Сколько слуг в доме отца моего, и для всех них достаточно пищи. А я здесь умираю от голода. Пойду возвращусь к моему отцу и скажу, что согрешил я против неба и против него». И он вернулся домой. Узнав, что сын возвращается, отец побежал к нему навстречу, обнял его и стал целовать. Сын сказал: «Отец, согрешил я против неба и против тебя и больше не достоин называться твоим сыном». Но отец приказал своим слугам: «Идите быстрее, принесите ему лучшую одежду и оденьте его. Оденьте ему на руку перстень и обуйте в сандалии. Приведите откормленного тельца и зарежьте его. Сделаем пир, и будем праздновать.

Ведь мой сын был мертв, и вот он опять жив! Он был потерян и сейчас нашелся!» И тогда начался праздник. Старший сын в это время был в поле. Подходя к дому, он услышал музыку и, подозревая одного из слуг, спросил, что там происходит. «Твой брат пришел, — ответил слуга, — и твой отец зарезал откормленного теленка, потому что сын его здоров, и все с ним благополучно». Старший сын так рассердился, что даже не захотел войти в дом. Тогда отец вышел и стал умолять его зайти. Но сын ответил: «Все эти годы я работал на тебя как раб, и всегда исполнял все, что ты говорил. Но ты ни разу не зарезал для меня даже козленка, чтобы я мог повеселиться с друзьями. Зато когда этот твой сын, растративший все твое имущество на разврат, вернулся домой, ты зарезал для него теленка!» «Сын мой! — сказал отец. — Ты ведь всегда со мной, и все, что у меня есть, — все твое. Но мы должны радоваться тому, что твой брат был мертв, а сейчас он опять жив, был потерян и нашелся!»

О чем художник думал, создавая образы блудного сына и его отца? Может, о том, что не успел все сказать своему отцу, не успел попросить у него прощения за то, что оставил университет, не захотел заниматься тем, что советовали ему родители, и отправился в Амстердам, бросив их одних? А может, вспоминал своего собственного сына Титуса и ссоры, которые, конечно же, у них бывали, и не раз? А может, думал о том, что скажет отцу, когда предстанет перед ним, как будет молить простить его прегрешения, непокорность и гордыню — ведь никогда он не подчинялся чужой воле, всегда шел своей дорогой и всегда больше всех — и может, самого Господа! — любил искусство...

Этот сюжет — история блудного сына — занимала Рембрандта всегда, еще в ранних работах. Когда он был молод и счастлив, он написал

свой портрет с Саскией на коленях. А ведь, как выяснилось совсем недавно, уже в XX веке, с помощью рентгеновских лучей, на коленях смеющегося молодого человека, изображенного на картине, была не она, его любимая жена Саския, а веселая незнакомка с лютней в руках, и сама картина была иллюстрацией к легенде о блудном сыне — ее герой, покинув отчий дом, умел находить развлечения и предавался им всей душой... В 1636 году Рембрандт создает офорт, а в 1635 году — рисунок на тему блудного сына. Но это — лишь приближение к главной композиции, к которой он шел всю свою жизнь.

Его современники, голландские художники, мало писали на библейские темы — для них важнее был мир, в котором они жили, его обитатели, герои, их дома, одежды. Живописцы, получившие название «малые голландцы», рассказывали на своих полотнах о

«*Заговор Юлия Цивилиса*». Полотно, заказанное Рембрандту городскими властями и признанное ими неудачным

том, как должен выглядеть почтенный отец семейства, как должна смотреть на него его преданная жена, какие костюмчики должны быть на их детишках и какая обстановка в их доме. Эти яркие, понятные, подробные картинки быта по-своему очаровательны, но они ничего не говорят о вечном, не решают общих, важных для всех времен и народов, нравственных проблем. А Рембрандт всю свою жизнь обращался к этим темам и решал их как глубокий мыслитель и великий живописец, и может быть, поэтому его коллеги-художники вошли в историю искусства как «малые голландцы», а он остался в ней великим.

Из глубины холста струится золотистый мягкий свет — он мягко обрисовывает фигуру слепого отца, вы-

шедшего из тьмы к своему сыну, наконец-то вернувшемуся в свой родной дом. Упав на колени, он припал к отцу, прося у него прощения и любви. Вокруг, в ожидании каких-то слов и признаний, застыли свидетели этой душераздирающей сцены. Но слепой отец молчит, и только его руки, ощупав родную плоть, отдались этому сладостному чувству тепла и жизни.

Замечательный советский искусствовед М. Алпатов так отзывался об этой картине: «*Встреча с сыном происходит как бы на стыке двух пространств, вдали угадывается крыльцо и за ним уютный интерьер отцовского дома, а перед картиной ... — безграничное пространство исхоженных сыном троп, весь чуждый ему и враждебный мир*».

«Флора». Портрет Саскии

Портрет Хендрикье Стоффельс

Вот перед нами на коленях блудный сын — голова его острижена, как у каторжника (все может быть, кто знает, а вдруг он побывал и на каторге), с одной ноги упал башмак, и мы видим стертую пятку... Он отвернулся от нас, спрятав лицо, но во всей его позе столько отчаяния, столько горя, столько мольбы о прощении, что мы и так понимаем, что происходит в душе этого несчастного, просящего о надежде и любви человека.

Почему Рембрандт написал отца слепым? Наверное, чтобы сказать — главное, не то, что видишь глазами, а что у тебя в душе. «В этот волнующий момент он как бы ничего не видит, ничего не замечает, он весь захвачен только одним ощущением близости того, кого он долгие годы напрасно ждал. Чувство безгранич-

ной радости и любви его захватило. У него уже осталось так мало сил, что он даже и не обнимает сына, а просто кладет руки на его плечи, благословляет и прощает его», — писал Алпатов.

Вокруг этой главной группы художник изобразил несколько фигур. Историки искусства гадают — кто они? Однако так ли это важно? Для художника они просто свидетели драмы, свидетели акта высочайшей любви и прощения. Рядом, сбоку, изображен высокий бородатый человек. Возможно, это старший брат блудного сына. Видно, и он, хоть и ревнуя отца к брату, проникся высокой нотой происходящего.

Поразительно цветовое решение картины. Этот золотистый свет, который придает свечение всей компо-

Автопортрет Рембрандта с Саскией на коленях

зиции (чем меньше золота оставалось в жизни художника, тем больше его появлялось на полотнах Рембрандта), эти шафранно-красные тона проникают в самую душу. Теплый красный цвет — словно «пылающий цвет любви».

Сегодня замечательное полотно великого голландца украшает кол-

лекцию Эрмитажа. Попало оно в музей в 1766 году. Тогда послом России во Франции был князь Дмитрий Алексеевич Голицын, который активно скупал картины старых мастеров для коллекции Екатерины Великой — русская императрица жаждала, по примеру своих высококородных европейских коллег, обрести картинную галерею, и галерея

эта должна была быть достойна Российской короны. В те времена в Париже можно было купить настоящие произведения искусства, и князь Голицын прекрасно справлялся с поручением императрицы. Дмитрий Голицын вырос в Европе. Это был интеллеktуал, великолепно образованный, светский человек. Его приглашали всюду, он был желанным гостем в самых модных салонах французской столицы. Именно благодаря ему, его вкусу и знакомствам Екатерина стала собственницей полотен Греза и Шардена, а также, в 1766 году, знаменитого полотна Рембрандта «Возвращение блудного сына». Князь купил картину — за 5400 ливров — у герцога де Кадруса, Андре д'Ансецена. Жена герцога происходила из рода Кольберов. Шарль Кольбер, дед герцогини де Кадрус, часто бывал в Голландии с важными дипломатическими поручениями короля Людовика XIV, в одну из таких поездок, по-видимому, и приобрел полотно Рембрандта.

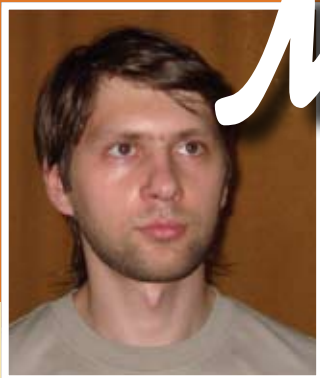
С 1766 года картина хранится в Эрмитаже. Какое счастье, что ее не продали зарубежным коллекционерам в 1928-1932 годах, когда эрмитажным коллекциям был нанесен огромный урон — за границу ушло множество великолепных произведений искусства, среди которых были настоящие шедевры — работы Халса, Веласкеса, Ван Эйка, Рафаэля, Боттичелли, Тициана... Какое счастье, что работники Эрмитажа смогли сохранить оставшиеся сокровища в годы Великой Отечественной войны,

«Одно из поздних полотен Рембрандта — автопортрет смеющегося художника...»

когда смерть и гибель грозила не только картинам, но их хранителям!

Сегодня Эрмитаж обладает одним из самых полных в мире собраний рембрандтовских шедевров, и среди них достойнейшее место занимает великое полотно, полотно на все времена — «Возвращение блудного сына». Его образы остались в истории культуры навсегда. Они живут не только в живописи, но и других видах искусства, например, в кино — вспомним финал замечательного фильма А. Тарковского «Солярис», снятого по мотивам романа польского писателя-фантаста Станислава Лема. Герой фильма Крис Кельвин возвращается на Землю, в отеческий дом, и точно так же, как герой Рембрандта, припадает к ногам отца, прося о прощении и любви... □

Меня иззвал

Кристиан Шакрон,
французский историк кино
и искусствовед

Искусство — это Ева, подающая молодому художнику яблоко, кто вкусит от этого яблока, теряет Рай своего душевного спокойствия и довольствия; виноват в этом успех — вкрадчивая змея.

А. Рубинштейн

... Где-то очень далеко, за пределами видимого мира, в небесах чистой радости и красоты, вдруг наступает величайшее торжество, когда художник венчает своим гением один из бесчисленных образов природы. Редко, очень редко допускает она, чтобы переменчивые выражения ее таинственного лика навечно воплотились в произведении искусства. Земля таинственная. Земля благоуханная...

Радость, усиленная священным ужасом, о котором только догадываешься. И радость эта, и ужас находят свое воплощение в могучей ЕВЕ, золотистокожей дочери Солнца и Земли, которая примешивает

запахи цветов и сандала к запахам своей горделивой плоти...

Этой теме — тревожного очарования, сопутствуют живописные вариации, прекрасные именно тем, что они необходимы.

На холсте — первобытная ЕВА — она же ГЕЯ. Так древние греки нарекли богиню, олицетворявшую для них Землю. «Таинственная Земля»... картина дышит таинством непознанного. Земля — это женщина, мать и возлюбленная одновременно. Для всех живущих на нашей планете. И художник эту древнюю, не красоту, а Красу, воплотил в красках.

Гениальный Поль Гоген воспел ее в знаменитой картине «Прекрас-

ГОГЕН

«Белая лодка».
Холст, масло

ная Земля». Молодой художник Тарас Омельченко, вдохновившись образом великого постимпрессиониста, перефразировал ее...

И хотя в этой работе еще много от Гогена, но много уже и от него самого... Он перевоплотил «Прекрасную Землю» по-своему и назвал — «Таинственная Земля».

Это — реминисценция. Слово латинского происхождения — *reminiscentia*. Оно обозначает некое смутное воспоминание или явление, на-

водящее на сопоставление с чем-либо. И еще — это отзвук иного произведения в поэзии, живописи, музыке и литературе. Можно смело сказать, что реминисценции в изобразительном искусстве — целое направление.

Например, Пикассо сделал 40 картин, реминисценций-импровизаций, на тему знаменитых «Менин» Веласкеса. А великий Александр Пушкин говорил: *«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная»...*

«Жрица Изиды». Холст, масло

«Гаиственный источник».
Холст, масло

Она прекрасна, эта сильная, дышащая вожделением женщина. Чувственна и плодovита. Открыта для любви, готова брать и вновь отдавать... Чтобы написать такую работу, нужно обладать не только мастерством профессионала-живописца, нужно подняться на определенный уровень высоты духа, философских представлений о мире, человеческом бытии, вселенной. Но самое главное — суметь сказать самому себе, как художнику и человеку, и всему миру, что жизнь — прекрасна!

Тарас создал, сотворил свою ЕВУ... Конечно, его критикуют, порой просто обвиняют в подражании. Он никому ничего не отвечает, только улыбается и спокойно говорит:

«Женщина». Холст, масло

«Все бы было очень просто — если бы так было!» Магнетический и уже знакомый взгляд чудо-женщины, матери-Земли узнается и в других работах Тараса, например, в женщине с плодом, из его настенной росписи.

Учеба Тарасу давалась нелегко. Трудно поступал в художественное училище, трудно в Православный Свято-Тихоновский богословский институт, на отделение монументальной живописи. И учился трудно... потому что сразу стал выявляться его яркий, самобытный талант. А академическая школа отрицает всяческие «своеобразности». Это школа реализма, созданная почти пятьсот лет назад братьями Каррачи. Принципы ее нетерпимы ко всякого рода «измам». Но

«Выбор».
Холст, масло

Справа:
«Две девушки».
Панно. Оргалит

эти незыблемые каноны академизма не приглянулись молодому и дерзкому студенту. Целый мир форм, красок, чувств бушевал в нем, только он еще не умел совладать с ним и подчинить своим задачам. И все равно продолжал искать свой собственный путь. Только свой, глубоко личный. Чем больше он рисовал, тем более сложные задачи вставали перед ним, и тем острее он чувствовал неудовлетворенность сделанным.

Меня очень заинтересовало творчество Тараса Омельченко. Завораживает сам факт появления такого художника, его умение владеть всей гаммой метаморфоз воображения. А эта способность, несмотря на развитие всевозможных современных техник и технологий, все больше проявляется у любого созидателя, творца как главная.

Так, еще во время учебы в институте, у Тараса возник внутренний

конфликт. Противоречия эти он разрешил своеобразно — оставил учебу. Просто, по-мужски — решительно... Оставил за спиной сомнения и ступил в водоворот искусства — чтобы творить!..

Он знает точно — искусство, как и жизнь, несовместимо с половинчатостью.

Сдержанный, кажущийся с виду немного пассивным, этот юноша постоянно углублен в себя — этаким

«молчун», но при этом испытывает колоссальную жажду самовыражения! И не в туманных рассуждениях об искусстве. Он страстно отдается живописи. Неутомимо охотится за «тайной», превращая свое молчание в образы страстные, яркие, незабываемые!

Так, мало-помалу, в поисках художника постепенно определился образ ЕВЫ — восхитительной и печальной. ЕВЫ, в которой как бы за-

ключили свой тайный союз Жизнь и Смерть.

...Рисовать Тарас начал со школьного возраста.

Был обычным мальчишкой. Среди сверстников его выделяло одно — всегда был очень серьезным и собранным. Дома рос в атмосфере искусства — родители тоже художники. Соответственно, разговоры о живописи, картины на стенах, книги по искусству, походы в музеи, на выставки... В остальном же все было, как обычно. Гонял мяч с ребятами во дворе, катался на велосипеде, читал книги о путешествиях и пиратах. С первых же классов в нем явственно

проявился гуманитарий. С физикой и математикой дела обстояли неважно, выше тройки «успехи» его не поднимались.

Иногда он подолгу листал монографии великих мастеров. Листал — только и всего... Сам не брал в руки ни карандаши, ни кисти с красками. Родителям стало даже казаться, что искусство — не его «колея».

Но! Воистину, пути судеб наших неисповедимы... Однажды юноше в домашней библиотеке попала книга о творчестве Поля Гогена. Читал до полуночи, пока мать не погасила свет. Было время экзаменов, и она строго следила за его режимом. Но

Слева:
эскиз фрески
*«Детская
комната»*.
Картон. Масло

«Судьба».
Холст. Масло

Внизу:
«Портрет».
Холст. Масло

когда в начале лета всей семьей выехали на дачу, Тарас взял с собой эту книгу о Гогене. И не только книгу. Захватил карандаши, акварель, кисти, даже пастель. А приехав на место, тут же принялся рисовать. Мотив первого рисунка был прост — раскрытое окно, куст жасмина, а под ним соседский пес...

А дальше... уже под руководством родителей он начал постигать азы изобразительной грамоты.

...Как-то за вечерним чаем мать спросила его, почему он раньше не рисовал, а теперь словно плотину прорвало. Тарас помолчал и тихо ответил: «Меня позвал Гоген...» □

Елена Логинова

ПОЗАБУДЬ ПРО КАМИН

Позабудь про камин — в нем погасли огни.
Не рыдай, Арлекин, и лицо отверни.
И зажми новогодний в руке мандарин.
И украдкой вздохни, и украдкой вздохни
О дыхании терпком миндальных долин
И о влажных улыбках твоих коломбин.

Через полночь и снег ты уходишь один.
Ты не думай, что будет темно, не грусти.
Стали звездами в небе твои конфетти.
Все теперь впереди. Все теперь позади —
Складки пыльной парчи, парики, бигуди,
Запах клея и ландышей, сажа и грим,
Бутафорский Париж и игрушечный Рим...

Если тонем, то это уже — не горим.

У фарфоровой куклы закрыты глаза.
Засыпают в шкатулке янтарь, бирюза...
Пусть провалены сделки, продуты пари —
Но луна твои шпоры, звеня, серебрит.
И молчит черно-белый, как хроника, век.
Догорает камин. Тихо падает снег.

КОНЕЦ КАНИКУЛ

Ни к чему задаваться смешными вопросами
И обмакивать пальцы в вечернее солнце.
Солнце с пальцев стекает, как сок абрикосовый.
Но на скатерть ни капли уже не прольется.
Никогда, никогда не стучитесь с расспросами,
Если кто-то молчит или громко смеется.
Эти люди вокруг не такие уж взрослые,
Чтобы знать, почему вдруг закончилось солнце.
Упаковано лето в коробки картонные,
И букеты цветов перехвачены лентами.
И так плотно висит тишина над затонами,
Над песчаными пляжами, солнцем нагретыми!
И малюсенький ангел, что спал за картонкою,
Вдруг очнулся от сна в суматохе вокзала:
Я под шубкой помну свои крылышки тонкие!
Как не хочется, чтобы зима наступала!

Воскресной ночью я скучала.
Листала в легкой дреме сонник.
Воскресной ночью я мечтала,
Объята сладостной тоской...
В ночь с Понедельника на Вторник
Уже закрыт был смятый сонник.
И я лежала и молчала,
Убитая твоей рукой.

А в ночь со Вторника на Среду
Меня зачем-то оживили.
Водой холодной отпоили.
Из раны вытащили нож.
И вот — опять раскрытый сонник.
И бел, как прежде, подоконник.
И сладко спят в Армагеддоне.
И зимний вечер так хорош!

ХРУПКИЙ СОНЕТ

След прошлой беды змеится,
Как тропка береговая.
Но в небо взмывают птицы —
Светла и дружна их стая.
Ах, птицы! Навечно птицы
Бездумны и непорочны.
Их синяя трель струится
И власть разрушает ночи.

Надежда хрупка, как шарик
Стеклянный на елке детства...
Пусть что-то еще мешает
Ровнее забиться сердцу.
Пусть что-то еще мешает...
Но жить я боюсь, как прежде.
Надежда хрупка, как шарик...
Но все-таки есть надежда...

ШЕЛ СНЕГ

Шел снег. В глазах была
усталость.
Печаль от прожитого дня.
Но в этом снеге растворялась —
И отступала от меня.

Шел снег. Он шел, как
неизбежность.
Он лип, как бинт к зудящей ране.
Он спутал улицы на плане,
Даря обманчивый покой...

Как чай в надтреснутом стакане,
Еще плескалась в сердце
нежность.

Шел снег. Он шел, как неизбежность.
Шел снег. Ты рядом шел со мной.

У алтаря зимы горели
Как свечи, окна в полумраке.
Все в мире было странно ново.
Как — объяснить я не могу...

Из сотен слов, что наболели,
Я выбрала одно лишь слово.
Я выбрала одно лишь слово —
И написала на снегу.

Но ночь кончалась, проходила.
Снимались на дверях заслоны.

Неудержимо, неуклонно
Светлели площадь, парк и мост.

В прихожей тесной было душно.
Законов драмы не нарушив,

Сто тысяч ног прошли по слову.
Писать его нет смысла снова.
Снег — ненадежная основа!
Он — не бумага. И не холст.

Ты был — единственным
и нужным,
А я — песчинкою в реке.
Уже не слышал и не слушал.
Но вновь поцеловал мне душу,
Опять поцеловал мне душу
Через перчатку на руке.

Шел снег — неумолим,
как время.
Шел снег. Как век назад шел
снег.

Шел снег. А за окном шел снег...

ГАДАНИЕ

Не кружитесь, вороны, — вам сюда
нельзя.

Чтобы стал хозяином мой
случайный гость.

Смотрят, смотрят в сторону милые
глаза.

Присушила б травами — нет травы
такой...

Я пройду полянкою, полем среди
ржи.

Ах, глаза лукавые, как вернуть
покой?

Я с хмельной цыганкою буду
ворожить —

В них улыбка теплится — это ли
любовь?

Чтоб желанье тайное, наконец,
сбылось...

Стерпится — не стерпится,
слюбится ли вновь?

МЫ ДАЕМ ИМЕНА ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Мы даем имена обстоятельствам.
Это — Горе. А это — Предательство.
Вот Любовь. Дружит с Верой
и Наденькой.
Все понятно, объемно
и гладенько.

Колесом ходит ветер у храма,
И оконная хлюпает рама.
Шелестит на бульваре газета.
Раскалено молчат минареты.
И все это, все это, все это
Не внутри, не снаружи, а ГДЕ-ТО.
Отступает... подступит опять...
Кто подскажет, как это назвать? □

Но когда вдруг накатит ТАКОЕ!
Неизвестной фактуры и края.

Мелодия

Юрий Лопусов

В канун Нового, 1971, года состоялось очередное заседание Секретариата Союза писателей СССР, в повестке которого помимо других вопросов значилось обсуждение прошения Василия Аксенова о выезде в Америку для чтения лекций в университетах Нового Света. Официальный запрос пришел от одного из старейших университетов Америки. Замолчать его было нельзя, так как это могло спровоцировать международный скандал

Нужно ли говорить, что предстоящее обсуждение обещало быть сенсационным, поскольку Василий Аксенов был если не открытым антисоветчиком в литературе, то уж точно — оппозиционером. Пикантность ситуации состояла в том, что сам вопрос таил в себе явный политический подтекст: отпустить потенциального диссидента в Америку значило проявить некую идеологическую уступку, запретить — значит, продемонстрировать всему Западу откат к худшим временам хрущевского диктата над литературой.

Когда я вошел в кабинет первого секретаря, то сразу же ощутил атмосферу напряженности, которая была буквально разлита в воздухе. Марков зачитал прошение опального писателя и предложил секретарям выска-

ОДЕССКОЙ СКРИПОЧКИ

заться. Мнения разделились практически поровну. «Ястребы» были категорически «против». Аргумент звучал так: Аксенов не вернется в СССР, что нанесет ущерб престижу страны и репутации Союза писателей. «Голуби» выставляли контраргумент: ущерб будет значительно больше, если потенциального диссидента не отпустят на Запад. И те, и другие были абсолютно правы. Марков заколебался, не зная, как разрешить патовую ситуацию. На помощь ему пришел предводитель «голубей» — Константин Симонов, предложивший выслушать аргументы самого Аксенова, который томился в приемной Секретариата, ожидая решения своей судьбы.

Предложение Симонова застало Маркова врасплох. Он долго взвешивал

все «за» и «против», и я невольно вспомнил дневники Анри Бейля — известного французского писателя Стендаля, который сопровождал Наполеона во время русской кампании 1812. Он писал о трудном решении, которое предстояло принять императору — остаться в сожженной Москве, скованной свирепым русским холодом, что обрекало французскую армию на голод и медленное вымирание, или покинуть столицу, фактически признав свое поражение. После долгих раздумий он решил взорвать самое высокое сооружение Москвы — знаменитую звонницу Ивана Грозного в центре Кремля, которая воспринималась Европой как некий символ могущества России. Наполеон загадал: если звонница рухнет,

что будет символизировать падение России, он останется зимовать в Москве. Если устоит, он покинет этот промозглый неприютный город, сожженный своими же жителями, что никак не укладывалось в сознании императора, перед которым сложили голову практически все столицы Европы.

Получив приказ, солдаты сделали подкоп под звонницей и на подводах начали свозить бочки с порохом. Наполеон сидел на своем походном стуле перед звонницей и наблюдал за действиями солдат.

— Как вы думаете, месье Бейль, — спросил император, — башня упадет или устоит?

Поскольку Стендалю война дико осточертела, а русская зима не оставляла никаких надежд на выживание, он решился сказать Наполеону правду.

— Я не знаю, устоит ли башня или нет, все зависит от качества постройки и количества пороха. Но одно я знаю точно: император Франции впервые проявил трусость.

Наполеон выдержал значительную паузу, видимо, решая, как поступить с наглецом — повесить или расстрелять? Поскольку время позволяло не спешить, он попросил объясниться.

— Видите ли, месье Бонапарт, — ответил Стендаль, — до сих пор вы даже в самых критических ситуациях принимали решение сами. Сегодня, ставя решение вопроса об уходе из Москвы в зависимость от устойчивости русской башни, вы перекладываете свои обязанности на плечи Бога. То есть, отдаете судьбу русской кампании на волю случая. Это свидетельствует о вашей нерешительности,

которая за вами никогда не числилась...

Звонница дала трещину, но устояла. Наполеон покинул загадочную Москву, оставив расправу с литератором Стендалем до лучших времен.

Я не знаю, была ли известна руководителю писательского союза Георгию Маркову историческая ситуация, но поступил он, как Наполеон — решил отдать судьбу поездки Аксенова на волю Всевышнего и попросил позвать опального писателя.

Василий никак не ожидал, что получит редкую возможность лицезреть на расстоянии вытянутой руки все руководство Союза писателей СССР скопом, и поначалу явно растерялся.

Марков весьма деликатно, но с явным подтекстом попросил Василия рассказать, о чем будут его лекции. Прекрасно понимая, что от его ответа зависит судьба поездки, Василий говорил медленно, взвешивая каждое слово.

— Я ставлю своей целью донести до американских студентов мировую славу лучших произведений русской классической и современной советской литературы — от Чехова и Толстого до Шолохова и ...

Тут он замялся, не зная, кого из нынешних советских писателей поставить рядом с Шолоховым, кто был бы равен его таланту. Таковых, конечно, не было, и Вася с ужасом понял, что попал в капкан, поставленный им самим же.

Он достал платок, вытер пот со лба, вспомнил деятеля совсем из другой эпохи — великого римского

хитреца Макиавелли, и блестяще завершил фразу:

— ... и других известных советских писателей.

Ответ был настолько же обтекаемым, насколько и неуязвимым. Секретари облегченно вздохнули. Ни у кого не возникло желания углубляться в дискуссию. Все ждали, что скажет Марков.

— А почему именно в Штаты? — поинтересовался Марков, явно надеясь на то, что неискушенный в таких ситуациях Аксенов опять попадет в какой-нибудь капкан. — Ведь есть Франция, Италия, Швеция, Польша. Болгария, наконец.

Василий, наученный горьким опытом своего дебюта, ответил не сразу. Он помолчал, проигрывая в голове возможные варианты ответа, а потом, с хорошо разыгранной покорностью, явно понравившейся секретарям, произнес:

— Во-первых, я готов ехать туда, куда вы сочтете нужным. Но я не владею в достаточной степени языками тех стран, которые вы назвали. Я знаю английский в той мере, которая позволяет мне читать лекции о русской литературе.

Все поняли, что Вася выиграл свой раунд, и приготовились к благополучной концовке. Но тут случилось неожиданное. Аксенов посмотрел на сытые, излучающие довольство лица секретарей — вершителей судеб русской литературы, обласканных коммунистической партией и получивших массу привилегий за свою верность политическому идолу, и сердце его не выдержало.

— Есть еще один довод в пользу моей поездки, — мрачно начал он, воинственно подняв вверх громадную голову, на которой явно обозначились острые рога дикого вепря. — Только что из поездки в Америку вернулись всемирно известные поэты — секретари Союза писателей СССР Сергей Наровчатов и Михаил Луконин.

Народ насторожился. В словах «всемирно известные» звучала явная издевка, поскольку это были средние по таланту поэты.

— Почему секретарям, — продолжал Василий, — можно ездить в Америку за счет Союза писателей СССР, а мне — простому советскому писателю — приходится выпрашивать и надеяться на милость руководства нашего писательского Союза? Тем более что моя поездка оплачивается американским университетом, а не Союзом писателей.

Это был удар в солнечное сплетение. Такие вещи простым смертным не прощались, и Марков решил поставить взбунтовавшегося писателя на свое место.

— Я полагаю, — жестко сказал он, — что поездки писателей за рубеж — это прерогатива руководства Союза писателей СССР, которому по уставу предписано решать, кому и когда выезжать за пределы нашей Родины. Своим провокационным высказыванием вы, Василий Павлович, бросаете тень на руководство Союза и вносите раскол в ряды нашей творческой организации.

Это была команда «фас!» «Три поросенка» воинственно захрюка-

ли и бросились в бой, призывая на помощь не только Волка «русского шовинизма», но и Медведя «советского патриотизма» и Осла «идейности».

Однако секретари не бросились в бой по призыву Маркова, так как никто из них, кроме Луконина и Наровчатова, еще не был в Америке. Завязалась вялая дискуссия, но постепенно чаша весов стала клониться в сторону «трех поросят», в совершенстве владевших искусством партийной демагогии. Они обвинили Василия во всех возможных грехах, припомнив ему даже официальное письмо из выпрезвителя, куда Василий попал по причине смертельной дозы алкоголя, принятой со своими друзьями во время широкого застолья в Центральном доме литераторов. (В моем архиве до сих пор хранится эта веселая бумага, где прописан диагноз, поставленный Василию Аксенову врачами выпрезвителя: «Пульс учащен. Речь путаная». Данный факт красноречиво свидетельствует, что ничто человеческое не было чуждо автору нашумевшей повести «Апельсины из Марокко».)

Аксенов понял, что судьба его поездки решена. Однако он был не из тех, кто сдавался после первого поражения. Взвесив все «за» и «против», Василий вздумал перехитрить своих судей и, будучи натурой артистической, решил разыграть тонкий спектакль под названием: «Я у мамы дурочка».

— Уважаемые коллеги, — начал он, и в его голосе зазвучали проникновенные нотки профессионального ни-

щего. — Я не вижу предмета для столь жаркой дискуссии. Мне кажется, вы явно переоцениваете значение моей персоны. Посмотрите на себя и посмотрите на меня. Кто вы и кто я? — Василий обвел печальным взглядом секретарей, которые были явно заинтригованы столь необычным началом прощальной речи подсудимого. — Вы — это прекрасно отлаженный, мощный, гармоничный, высокопрофессиональный оркестр. Вот вы, Георгий Марков, вы — как камертон, по которому настраивают свои музыкальные инструменты все оркестранты. Вы, Сергей Сартаков, — как сверкающая на солнце золотая труба, которая задает чистый идейный тон всему оркестру и своим ясным звонким голосом ведет всех нас к сияющим вершинам социалистического реализма. Вы, Виталий Озеров, — словно мощный гулкий барабан, который резонирует с биением сердца советского народа и дает широкое дыхание всему оркестру, не позволяя никому сбиться с коммунистического ритма. Вы, Юрий Суровцев, — контрабас, чей мелодичный голос словно контрапункт звучит внутри оркестра, придавая ему полифонический объем и идеологическую тональность. Вы, Михаил Луконин и Сергей Наровчатов, — словно флейта и валторна, которые своими нежными голосами облагораживают идеологическую обнаженность оркестра, наполняя общую симфонию дыханием высокой поэзии и тонкими музыкальными узорами русского национального фольклора.

Он снова обвел всех секретарей печальным взглядом, смиренно сложил ладони, будто готовясь к молитве, и закончил на пронзительной, щемяще жалостливой ноте:

— А кто я? Я — маленькая одесская скрипочка. Меня все равно не слышно в вашем мощном оркестре. Зачем я вам нужен? Отпустите меня в Америку.

Наступила минута такой тишины, про которую говорят: ангел пролетел. Надо учесть, что хоть это и были судьи, но, прежде всего, это были писатели, и они умели ценить красоту разного мышления и стилистику высокого слога. Прощальная речь Василия Аксенова очаровала их, и само милосердие постучалось в писательские сердца, слегка ожесточившиеся в бессильном стремлении понять, что же это за птица — треклятый «социалистический реализм», столь подло подсунутый им «певцом пролетариата» Максимом Горьким?

Речь опального писателя со всей очевидностью показала, что Василий владеет искусством демагогии ничуть не хуже, чем его могучие оппоненты. Он точно рассчитал покаянную тональность своей речи и умело раздал «всем сестрам по золотым серьгам». Маркову очень понравилось ощущать себя камертоном, определяющим общую тональность и синхронность звучания многоголосого писательского оркестра. Самолюбие Сартакова получило мощную подпитку от сравнения с золотой трубой, всегда идущей впереди оркестра. Озеров был счастлив от мысли, что он — мощный бара-

бан, заглушающий все остальные музыкальные инструменты и задающий партийный ритм всему писательскому балагану. Юрий Суровцев испытал прилив гордости за четкий, идеологически выдержанный голос своего контрабаса. Сентиментальные слезы увлажнили глаза известных советских поэтов — Михаила Луконина и Сергея Наровчатова. Еще бы! – ведь от нежного голоса флейты и валторны зависел тонкий лирический подтекст всего музыкального произведения, исполняемого могучим оркестром Секретариата.

Речь «златоуста» Василия Аксенова произвела неизгладимое впечатление на всех секретарей. Константин Симонов тонко уловил перемену настроения судебного сообщества и предложил решить обсуждаемый вопрос путем простого голосования. Большинство высказались за поездку Василия Аксенова в Америку. Мне осталось только зафиксировать сей факт в протоколе заседания Секретариата. Голубая мечта Василия Аксенова о поездке в Соединенные Штаты чудесным образом осуществилась.

Опальный писатель вышел из кабинета первого секретаря писательского Союза с высоко поднятой головой, ощущая себя победителем в неравной схватке с мощной когортой «сподручных партии», не знавших доселе поражений от своих идеологических противников. Василию показалось, что даже Карл Маркс, чей портрет висел при входе в писательский департамент, заговорщицки подмигнул ему, радуясь победе своего брата по крови. □

Андрей Волос

Мирож

Я сделала это... от отчаяния?

Да, пожалуй, что от отчаяния. Отчаяние, вот именно. Вот что меня охватило — отчаяние.

Впрочем, была и неприязнь.

Не так уж много, однако, вообще без нее в такой ситуации... трудно представить. Пусть малая толика — но присутствовала, разумеется.

На фоне отчаяния — совсем немного неприязни. Самая чуточка. Зато неожиданно острая. Ледяная.

Такая непроглядная неприязнь, что, пожалуй, лучше называть ее ненавистью.

У меня перехватило горло от темноты и пронзительного холода. К тому же она ударила острием по глазам. Черным лезвием, будто бритвой: р-р-р-раз!

Я ослепла от боли и ужаса. Я видела только ее. Она выросла океанской волной. И закрыла все. Застила мир. Нахлынула, понесла, швырнула, будто клоч пены.

И тогда вместо ужаса и боли я почувствовала ярость и восторг.

Но и это ненадолго.

Она бросила меня как щепку — и я еще до конца не осознала это, а все мои чувства уже поблекли: восторг погас, боль унялась.

Может быть, они просто потеряли значение?

К тому же, и время остановилось. Или почти остановилось. Все сделалось очень медленным. Я оказалась как бы рядом с самой собой. Мне это было легко: возле самой себя. В шаге. В полуметре.

Время едва ползло, а мысли скользили. И мне сразу пришло в голову насчет козырька.

Наверное, это было бы лучше всего — жестяной козырек над полуподвальным окном. Кажется, я слышала о подобном.

Я невольно вспомнила, что в старом дворе жестяной козырек закрывал не окно, а провал уходящей вниз лестницы. Лестница кончалась дверью в подвальное помещение котельной. Летом в ее стальных проушинах висел ржавый замок. Зимой за ней что-то грозно шумело — как будто день ото дня там крепчала буря. Время от времени грузовик привозил со швейной фабрики ворох тряпичных обрезков. Гора ветоши дня три валялась у двери котельной, и все это время смелые мальчишки беспрестанно сигали в нее сверху, будто в сугроб.

У меня была кепка с большой коричневой пуговицей. Один схватил — и прыгнул.

«Отдай!» — «Отними!..»

Я боялась. Понятно, что пока сбегала по ступеням, он закинул кепку своему дружку. Я — наверх, чтобы отобрать. Этот тоже сиганул...

Вот я и носилась туда-сюда за своей кепкой, как собачонка. Наверное, они хотели, чтобы я все-таки решилась. Но мне было страшно. Может быть, если бы меня охватила такая же ледяная ненависть, я бы прыгнула. Но мне было всего семь, я не умела ненавидеть. Я думала о другом: в полете задержится платьице, и когда я шлепнусь в кучу ветоши, все увидят мои трусики.

Это и остановило.

Теперь препятствие кажется смешным. Я давно выросла. Показать трусики! Господи, кто только на них не глазел! Разве в этом дело? Что трусики? Когда возникает мираж, я готова на все.

Ведь вот он, вот — видите, там, на горизонте: прелестное, загадочное, манящее. (Пусть никто не замечает, главное, что видишь ты сама.)

Ради его сияния — на что угодно!

Милый, ты этого хочешь? Или того? Тебе нравится, когда я у тебя служанкой? Изволь. По вкусу, если выкручиваюсь, хуже уличной девки? Пожалуйста. Желаешь? — я буду собакой. Только прикажи.

Но только пусть всегда — все это — будет счастье.

А если нет, то зачем?

Мираж...

Он появляется, когда хочет. У него своя воля. Свои сроки. Можешь ждать годами — а небо темно и тускло. А подчас думаешь о совсем иных вещах, все забыла, вовсе не помнишь, что миражи случаются... потом случайно кинешь взгляд — а он, оказывается, уже раскинул радугу в полнеба.

Мне не исполнилось пятнадцати, когда бабушка пустила в сарай художника. Ему было лет двадцать пять, но борода делала старше. Ночевал на сене, днем бродил с этюдником. Если не уходил со двора, я стояла рядом. Мне нравилось смотреть, как из ничего возникает колодец, плетень, облака над лесом, старая береза, даже скворечник, когда-то приколоченный отцом. И почему-то то, что возникало на его картоне, казалось дороже того, что на самом деле.

Потом он сказал, что напишет мой портрет. Два дня я сидела на скамье, стараясь не двигаться. С каждым часом томление нарастало — такое, будто всю меня то и дело ласково трогали чьи-то пальцы: нежно пробегались по шее, по груди, по спине, по бедрам, щекотно касались босых подошв.

Он не говорил со мной — только сосредоточенно вглядывался, отводя в сторону кисть, и снова возвращался к холсту.

Да и что толку было со мной говорить, я все равно не смогла бы ответить: горло сводило мятным трепетанием, я боялась шевельнуть даже языком, чтобы не разрушить мираж.

И когда этот парень сказал, чтобы я вошла в сарай, потому что ему надо... не знаю, что ему было надо: ни тогда не поняла, ни сейчас, разумеется, не помню. Я просто встала, оправила платье и пошла за ним как сомнамбула.

Когда он начал меня целовать, я удивилась, но скоро поняла, что так и должно быть, и уже не отдавала себе отчета в том, что происходит...

Мы провели с ним весь день. Пошли в лес. Он снова стоял за этюдником, шурился, отводя кисть, а между делом рассказывал, что будет с нами завтра, что послезавтра, через неделю.

Но когда я спозаранок прибежала в сарай, вообще ничего уже не было, только белая панама — убегая ночью, он забыл ее на гвозде.

Как сказать? Я не расстроилась. Нет, я расстроилась, конечно. До конца лета была сама не своя. Ждала, что он вернется, часто выходила на дорогу. Перед тем как спрятаться за лесом, дорога взбегала на холм, и оттуда виднелась соседняя деревня — Вознесенское. Белела разрушенная церковь, темнели коробочки брошенных изб. Возле двух жилых подчас можно было разглядеть двух согбенных «муравеек»: баба Клава всегда в красном платке — яркая точка и баба Маша в синем — издалека он

становился черным и терялся в других крапинках. Река выглядывала самой кромкой: туманно синело, мерцающе серебрилось вытянутое пятно ее излучины.

Но он не вернулся, и когда каникулы кончились, я поняла, что все исчезло. Мираж рассеялся — словно его раздуло ветром. Так разносит по небу облака: совсем недавно они пышно громоздили замки, надували великанские щеки, топырили губы, еще час назад из мешанины округлостей высовывались добрые морды небывалых животных — а вот уже и нет ничего, только самый край бледно-синей пустыни стянут самолетным бинтом.

Я давно забыла, как его зовут. Обида таяла, таяла — и растаяла. Но оказалось, что в самую середку этой льдины был вморожен острый камушек — маленький, как родинка, и такой же непреходящий.

Я видела потом, как девчонки сходят с ума. И сама сходила. Когда я была на третьем курсе, один парень сделал татуировку с моим номером телефона — на тыльной стороне руки ближе к сгибу локтя. Какие еще нужны были доказательства? Он уехал на практику, а когда вернулся, оказалось, что ничего нет — ничего, кроме этой дурацкой наколки. Не знаю, что он с ней потом сделал. По мне — так хоть бы руку отрубил, идиот!

Не все, конечно, сходят с ума. Некоторым все равно. Должно быть, они ничего не чувствуют. Иначе — как объяснить? Ты в раю, рай должен быть вечен — но вместо того, чтобы продлевать твой покой и счастье, тебя погружают в ад.

Не помню, где я читала: мальчику проверили зрение. Прежде он был уверен, что вокруг полно радуг, бликов и туманностей. Но как только надел очки, мир обрушился на него, какой он есть, и бедняга едва не сошел с ума.

Правда, бывает и по-другому. Ты оказываешься не в аду и даже не в чистилище. Что-то вроде лимба, куда католики помещают души некрещеных младенцев. Сырое, вязкое место. Тусклый свет, тепловатый воздух, никакого движения. Все ясно, скучно, и ничего хорошего уже не может случиться.

Обычно ничто не предвещает катастрофы. Ты наслаждаешься колдовством миража. Ты просыпаешься с ним рядом. Все замечательно. Никаких сомнений, что завтрашнее утро придет к тебе здесь же. Неделя минет или год — все будет точно так же.

Но не через год, не через неделю и даже не завтра — а всего через какие-то жалкие полчаса ты заходишь в ванную и видишь на боковине раковины большую плюху бритвенной пены — серой, с черным крапом щетины. И эта пена действует на тебя точно так же, как очки на того мальчика.

Почему? Ведь это его пена — а он твой, значит, и пена в каком-то смысле твоя... но уже поздно рассуждать: очки надеты, мир страшно прояснился. Назавтра ты встречаешься с явью в другой постели, а он все звонит и грозит приехать. Как ему объяснить? — он прав, наверное, но жемчужный туман рассеялся навсегда, оставив только грязную пену и невымытую раковину.

Наверное, когда я ушла, ему было больно. Не знаю. Если так, то, конечно, в этом виновата я. Но, может быть, он ничего не почувствовал. Или почти ничего. Все-таки они — не в такой степени они, в какой мы — это мы. Они всегда больше самих себя: то, что кажется им самими собой, это на самом деле только то, с чем они себя отождествляют. Они вкладывают себя во все то, чем владеют. Каждому из них может принадлежать множество всякой всячины: с одной стороны, всякая всячина является их неотделимым продолжением, с другой — это все же не плоть.

А мы — мы в точности то, что есть: куда ни колыни, достигнешь крови, куда ни колыни, попадешь в живое.

Вот и сейчас.

Как ни мало прошло времени — всего несколько секунд, а мне уже почти ничего не вспомнить.

Что было утром? Кажется, утром не было ничего, кроме переливчатой радости. Счастье миража: покой и ощущение надежности. Непреложная вечность твоего существования.

Что мы делали? Да ничего... проснулись... поднялись. Все шло само собой. Часам к двенадцати собирались выйти из дома. Пройтись парком. Если неторопливым шагом и без остановок — это час. Но, наверное, где-нибудь мы посидели бы на влажной скамье. Молча или, время от времени, лениво перебрасываясь мало что значащими словами. Тогда, допустим, полтора. Потом двадцать минут подземки, десять пешком и еще сорок или пятьдесят в залах фотовыставки.

Через несколько дней экспозиция закрывается, ажиотаж давно прошел. Да и был ли? Но, говорят, открывал министр культуры, а при входе висело поздравление президента в золотой рамке — подумать только, в золотой рамке, ого, ничего себе, что же он такого наснимал?.. Наверняка было что-то в газетах. Почему мы сами собрались? Неважно. Кто-нибудь посоветовал... или прочли что-то хвалебное на художественном сайте. Как-то само собой. Пошаркивающая тишина немногочисленности, сложное сочетание парфюмов — в каждом зале свое. Мертвые отпечатки жизни на стенах. Кое-какие пугающе оживают при твоём приближении: вода рябит и мерцает, серьезные пожарники ухмыляются, облака цепляют колокольню, кортеж летит по площади, вихря воздух и шипя резиной.

Потом бы, например, оказалось, что свет почти не режет глаз, привыкших к полумрачной неясности искусства: солнце спряталось за облаком, тени размазались по отсыревшему асфальту пятнами не то жирного, не то сладкого. Какой-нибудь ресторанчик из не очень дорогих... ага, найди-ка в центре из не очень дорогих: он всегда беззаботно отмахивается, а мне откровенно жаль бросать несуразные деньги, и хорошо, что не вижу счетов, ну их, вообще не люблю этих листочков, где расписана цена минутной беззаботности.

Ну и, конечно, непрменная цветочница бесшумно обходит зал, чтобы предложить свою проверенную услугу: прячет деньги куда-то под праздничный и аляповатый фартук, а взамен ставит на середину стола небольшую фарфоровую вазу, из которой удивленно выглядывают три свежие розы.

И все: ни лишний звук, ни даже никчемный свет не могут пробиться сквозь полупрозрачное, томительное, разливающее немоту мерцание...

Но все это только должно было быть, а когда зазвонил телефон, мы еще даже не допили кофе.

Он задержал глоток, удивленно подняв брови, и, остановив движение чашки, целившей к блюдцу, взглянул на меня. Почему-то я была уверена, что звонят не мне. Улыбнувшись, я только пожалала плечами. Он же, со вздохом поставив чашку, поднялся и пошел в комнату.

Я услышала «Алло!» — и паузу.

А затем неожиданную перемену тона.

Нет, неверно. Это был все тот же ровный, доброжелательный тон его родного и любимого голоса. Но по каким-то самой мне неясным признакам я с содроганием и совершенно точно поняла, что от первого до последнего звука его голос напоен ложью и предательством. И произнесенное сейчас «Добрый день!» — это вовсе не «Добрый день!», а тупой нож, безжалостно вонзаемый мне в спину.

Но за что?

«Но за что?!» — если бы горло не свело болью, я бы и на самом деле крикнула.

Снова недолгая пауза. Я замерла в ожидании следующего удара.

«Еще бы!» — сказал он с коротким смешком.

Меня с ног до головы обдало кипятком, я скорчилась и замычала.

Все окончательно прояснилось.

Я почувствовала... как бы объяснить? Ну, скажем, как будто внезапно исчезают декорации. Костюмы тоже растворяются. Был пышный театр. Миг — ничего нет, лишь пустая грязная сцена. И на ней в жалком свете аварийной лампочки испуганно жмутся друг к другу голые актеры.

Но нет, это совсем не похоже.

Все-таки был мираж — а мираж больше театра. И правдивее. Да что там: мираж — он и есть правда. Нет никакой разницы, стоят дворцы на самом деле, или это всего лишь линзы горячего воздуха причудливо слоятся, чтобы явить тебе правду. Если ты веришь — оно так и есть.

В том-то дело: я была бесконечно уверена.

Но подул ветер, перемешал воздух, и иллюзия пропала. Все оказалось обманом. А правдой — только этот лживый голос, с усмешкой сказавший «Еще бы!»

Опять, да.

С каждым разом все труднее смириться. Я почувствовала, что не смогу оставить это безнаказанным.

Чего он ждал? На что рассчитывал? Он думал, я не замечу? Или замечу, но смолчу, — и на этом все кончится?

Нет, ему придется ответить: ведь он разрушил все. Секунду назад у меня была жизнь и счастье, а теперь нет ни счастья, ни жизни, и я корчусь на раскаленном песке пустыни.

Кажется, мы что-то кричали.

Вернее, я кричала: рвала шнур, бросала аппарат, швыряла в него чем-то со стола... Он только отступал. Ненавистная жабья физиономия становилась все белее и плосче, он закрывался руками, отталкивал меня.

Но я уже поняла: зачем он мне? Он мне совершенно не нужен.

Я сообразила, чем выбить свою боль, ощущение ожога и гибели. Поняла, что принесет ему квитанцию на расплату.

Ну, да. Конечно.

Волна ненависти швырнула меня — взметнула щепкой, клоком водорослей или пены.

И говорю же: в первое мгновение боль сменилась восторгом.

Время почти остановилось, я подумала о жестяном козырьке над подвальным окном. Я слышала о таком. Казалось бы, жесьть не должна быть мягкой. Но тем не менее.

Потом пришло в голову, что под балконами не бывает подвальных окон. Значит, не может быть и козырька.

Что же тогда?

Время набирало ход.

По лицу стегнула ветка.

Листва расступалась.

Да, козырька не было.

Листва окончательно раздернулась — и я увидела асфальт. □

Несвятое

Анна
и Сергей
Литвиновы

СЕМЕЙСТВО¹

Пролог

На это убийство обратили внимание многие. В нем было нечто странное, нелогичное. Большинство читателей газет и зрителей ТВ просто почувствовали мимолетно эту внутреннюю противоречивость, но буквально через секунду уже выбросили ее из головы и бросились дальше пожирать новые сводки о том, что еще случилось в мире диковинного, ужасного и загадочного.

¹ Журнальный вариант. Полностью роман выходит в издательстве «ЭКСМО».

Несвятое семейство

А вот немногие аналитики — в их числе следователи, опера, частные сыщики, криминальные репортеры — сформулировали, однако, для себя, что же противоречивого и нелогичного было в этом преступлении.

Во-первых, необычной оказалась личность жертвы. Работников телевидения в нашей столице убивали, слава богу, не часто. А если они вдруг становились жертвами, то ими бывали высокие руководители, имевшие прямое отношение к финансовым потокам. А прочих — репортеров, ведущих, операторов или другой закадровый персонал — если убивали, то по традиционным на Руси мотивам, то есть на почве ревности, мести или просто по пьянке. Однако на сей раз пострадавшей стала женщина, занимавшая высокий пост, но деньгами при этом не рулившая. Ее похороны не освещались широко газетами и тем же телевидением (как это бывало, когда уходила звезда), однако в них принимали участие все, кто сколько-нибудь значил в профессии, от высокого начальства до техперсонала, включая звукорежиссеров и водителей. Ничего удивительного, ведь убита была продюсер, автор, главный редактор и режиссер многих популярных программ, четырежды лауреат профессиональной премии ТЭФИ Елена Постникова.

Вторая странность заключалась в том, что преступление, с одной стороны, имело все приметы заказного: жертву подкарауливали у подъезда ее дома, очевидно, киллер (или киллеры) предварительно тщательно изучил и хорошо знал распорядок дня и привычки женщины. Однако само преступление совершено было не как обычное заказное, не при помощи пистолета, автомата или, на худой конец, обреза охотничьего ружья. Нет! Убийца встретился с Постниковой лицом к лицу и нанес ей четыре удара ножом в область сердца. «Скорая» прибыла оперативно, однако пострадавшая скончалась уже по дороге в больницу.

Итак, следствие начиналось, по меньшей мере, с двух недоуменных вопросов — почему Постникова и почему нож?

И только человек пять-шесть в стране догадывались, что произошло. А журналист Дима Полуянов и его подруга Надя Митрофанова знали это почти со стопроцентной уверенностью.

Но в точности, что, как и почему случилось, ведал лишь один человек — убийца.

Годом ранее

Девушка сидела на подоконнике. Худенькая шейка, золотистые распущенные волосы, точеный овал лица. И — безучастный, без огонька, без единой мысли взгляд.

— Аленка! — подойдя ближе, позвала ее мать.

Девушка повернула голову, но видно было: не узнает. Нервно стиснула руки, отодвинулась, и с подоконника на пол шлепнулась тетрадка. Мать скосила глаза, прочитала и вздохнула: все, как обычно. Бессвязный поток слов: река цветы роза мороз синь одна кремний лодка.

Впрочем, врач говорил ей:

— Пограничное состояние не всегда означает полное отключение от реальности. Нам с вами нужно цепляться за любой проблеск жизни, за крошечную мысль в ее глазах.

Но сейчас во взгляде девушки читался лишь ужас.

— Весна, Аленка, — робко проговорила мать. — На клумбе цветы твои любимые распустились...

Девушка молчала, только отодвинулась от нее еще дальше.

— Помнишь, как называются?

В глазах что-то дрогнуло. Неужели показалось?

— Я очень жду, чтобы ты вернулась домой, Аленушка.

Та вдруг слегка улыбнулась в ответ, на мгновение подалась к ней и тут же резко отпрянула. Потом быстро вскочила на ноги и изо всех своих слабеньких сил ударилась головой об оконное стекло. Еще раз, и еще.

Мать в отчаянии отступила, а в комнату уже спешил врач, на ходу распечатывая ампулу. Мимоходом бросил несчастной матери:

— Не волнуйтесь, приступ сейчас купирuem.

Спустя несколько минут после укола Алена успокоилась и снова вернулась в свою безучастную раковину.

— Неужели она останется такой навсегда? — дрожащим голосом спросила у врача мать.

— Нет. Что вы, — натянуто улыбнулся тот. — Конечно, нет. Мы вытянем ее. Приступы закончатся. Но такой, как прежде, она уже не станет. Ни при каких обстоятельствах. Слишком тяжелая для нее нанесенная травма.

В «Ла Скала» на лимузинах мало кто ездит. Прогрессивные люди добираются до театра на мотоциклах. Луиза считала, что это тоже часть спектакля: когда подруливает мощный «чопер», за рулем пожилой джентльмен в смокинге, позади — преклонных лет дама в дорогом шелковом платье. Оба снимают шлемы, приглаживают волосы и идут слушать «Манон». Причем далеко не бедные ведь старички, арендуют на весь сезон ложу бенуара, с легкостью заказывают шампанское по двадцать евро за бокал. Но тратиться на такси или, тем паче, на представительский автомобиль никогда не станут.

Сама Луиза — в сорок три года! — тоже освоила мотоцикл. Какой смысл трепать себе нервы в трафике и часами искать парковку?

В «Ла Скала» она выбиралась нечасто. Времени, да и денег на светскую жизнь не имелось. Но сегодня — впервые за десять лет! — в Италию приехала давняя подруга, и Луиза пригласила ее послушать оперу «Манон».

...Встретились у театра. Приятельница восхищенно осмотрела мотоцикл, Луизино нарядное платье:

— Ты неподражаема! Настоящая итальянка!

— Я очень рада тебя видеть, — искренне произнесла Луиза и, поцеловав подругу, бросила на нее незаметный, но внимательный взгляд.

Выглядела гостя из Москвы неважно. Бледная, глаза, как у собаки породы сеттер: преданные и грустные. Даже модный костюм и высокие каблуки положения не спасали.

«Совсем плохи, наверное, дела в России», подумала Луиза и, улыбнувшись, поторопила:

— Побежали! Второй звонок уже был.

Дамы поспешили в свою ложу номер семь, в бельэтаже.

— Хорошо бы, никто перед нами не сел! — мечтательно произнесла приятельница.

— И не сядет, первый ряд — у нас.

— С ума сойти! — ахнула подруга. — Это же шестьсот евро! — И тут же смутилась: — У меня с собой столько нет...

— Брось! Я угощаю.

Луиза, хоть и была супругой итальянского графа, денег у мужа не брала. Тот прижимистым оказался, а уж траты на оперу считал совершенным излишеством. Но, к счастью, супруг не стал препятствовать, когда русская жена решила основать в Италии собственный бизнес. Необычный, перспективный, но очень трудоемкий.

Туристы, полагала Луиза, давно уже пресыщены. Они устали от традиционных отелей, ресторанов и экскурсий. Чем еще можно их привлечь? И открыла — в изрядно обветшавшем замке мужа — экологическую ферму. Держала там овец, гусей, лошадей, выращивала овощи, клубнику, фрукты, шампиньоны в подвале. Гостям, приезжавшим на отдых, предлагала чистый воздух, деревянные домики, йогу на рассвете (преподавала сама), пиццу из собственной дровяной печи, домашний козий сыр и прочие, приближенные к природе, радости.

Дело пока приносило скромный доход, сил отнимало изрядно, но Луиза умела во всем находить свои плюсы. И каждый день благодарила всевышнего за то, что ей не надо ходить в офис, постоянно лавировать и унижаться (как когда-то в России) или выпрашивать деньги у мужа. И что гости, в большинстве своем, оказывались доброжелательными, порядочными, интересными людьми.

— Получается у тебя с твоей фермой? — с искренним любопытством поинтересовалась подруга.

— Кручусь, — улыбнулась в ответ Луиза и, еще раз взглянув в бледное, почти изможденное лицо давней знакомой, неожиданно предложила: — Переезжай в Италию. Я тебя заместителем возьму. С перспективой стать партнером.

— Нет, что ты! — испугалась та и не слишком уверенно добавила: — У меня и дома... все хорошо.

Отзвучала увертюра, раздвинулся занавес. Приятельница смотрела на сцену, легонько постукивала по ручке кресла в такт божественной мелодии, а в глазах ее стояли слезы.

«Что же у нее случилось? Неужели несчастная любовь? В сорок-то с хвостиком?!» — подумала Луиза.

Когда-то они очень дружили, поверяли друг дружке самые сокровенные и страшные тайны. Но с тех пор минуло уже больше двадцати лет. Пути их давно разошлись, и теперь уже не скажешь: колись, мол, что с тобой. Немедленно.

Оставалось ждать, когда подруга сама расскажет.

...В антракте дамы вышли в фойе и уселись на мягкий диванчик поболтать.

— Ну, рассказывай! Как ты? Как в России? — начала Луиза.

— Все по-старому. Работаю. Там же. Надоело уже — сил нет. Бросить бы эту чистую науку... Кому она сейчас в нашей стране нужна?

— А личная жизнь?

— Ох, разве мне до того!

— Слушай, что у тебя стряслось? — не выдержала Луиза.

— Нет-нет, все хорошо, — поспешно ответила подруга, но в глазах ее вновь блеснули слезы. — Прости, что порчу тебе вечер. Мы же в оперу пришли. Наслаждаться, получать удовольствие!

— Прекрати, а? — слегка повысила голос Луиза. — Плевать на вечер и на оперу тоже. Мы можем сейчас же уйти, сесть в баре и взять бутылку граппы. Немедленно рассказывай!

— С Аленкой у меня проблема. Очень серьезная, — наконец призналась подруга. — И я просто не знаю, что теперь делать.

Как врач и обещал, дочь из клиники скоро выписали.

— В школу отправлять ее не спешите, — напутствовал доктор. — И вообще не дергайте. Пусть делает, что хочет.

Но девочка не хотела ничего. Сидела целыми днями у окошка, смотрела невидящим взглядом на улицу, даже в тетрадке своей больше не писала и все время молчала. А ведь когда-то болтать могла без умолку. И смеяться. И бесконеч-

но примерять наряды. Писала стихи, рисовала, сидела в чате, читала английские книжки, бегала на аэробику, краснела, когда получала смс-ки от мальчишек, пела, танцевала. До того рокового дня, который разделил их жизнь надвое. На до — и после.

И оставлять все, как есть, было никак нельзя.

В этом мать не сомневалась.

Человека скучнее, чем его родительница, Сашка не знал. Только два состояния имелось у маман: или работала, или занудствовала. И никаких, сколько помнил себя, человеческих радостей не позволяла. Ни себе, ни сыну.

Однажды, уже подростком, Сашка не выдержал и спросил:

— Слушай, ты вообще умеешь жизни радоваться, улыбаться хотя бы?!

Ждал, что разозлится, велит не задавать глупых вопросов, однако мать лишь вздохнула:

— Когда-то умела. Душой компании была.

— А почему разучилась?

— Жизнь, Сашка, такая. Не до смеха. Думаешь, легко две ставки тянуть, да еще подработки?

Впрочем, сколько ни пахала, а жили они так себе. В отпуск мама никуда не ездила, а его на каникулах отправляла только в детские лагеря (если удавалось льготную путевку достать). Телевизору — лет сто, все краски выцвели, компьютера или даже простенького смартфона у Сашки не было. Попытался влиять на мать, укорял:

— Что за жизнь у нас с тобой! Вообще никаких удовольствий!

— На удовольствия нужны время и деньги, — сухо отвечала она. — А я одна нас обоих кормлю. Плюс плачу за твою гимназию.

Впрочем, Сашка не сомневался: даже будь у мамы лишние деньги и время, все равно не станет она развлекаться. Пока он был маленьким, мелким, приходилось терпеть: бесконечные уроки, английский, режим и скучные фильмы по телеканалу «Культура».

Но теперь он вырос — целых пятнадцать! — и восстал против маминой диктатуры. Все чаще, с разрешения или без оно, сматывался из дома. Маман скандалила, постоянно гонялась за ним то с «Островом сокровищ» на английском языке, то с идеей, чтобы он тоже шел подрабатывать. На почту, за три тысячи в месяц, смех! Пусть родительница сама — если ей так нравится! — горбатится за копейки. А он для себя уже решил, что специальность получит простенькую, но денежную. Автослесарь, установщик кондиционеров, даже повар — если нормально устроятся! — получают в разы больше, чем школьная

училка со свободным владением иностранным языком.

А пока что удалось солгать, что ему уже семнадцать, и устроиться барменом. Точнее, мальчиком на побегушках при бармене. Подавал бутылки, мыл стаканы, смотрел, как смешивают коктейли. К чаевым сопляка, конечно, не допускали, но пресловутые три тысячи он влегкую зарабатывал за неделю! Хоть джинсы себе нормальные смог купить и пару правильных маек, а теперь копил на «комп».

Но мамино умение монотонно, старательно откладывать каждую копейчку Сашка не унаследовал. Столько искушений вокруг спустить свои кровные! И коктейли, и сигареты, и девчонки постоянно клянчат: то «цацку», то шампунчик. Еще в карты с пацанами играли. Тоже на деньги. Ставки не бог весть, какие, но «штуку» за полчаса Сашка однажды спустил.

А однажды мальчишки все-таки попались: резались на школьном стадионе в «очко» и не заметили, как директор подкрался. Начал вопить, изъясал колоду, деньги, что стояли на кону, и велел на следующий день всем явиться с родителями.

Вечером Сашка выбрал минутку, когда маман, между проверкой школьных тетрадок и очередным переводом, присядет передохнуть на продавленный, ветхий диванчик, и бухнул:

— Тебя Пал Палыч вызывает.

— Павел Павлович? — удивилась она. — Зачем? Мы же с ним сегодня на педсовете виделись.

И Сашка, понурясь, поведал о своем преступлении.

— Ты играешь в карты? На деньги?! — Мама выглядела растерянной.

— Да какие там деньги, — насупился Сашка, — «на интерес». Сто рублей, от силы, на кону.

— И во что же вы играете?

— А, ты все равно не знаешь, — отмахнулся он.

— И все-таки?

— Ну, в «очко».

Мать молча встала с продавленного диванчика и вышла из комнаты. «Неужели реветь пошла?» — гадал Саша. Но нет — вернулась быстро, глаза сухие, а в руках — он просто глазам своим не поверил! — запечатанная карточная колода.

Маман высыпала карты на стол, ловко выстроила подобие домика, с треском разрушила его, лихо картишки перемешала.

— Эй, мам! Ты чего? — чуть ли не со страхом взглянул на нее Сашка.

— Почем играем? По сто — или на пятьсот решишься? — холодно улыбнулась она.

— С тобой? Играть?! — искренне изумился Сашка.

Мама же небрежным жестом метнула на стол тысячную купюру:

— Я поставила. Отвечай.

Сашка хмыкнул, сбегал к своему тайничку под половицей и притащил восемь тысяч — все, что было.

Маман ловким жестом швырнула ему «девятку», «пятерку» и «двойку» и улыбнулась:

— Шестнадцать. Еще?

— Ну... давай.

И — оп-па! — сразу перебила блэк-джеком и без стеснения загребла его тысячу.

Тут же сдала карты снова. Еще хуже: две «семерки», а себе — двух дам.

— Мам! Ты, что ли, шулер? — восхищенно взглянул на нее Сашка.

— Ставь еще тысячу и сплитуй.

— Чего?

— Даже терминов не знаешь. Удваивай ставку и разделяй. Другого выхода нет.

— А смысл? — вздохнул Сашка, но деньги поставил.

К первой «семерке» пришли «туз» и «тройка» — «очко»! Только вторую ставку проиграл.

И двадцати минут не прошло, как все его восемь тысяч «уплыли».

Мама аккуратно расправила купюры, положила в старенький, из кожзаменителя, кошелечек и снисходительно произнесла:

— Понял что-нибудь?

— Понял, — ухмыльнулся в ответ Сашка. — Ты у меня, оказывается, крутая!

— Саша, не о том речь, — грустно вздохнула мама. — Я играю на среднем, зауряднейшем уровне. Просто тебе объяснить хотела, что ты только у мальчишек выигрывать можешь. А попадись на твоём пути да-

же самый слабый из профессиональных игроков, шансов у тебя никаких. Все сольешь и в кабале окажешься.

— Но ты научишь меня? — загорелся он.

— Никогда! И если еще раз услышу, что ты на деньги играешь, ты мне не сын. Слишком многих я видела, кто из-за карт свою жизнь под откос пустил.

— Но ты-то сама играешь суперски! — возразил Сашка. — Бросай свою школу и на круизный лайнер устраивайся! В казино, дилером! А я к тебе в ученики пойду.

— Ребенок ты еще, Сашка. Я дала себе зарок, что больше играть не буду — никогда. Ни при каких обстоятельствах. Все, разговор окончен.

У нее было такое суровое выражение лица, что Сашка сразу поверил.

И даже подумать не мог, что его твердая, как кремь, сухая, как прошлогодняя листва, мамаша зарок свой в ближайшее время нарушит.

— Сегодня в десять будь дома, — велел с утра отец.

— Зачем? — скривился Юрик Гречишников.

— Будут гости. Сыграешь им что-нибудь. Да, и аккомпаниатора с собой привези. Я заплачу.

— Пап, слушай! Ну, надоело! — заворчал сын. — Что я тебе — обезьяна ученая?

— Обезьяны в ночных клубах кокс нюхают. А ты у меня, наоборот, гордость. Подающий надежды музыкант, — хмыкнул папаня.

Юрик вздохнул. Спасибо, конечно, отцу, что верит в него, что помогает — устраивает приглашения на настоящие концерты, оплачивает лучших педагогов, купил хороший инструмент, выделил в доме специальную комнату для репетиций — с шикарной акустикой. Но много и неприятного от родителя исходило. То решает папочка, что сын обязательно должен диссертацию защитить, то гостей его развлекай, как сегодня.

Но спорить с магнатом Гречишниковым не решался никто. И уж тем более, его собственный сын.

— «Времена года» Вивальди сыграю, — покорно кивнул Юрий. — Тебя устроит?

Полуянова в последнее время стала раздражать родная редакция — безумно.

То они, видишь ли, возьмутся Сталина воспевать — а для него усатый был и оставался тираном и кровавым душегубом. То оппозицию, и без того чахлую, кинутся изводить — а по Диме, в речах протестантов много разумного имелось. Да и по большому счету: пресса, считал журналист, всегда, по самому своему предназначению, должна быть противовесом власти, а не дуть с ней в одну дуду. Быть той самой щукой, чтобы караси — чиновники разных масштабов — не дремали. А что теперь происходит в редакции? Теперь — хочешь быть журналистом — лги. Ну, или уходи — писать про культуру, спорт, природу и животных. Время журналистских расследований прошло. Или, как скажет оптимист, еще не наступило по-новой. Поэтому его очередную злободневную статью мало кто в Москве напечатать захочет, если только в Интернете разместить, на «Всемирном журнале», допустим. Тоже, на худой конец, вариант. Да только в Сети не платят — а что они с Надеждой тогда кушать будут? Не собирался печатать ее и главный, и у Полуянова появился стопудовый повод остановиться, оглянуться и подумать, как быть ему дальше и что делать?

Не откликаясь на предложения скоротать совместно вечерок за рюмкой, он засобирался домой, к Надежде.

Вечернее метро тоже оптимизма Полуянову не прибавило. Несмотря на девять часов, поезда шли полными — как притиснули его к двери, так почти до самого «Медведково» ехал. Зато появилась возможность спокойно подумать.

Спасибо «главнуге» за то, что он предельно прояснил обстановку. Дилемма представлялась простая: либо покорно скушать все, что ему Анатолий Степанович выкатил, как ни в чем не бывало приходиться на работу и расследовать в дальнейшем, в лучшем случае, от кого родился ребенок у Киркорова, либо забрать свою статью, хлопнуть дверью и пойти «свататься» куда-нибудь в оппозиционное издание.

А пока шел от метро к дому, решил, что надо посоветоваться с Надеждой. Он ее в свои редакционные дела обычно не посвящал. С одной стороны, берег, конечно, но и высокомерничал: что она, простая библиотечка, может понимать в высоких материях! Однако на этот раз задал: если вдруг Надежда станет уверять, что надо утереться, бросить

статью в урну, забыть и работать дальше, как работал, — тогда он вспылит и, скорее, саму Надежду бросит!

А почему нет? Почему бы Полуянову не бросить — разом все?! Как заманчиво! Покинуть и работу, и Надю! Сдать на длительный срок оставшуюся от мамы квартиру — и уехать, допустим, в Таиланд, денег хватит. А там провожать закаты, предаваться тайскому массажу со смуглой покорной аборигенкой и, наконец, начать писать свой давно вынашиваемый роман века. Как соблазнительно!

План избавиться ото всех цепей разом был хорош.

Но Митрофанова оказалась чуткой девочкой и повела себя исключительно правильно. Когда Дима явился, ни о чем выспрашивать не стала. В стиле смиренной тайки подала ужин, а потом, распахнув глаза, не перебивая, выслушала Дмину историю и заметила:

— Может, все-таки тебе из «Вестей» уйти?

— Мне — уйти? Боже мой, Надя! Я же с этой газетой, с «Молвестями», больше, чем полжизни, прожил! Я ведь туда еще школьником пришел — девятиклассником! Еще когда передовые печатали: «В политбюро ЦК КПСС». Я и тебя-то тогда не знал — ну, вернее, видел пару раз, но даже представить не мог, что мы с тобой рядом по жизни окажемся! Сколько всего у меня с этой газетой связано! Мы ведь и с тобой по-настоящему познакомились, когда я над очередной темой для нее работал! И потом! Из каких я только переделок не выходил. И всегда за собой газету чувствовал, силу ее! А сейчас?!

— Ну и не надо, значит, из нее уходить, — мягко заметила Митрофанова.

— А что же делать — смириться? — оцетинился Дмитрий.

— Тоже не обязательно. Просто возьми тайм-аут. Ты в отпуске в этом году был?

— Сама знаешь, что нет, — проворчал Дима.

— И в прошлом году — тоже. Вот и надо сейчас сбежать из Москвы. Расслабиться полностью на пару недель. За счет, кстати, своих «Молодежных вестей», которые тебе отпуск оплачивать обязаны. Отдохнешь, а там уже решишь, оставаться или уходить.

— Смотри-ка! Оказывается, и ты можешь дельные советы давать! — хмыкнул в ответ Полуянов.

Надя

На следующий день Надя явилась на работу без настроения. Да, вчера она изо всех сил старалась убедить Диму, что все в порядке, обычный рабочий конфликт, с кем не бывает. Но, прекрасно изучив его, понимала: на компромисс с «главнугой» Димочка не пойдет, не тот у него характер. Скорее всего, уйдет из «Вестей», да еще дверью на прощанье хлопнет. И никакой отпуск в банальном Египте положения не изменит.

Как назло, еще и читателей в библиотеке полно, посидеть, спокойно подумать — никакой возможности. Плюс кондиционеров в библиотеке нет, духота, посетительницы над своими талмудами склонились все красные, кто газеткой, кто веером обмахивается. Будто в литейном цехе они, а не в библиотеке!

Одна Ирина Андреевна — любимая Надина читательница — сегодня свежая и бодрая.

— Как вам удастся в этой духоте так выглядеть? — не без зависти в голосе поинтересовалась Надя.

— Меня научили одной очень полезной вещи, — заговорщицки улыбнулась женщина. — Называется «охлаждающее дыхание». Смотри, Надя. Складываешь узким колечком губы, сворачиваешь в трубочку язык, втягиваешь воздух и представляешь при этом, будто холодную воду через соломинку пьешь. Попробуй!

— И поможет? — недоверчиво произнесла Митрофанова.

— Через пять минут — гарантировано.

И — удивительное дело! — действительно сработало.

— Где вы этому научились? — заинтересовалась Надя.

— На экологической ферме, — усмехнулась Ирина Андреевна.

— Где-где?!

— Я недавно в Италию ездила и останавливалась не в гостинице, а в частном доме. В деревеньке на озере Комо. Там удивительная хозяйка: бывшая наша. Представляете, в старинном замке организовала что-то вроде частной гостиницы. Еда — только натуральная, все продукты со своего огорода и фермы. Свое молоко. Лошадки. По утрам — уроки йоги, для начинающих, вроде нас с вами. Я сначала боялась ходить, у меня спина проблемная, так Луиза уговорила — теперь бегаю, словно девочка! Ну, и еще много полезных вещей узнала. Про охлаждающее дыхание, например. Плюс Италию посмотрела, Швейцарию — там рядом. Луиза такие интересные экскурсии проводит — вдали от туристических троп!

— Умеете вы, Ирина Андреевна, жить, — заметила Надя.

— А тебе кто мешает? Могу ссылочку на сайт этой фермы дать. Стоит, между прочим, копейки — Луиза свое дело только начинает, поэтому скидки дает огромные. — Женщина помолчала, а потом неожиданно добавила: — Если на душе тяжело, самое место, куда поехать.

«А ведь мысль! — пронеслось у Митрофановой. — Вдруг к Полуянову моему как раз там просветление придет?»

Надя даже не поняла — понравилась ли Димке ее идея насчет необычного отпуска?

Поехать на экологическую ферму тот согласился — хотя счастливым совсем не выглядел. Буркнул: «Вечно придумашешь ты, Митрофанова... Ладно. Хоть отосплюсь там, в глуши».

Надя же, наоборот, летала, точно на крыльях. И очень надеялась, что этот совместный отпуск окажется удачным для них обоих.

В первый день в Италии, в экологической деревне на озере Комо, Надя проснулась, когда часы на ратуше пробили семь утра.

Невозможно спать, если в открытое окно рвется запах свежей травы, озерной сырости, теплых булочек. «Выпить кофе на террасе и посмотреть, как просыпается озеро? Или сбегать искупаться?»

Она решила не будить Димку. Умылась, оделась в спортивный костюм и тихонько выскользнула из домика.

Озеро искрилось у подножья холма, черепаха, обитавшая в искусственном прудике, вылезла из воды, подставила панцирь солнцу, пара гусей-горлопанов в загородке шумно, очень по-итальянски, обсуждала последние новости.

К витавшему в воздухе аромату булочек примешивался запах отличного кофе. «Лучше начну-ка я утро традиционно, — решила Митрофанова, — с завтрака», и отправилась на террасу с видом на озеро.

Тут все блистало чистотой, на столах — букеты полевых цветов и белоснежные салфетки с рукодельной вышивкой. На фарфоровых блюдах белел козий сыр, золотилось домашнее масло, румянилась гигантских размеров черешня.

Надя вспомнила, как ворчал Полуянов («Везешь меня куда-то в колхоз!») и улыбнулась.

На террасе она оказалась не одна. В самом дальнем углу, в низком шезлонге, восседал, возложив босые ноги на парапет, черноволосый мужчина. Смуглый, глаза — ослепительно-синие, будто небо над тропическим островом. Шелковая гавайская рубаша расстегнута, мускулы из-под нее выглядывают очень даже аппетитные. Джеймс Бонд, да и только!

— Бонжорно, — смущенно пробормотала Надя.

Черноволосый мгновенно отложил сигарету, оставил кофе, резво вскочил на ноги, заулыбался:

— Бонжорно, синьорина!

Надя растерянно улыбнулась незнакомцу и отправилась наливать себе сок. Он тут же потянулся за ней, галантно предложил:

— Orange? Apple?

— Оранж, пер фавор, — пролепетала Надя.

— Вы наша, что ли? — обрадовался красавчик.

— Да, — неловко буркнула Митрофанова.

— Я — Роман, — протянул ей теплую мускулистую руку мужчина.

— А я — Надя. Вы тоже здесь отдыхаете? — Митрофанова изо всех сил старалась казаться небрежной, чуть расслабленной.

— Ну да, у меня винный тур, — хмыкнул он. — Хотя Луиза, хозяйка наша, на меня ворчит и все пытается к здоровому образу жизни приобщить. Но как в Италии без вина домашнего, без миланской салиами, без граппы?

Надя внимательно посмотрела на Романа, и что-то знакомое мелькнуло в разрезе его ослепительных глаз, в манере говорить, усмехаться, выразительно вскидывая правую бровь.

— Мы с вами раньше никогда не встречались? — неуверенно спросила она.

— Если бы я вас увидел — не забыл бы никогда! — последовал мгновенный ответ.

— Вы... какой-то певец? Артист? — предположила Надя.

— Ура! Слава нашла меня! — радостно воскликнул Роман и уже спокойно добавил: — Даже странно, Надя, что вы меня видели где-то. Артист я начинающий, парочка ролей второго плана, да «Каникулы в Бразилии». И то выгнали — уже на третий день. А на хлеб зарабатываю тем, что корпоративы устраиваю. А вы чем занимаетесь?

Надя ответила, что работает в библиотеке.

— Потрясающе! — пришел в восторг Роман. — Столь прекрасная девушка — и библиотекарь! А вы когда-нибудь замечали, что каждая книга пахнет абсолютно по-разному?

— Конечно.

— Я бы прямо курсовую работу об этом написал! У меня вообще что-то типа наркомании: обожаю книжные запахи сравнивать. От ветхих пожелтевших страниц просто в экстаз прихожу. Пустите к себе в историко-архивную? Первое издание «Путешествия из Петербурга в Москву» понюхать?

— Его на руки не выдают, только фотокопию.

— Ну, да. Я понимаю. Борьба с наркоманией в разгаре, — сморщил нос Роман и тут же спросил: — Не желаете после завтрака вместе отправиться на прогулку?

Митрофанова собралась, было, согласно кивнуть, но тут на террасу неожиданно ввалился Полуянов:

— Так, Надька. Бросила меня, исчезла куда-то, нет бы, кофе уставшему путешественнику принести!

— Меня вводят в курс местных реалий. Познакомьтесь: Дима — Роман, — представила мужчин друг другу Надя.

Роман подмигнул ей и произнес:

— Я сегодня хочу с горы на парашюте слететь. Не составите компанию?

— Одного пустят? — оживился Дима. — Или надо с инструктором?

— Я соврал, что у меня первый разряд, но европейцы — перестраховщики! — международный сертификат предъявить потребовали, — вздохнул Роман. — Поэтому придется пассажиром.

— Тогда неинтересно, — отмахнулся Полуянов. — Я на такси не люблю, лучше за рулем.

— А я бы хотела, — вырвалось у Нади.

— Готов сопроводить и всячески опекать, — мигом предложил свои услуги Роман.

Но Полуянов в ответ покачал головой:

— Нет, спасибо. Мы лучше в Беладжио съездим.

— Что ж. Хорошего вам дня! — не стал настаивать Роман и попрощался с ними.

— Уже замену мне ищешь? Безработному журналисту? — проворчал после его ухода Дима.

— Глупости, Димка, не говори, — возмутилась Надя, но при этом покраснела.

— И я тебя понимаю. Зачем я тебе? Неудачник, изгой? — продолжал бурчать Полуянов до конца завтрака.

Ох, нравилась Наде Италия — страна изящная, непринужденная, дружелюбная, слегка взбалмошная. И очень здорово, что они здесь не в отеле живут, а почти что в гостях. Луиза организовала им отменный отдых. Изо всех сил старалась развлечь гостей, показать им все самое интересное. Возила Надю с Димой в городок Варенну, где протекает самая короткая в мире река, длиной всего пару десятков метров. Показала СПА-центр с изумительными термальными ваннами — Наде особенно понравилась одна, где лежишь в бассейне, на открытом воздухе, на спине, уши погружены в воду — а оттуда, из глубин, медитативная музыка доносится. И любишься снежными шапками гор.

А помимо экскурсий, отличная домашняя еда, хмельное молодое вино и, главное, — Роман. Удивительный человек!

...В последний их вечер в Италии Надя с Димой расслаблялись в шезлонгах. Днем они ездили, опять в компании Луизы, в Милан. Фотографи-

ровались у Дуомского собора, посетили музей театра «Ла Скала», прогулялись по улице бутиков Монте Наполеоне.

Полюянов, утомленный впечатлениями, задремал, а Митрофанова смаковала кампари с апельсиновым соком и любовалась бесчисленными яхточками и яхтами, заполонившими озеро.

Неожиданно за ее спиной появился Роман.

— У меня для тебя подарок! — шепнул он ей одними губами и протянул девушке крошечную книжицу в серебряном переплете: — Старинная, девятнадцатый век. В антикварной лавке купил.

Надя восхищенно раскрыла миниатюрное, не больше спичечного коробка, чудо.

Сонеты Петрарки. На итальянском. Бумага — тонюсенькая, пожелтевшая от времени.

— Потрясающе!

— Мне тоже понравилась, — улыбнулся Роман. — А понюхай, как пахнет! Стариной. Чужими тайнами. Страстью.

Надя виновато обернулась на спящего Диму и пробормотала:

— Это же очень дорого, наверное!

— Ерунда. Я вчера в казино джек-пот взял, — отмахнулся Роман. И — будто никакого Полуянова рядом не было — требовательно обнял ее и зашептал: — Ты потрясающая. Удивительная. Уникальная. Очень жаль, что ты не со мной. — Затем целомудренно поцеловал ее в щеку и, ссутулившись, двинулся прочь.

Надя еле сдержалась, чтобы не броситься за ним, и в полной растерянности смотрела ему вслед.

— Трудно против него устоять, — раздался вдруг у нее за спиной сочувственный голос.

Надя резко обернулась — Луиза и покраснела. Выходит, хозяйка экофермы видела, как они с актером обнимались?

— Надя, не волнуйся, — улыбнулась Луиза. — Я слепа и глуха. Хочешь рюмочку граппы?

— Н-нет, спасибо.

— Устала... — опускаясь в свободный шезлонг, пожаловалась хозяйка. — Мы же сегодня с вами весь день на ногах. А вчера легла только в три часа ночи. Романа спасала.

— Это как? — удивленно спросила Надя.

— Он в Лугано отправился. В казино. И все проиграл. А такси оттуда — двести евро. Пришлось ехать, вызволять. Все-таки он постоялец, и я в какой-то степени за него отвечаю.

Надя нащупала в кармане сарафана изящную книжицу в серебряном переплете и пробормотала:

— А мне говорил, что выиграл.

— Ему сегодня деньги переводом из России прислали. Агента своего, кажется, попросил. В счет будущих гонораров. И понимаешь, что глупо себя мальчик ведет, жизнь прожигает, здоровье гробит, но невозможно на него злиться...

Вдруг где-то совсем близко взревела мотором легковушка, и Луиза улыбнулась с материнской снисходительностью:

— Рома. Опять на дискотеку помчался.

— На машине? — удивилась Надя.

— Ну да. Я ему ключи от своего «фольксвагена» дала. Пусть сам себя возит. Не могу же я ночами еще таксистом работать! — Луиза легко поднялась и взглянула на часы: — Время ужинать. Буди Димочку, приходи-те, — и заторопилась в сторону кухни.

Надя бегом кинулась в домик и, полюбовавшись серебряной книжечкой, спрятала ее в дальний уголок чемодана...

Полгода назад

Дочка, любимая Аленушка, действительно возвращалась к жизни. Но как!

Она — сама, перед зеркалом — отрезала свои роскошные, медового цвета, волосы. И мать почему-то не сомневалась, что все увещевания из прежней жизни — «цени, что дала тебе природа, в косе — твоя уникальность!» — сейчас не сработают.

Но даже короткой, под мальчика, стрижки, ей оказалось мало. Накупила пакетиков с красками, поколдовала — и цвет волос в итоге получился убийственным — морковный, с вкраплениями желтого. Лицо — прежде одухотворенное, тонкое — сразу стало казаться простеньким, одутловатым.

И косметику (хотя прежде почти не пользовалась) Аленка начала накладывать щедро и неумело. Обводила черным карандашом глаза, в не-

сколько слоев красила ресницы тушью, а ярко-красной вызывающей помадой губы. Будто клоун получался — несчастный и некрасивый.

Но если прежде мамин арсенал воздействия был огромен — не убедить, так высмеять, а в крайнем случае просто силком отволочь в ванную да умыть, — теперь противоречить дочери она боялась. Не зря ведь доктор, когда выпи-сывались из клиники, напутствовал: «Лучшее, что вы можете сейчас сделать, — просто оста-вить ее в покое».

Алена же, словно не замечая отчаянья мате-ри, все больше входила во вкус новой своей примитивно-уличной жизни. Начала курить. Ис-чезать по вечерам. От нее иногда пахло спиртным...

— Аленушка, — однажды решила мать, — это не выход.

— Отстань от меня! — воскликнула девушка с искаженным от злобы лицом.

Интуиция материнская подсказывала: нужно срочно Аленку остановить. Пока ее не оконча-тельно затянуло в болото, пока она еще не на-пивается, а просто выпивает, пока не подседа на наркотики.

Только как остановить уже почти взрослого, без малого, семнадцатилетнего человека? Слушать ее Алена отказывалась. Запереть в квартире — чтобы дочь, как когда-то, начала бить посуду и крушить мебель? Заинтересовать учебой, театром, каким-нибудь кружком, спортом? Бесполезно.

Но только возвращать дочь к жизни все рав-но надо было.

Сашка

Учиться в гимназии — сплошная морока. В обык-ных школах учителя сами ждут, не дождутся, когда уроки закончатся, и можно будет домой

сбежать. А у них — мало, что уроков полно, еще и постоянные мероприятия, социализация, адаптация к взрослой жизни и прочая заумь. Едва отгрел «Гамлет», на английском языке (Сашке досталась почетная роль Полония), так новая напасть — американские подростки приехали, по обмену.

То, что они на уроках вместе, даже прикольно, есть над кем поржать. Но чужеземцев еще и поселить надо — желательно, в те семьи, где по-английски говорят!

Сашка с мамой, учительницей английского языка, оказались первыми кандидатами.

— Куда мы его возьмем, в «двушку», самим места нет! — попытался он взбунтоваться.

— В быту американцы неприветливы, — отрезала маман, — а тебе будет полезно язык подтянуть.

И взяла — видно, назло! — к ним в дом Стива, самого бестолкового, который по-русски — вообще ни бум-бум. Даже «доброе утро» только на английском! Хотя во всем остальном, Сашке пришлось признать, парень нормальный. Носки не воняют, ночью не храпит, фильмы смотрит правильные. И не особый «ботаник». Мамаины «соловьиные песни» про Ленинскую библиотеку и Пушкинский музей выслушал вполуха и в первый же вечер потребовал на типично русскую дискотеку его сводить.

Сашка опасливо покосился на маму, но она спокойно кивнула:

— Идите. Только пива ему не покупай. Американцам вообще до двадцати одного года спиртного нельзя.

— ...Зануда у меня маман, да? — вздохнул Сашка, когда вышли из дома.

— Брось, — отмахнулся американец. — Нормальная тетка. К тому же, я ее английский понимаю, — хмыкнул он, — в отличие от твоего!

Как-то вечером, когда Сашка и Стив сидели у телевизора, мама неожиданно сказала:

— Хватит без дела сидеть. Иди, салат заправь. И отбивные пожарь.

— А ты? — возмутился Сашка.

— А я ухожу, — усмехнулась маман.

— Куда это еще? — Он взглянул на часы: девять вечера.

— Дела, — пожалала она плечами.

Но оделась для своих дел — просто упасть! Кофточка в обтяжку, лицо раскрашено, и, главное, — юбка до коленок не достает! Хотя прежде Сашка маму даже в джинсах видел редко — всегда, даже дома, носила длинные скучные платья.

— Что это у тебя за дела такие? — подленько усмехнулся Сашка.

— Александр, не смей! — тут же завопил Стив. — У твоей мамы тоже должна быть privacy (частная жизнь)!

— Понял? — снисходительно щелкнула Сашку по кончику носа маман.

Нацепила сапожки на каблуках — новые, Сашка прежде их не видел — и триумфально отбыла.

Стив прилепился к окну, наблюдал безотрывно, как она в сторону метро цокает. А когда изящная фигурка скрылась в глухих октябрьских сумерках, произнес назидательно:

— Ты должен обязательно выделять ей day off. Полностью свободный от хозяйства — чтобы мама свою личную жизнь устраивала.

— Этого еще не хватало! — буркнул Сашка.

Но и гордость определенная появилась за мамулю. Он-то всегда считал ее рабочей лошадкой, давно вышедшей в тираж, а маман, оказывается, еще умеет головы кружить!

И очень интересно стало, для кого она в мини-юбки рядится. Подкараулил, когда родительница домой вернулась (между прочим, в час ночи!) и вкрадчиво спросил:

— Чего папу-то нового с собой не привела?

— Фу, Сашка, о чем ты говоришь! — сердито прошептала маман.

Выглядела она сейчас похуже, чем вечером: лицо усталое, морщинки снова во всей красе.

— Ну, скажи, куда ты ходила-то? — заныл Сашка.

— У меня важное дело, — отрезала мама. — И к мужчинам оно отношения не имеет.

— А для кого тогда наряжаешься?

— Меня попросили... помочь.

— Кто?

— Не имеет значения. Кстати, от вас со Стивом тоже помощь потребуется.

— И чего надо делать? — подозрительно протянул Сашка.

— Очень сложное будет задание. И ответственное. Когда время придет, расскажу.

Сашке всегда казалось: мамаша у него — вся, как на ладони, незыблемая в своей правильности и скучности.

Но с тех пор, как поселился у них в квартире американский турист-школьник Стив, родительница продолжала удивлять — чуть ли не каждый день.

Все что-то молодится, прихорашивается. Compliments заморского гостя принимает с удовольствием. А главное, privacy завела. Еще какую privacy!

Сашка даже не знал, что есть у нее наряды на выход, что на каблуках умеет ходить, что улыбаться может, будто Джоконда, очень загадочно.

Расфуфырится, убегает на какие-то встречи, однажды даже дома не ночевала. А как-то позвонил ей дядька. Сашка успел схватить трубку параллельного аппарата и услышал:

— Ох, Танюшка, тряхнем стариной! Что, квалификацию еще не потеряла?!

От любопытства он просто сгорал, но Стив, противный демократ, помешал разговор дослушать. Вырвал трубку из рук, вернул ее на рычаг и назидательно произнес:

— За подслушивание чужих разговоров можно и под суд угодить.

— Это только у вас, в Америке! — разозлился Сашка, но снова снять трубку параллельного телефона не рискнул.

Во что же родительница, училка средней школы, вляпалась?

Хотя не выглядит она расстроенной или убитой, скорее, сосредоточенной и деловой.

А сегодня за ужином объявила:

— Помните, я говорила, что мне ваша помощь потребуется?

— Мы всегда к вашим услугам, мэм! — галантно отозвался Стив.

— Мне нужно, чтобы вы оба... познакомились с одной девушкой.

— С какой целью? — серьезно спросил американец.

— Она утратила веру в себя. Я хочу, чтобы вы помогли ей понять: все хорошо, жизнь не кончилась.

— Какая-нибудь очередная дочка твоей подружки? Одинокая «ботаничка» очкастая? — оцетинился Сашка. — Вся из себя правильная?

— Не угадал. Очков она не носит и вообще девица продвинутая. По крайней мере, выглядит так. Курит, волосы в ярко-морковный цвет покрасила. Одевается, м-мм... слишком ярко.

— А в чем здесь твой интерес? Зачем тебе какую-то шала... то есть, пардон, суфражистку спасти?

— Ничего не могу объяснить. Считайте, что участвуете в соревновании. По пик-апу. Ваше дело: познакомиться с ней и уговорить, чтобы с вами в кино сходил. Поп-корн, анекдоты, обязательно комплименты. Потом проводите домой. И руки не распускать, даже если она сама будет вас провоцировать. Распрощались — свободны. Телефончик можете не просить.

Саша растерянно взглянул на Стива, про-бормотал:

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Not at all! — отозвался друг. И жизнера-достно добавил: — Но разве Тому Крузу всегда объясняют, в чем заключается суть его мис-сии? Приказ дан, и его следует выполнять!

Но Сашка не был готов так легко сдаться.

— А что взамен? — коварно прищурился он на маман.

— Вот вам три тысячи, — щедро шлепнула деньги на стол родительница. — На кино, чип-сы, сдачу оставьте себе.

— Нет уж, — продолжал упрячиться Сашка, — представительские расходы — это само собой. Нам еще премия нужна. Например... ты сыграешь с нами в блэк-джек!

— Вы умеете?! — Стив взглянул на маму, как на богиню.

— Обыграет тебя на раз, — заверил Сашка.

— Тогда я готов хоть сонеты петь этой ва-шей девице с красными волосами!

...И на следующий день приятели отправились «на задание», караулить загадочную девицу.

Мама снабдила их фотографией, очень «шпи-онской» (рыжеволосая, с мрачным лицом, кури-ла и явно не ведала, что ее снимают).

— Крокодилина, — пригвоздил Сашка.

А Стив (хотя всячески принижал курящих девчонок) задумчиво произнес:

— Да, не красотка. Но у нее такие грустные глаза...

— Вы, американцы, любите всех спасать. Лучше — весь мир. Лавры Брюса Уиллиса стучат в вашем сердце, — поддел его Сашка, а затем задумчиво добавил: — Никак понять не могу: мамке-то это зачем?

— Возможно, это все-таки дочка ее друзей? — предположил Стив. — Попала в плохую компанию, и твоя мама хочет, чтобы мы на нее положительно повлияли?

— Да у мамашки подружек-то — раз-два, и обчелся. И со всеми их дочками она меня уже знакомила. Точнее, пыталась. Все на одно лицо, и ей самой под стать: нудные, правильные. Нет, тут другое. Но что?..

И у девицы не спросишь — мама категорически запретила. «Вы просто встретили ее на улице. Случайно. Понятно? Ошарашены, околдованы и умоляете составить вам компанию. Все».

— Саша, но зачем тебе обязательно надо докапываться до сути? — упрекнул Стив. — Мы ведь не делаем ничего противозаконного. Выполняем просьбу. Ведем девочку в кино — в ответ получаем блэк-джек. Помоему, во всех отношениях выгодная сделка.

— Ты еще попробуй подцепить ее, — скривился Сашка. — Я такую породу знаю. Скажет: «Отвали, детский сад», и весь разговор.

...И как в воду глядел.

Девица — поймали ее у подъезда — взглянула на них насмешливо и, выдохнув в лицо невкусный дым, процедила:

— Гуляйте, мальчики.

Сашка сразу нахмурился. Стив, наоборот, улыбнулся во все свои тридцать два американских:

— What's that?

— Ой, ну, давайте тут еще попридуриваемся! — поморщилась девушка.

— Не разбираешься в людях, — хмыкнул Сашка. — Он, реально, американец. Из Калифорнии.

Девица взглянула насмешливо, прищурилась — и вдруг выстрелила английской фразой. Акцент — жуть, Сашка вообще ничего не понял. Зато Стив просиял и ответил. Что-то про Голливуд.

— Ну, убедилась? — насмешливо произнес Сашка. — Давай, говори, what's your name, и в какое кино пойти хочешь.

— В кино-о? — кисло протянула рыжеволосая. — Отстой. Давайте, вон, лучше в парк — и по пивасику, для разминки.

«Вот это у мамули знакомые!» — мелькнуло у Сашки.

А Стив, кажется, даже обрадовался:

— Я никогда не пробовал русского пива.

— А ты другое-то пробовал? — пробурчал Сашка.

— Чего?

— Я говорю: самое время начать!

Наши дни

Полуянов порой, даже когда карьера шла в гору, воображал: интересно, а как он будет уходить из «Молодежных вестей»? Не век же ему здесь сидеть? Но и о том, что будет делать дальше, когда перерастет газету, со всей определенностью пока не загадывал. То мечтал о телевизионной карьере, то о том, как напишет роман века, или что его в «Тайм» работать пригласят... Но вот что придется ему уходить так — бесславно, как сейчас, даже не думал ни разу.

Позорно, чего уж там говорить, он уходил.

Написал в своем кабинетике заявление, сложил его пополам, чтобы по пути никто из коллег не заглянул, пошел к секретарше главного Марине Максимовне и вежливо попросил:

— Передайте, пожалуйста, Анатолию Степановичу, только не распространяйтесь, пока суд да дело, никому, ладно?

Вернулся в свой кабинетик. Вещи собирать не стал и коньяк допивать тоже. Все равно, если суждено уйти из конторы, надо будет коллегам проставляться. Хотя и надежда еще теплилась: вдруг остановят? Вдруг главный заявление не подпишет, уговорит? Как бывало уже, честно сказать, пару раз, когда его после таких заявлений в командировку в Лондон посылали. Но сейчас!..

Дима закрыл дверь кабинета и, не останавливаемый никем, пошел в одиночестве в стору лифта.

Да, прощание выходило грустным.

Рома Черепанов считал себя везунчиком. Когда приехал в Москву из провинциального Малинова, разве мог надеяться, что пройдет всего несколько лет, и он окажется при столичной квартире, при киношных ролях, пусть даже небольших? А чего стоила «кормушка» — вести корпоративы! Кое-кто из коллег пережи-

вал, что не получает за вечер по тридцать тысяч «зеленых», но Рома не хамел — считал, и скромной тыщонке надо радоваться.

А уж когда читал или разговоры слышал, как иным провинциалам без образования и влиятельных родственников приходится пробиваться — и вовсе переполняла законная гордость. Роме никогда не доводилось мерзнуть в рыночных палатках, подметать дворы, перевозить наркоту, ублажать, за скромное вознаграждение, пожилых похотливых теток.

Никаких ВГИКов или даже институтов попроче он не кончал. Единственное, что имелось: внешние данные. Но примитива, мужского стриптиза или жалкой роли альфонса, удалось избежать, потому что обладал Рома, в придачу к обаятельному лицу и спортивной фигуре, дополнительным козырем — да каким!

Черепанов — всего-навсего! — умел слушать людей. Кого угодно — шофера в маршрутке, скучающую кассиршу в пустом магазинчике, случайного подвыпившего попутчика в метро, кто отчаянно нуждался в собеседнике. Большинство людей слушают, кивают, а глаза при этом равнодушные, пустые. Рома же от рождения был неплохим артистом, и заинтересованность в собеседнике изображал виртуозно. Не удивительно, что бонусы сыпались на него со всех сторон. Шофер в маршрутке не брал с него за проезд, кассирша продавала продукты с двадцатипроцентной скидкой, положенной для сотрудников магазина, попутчики в метро всегда оставляли визитки, и у Ромы постепенно образовалась масса полезных связей — автослесари, стоматологи, налоговые консультанты, сотрудники турагентств.

И когда на телевидение попробовал прорваться, метод тоже сработал. Кому сказать: явился проходить кастинг на программу «Каникулы в Бразилии» и умудрился редакторшу, что собеседование проводила, саму разговорить! Та — вместо того, чтоб составлять его собственный психологический профиль! — с удовольствием делилась, что тоже провинциалка, чтоб пробиться в Москве, приходится сутками торчать на работе, унижаться, подлизываться, ненавидеть себя...

В итоге на программу его взяли. Победить, правда, не удалось — конкуренты оказались зубастыми. Но разве плохо — за казенный счет на месячишко съездить в Бразилию, загореть, завести еще кучу полезных связей и «засветиться» в телевизоре?

А дальше и за кино удалось зацепиться. Пусть рольки пока небольшие, но в актерские базы данных попал, даже собственным агентом обзавелся. Тот выпивоха оказался и нытик, зато обожал сливать Роме бесконечные истории про собственную несчастную жизнь. Актер — по уже

налаженной колее — внимательно слушал, кивал, подбадривал. А взамен агент не только во все сериалы его пропихивал, но и в рекламу, на стенды многочисленных шоу, на съемки клипов.

С девушками и дамами — всеми: пожилыми или просто перезревшими, робкими, страшненькими, закомлексованными — Рома был чрезвычайно мягок. И мастерство собственное совершенствовал постоянно. Чтоб столичные избалованные дамочки в его обществе не заскучали, занимался самообразованием — умные книжки читал, английский всерьез учил, следил за киноновинками, модными тенденциями. Даже специальную секретную тетрадку завел: записывал туда самые изысканные комплименты, свежие анекдоты, афоризмы о женском уме и красоте. И сам стихи писал — не для печати, сохрани господь, исключительно для того, чтобы прекраснейший пол очаровывать.

Девчонки, конечно, млели. Но жениться Рома, даже на приличной девушке с собственным жильем, не собирался. Слишком дорогая плата за столичную постоянную регистрацию.

Черепанов предпочел иной путь — стать внимательным, заботливым, нежным любовником при богатой даме сильно в годах.

Звали ту Еленой Евгеньевной. Работала она продюсером на ТВ, нрав имела крутой, характер — невыносимый. Но к молодому своему спутнику оказалась щедра. После года верной службы оформила на него симпатичную «однушку» в Замоскворечье, наследство от бабушки.

Имелось, конечно, искушение — когда дарственная была подписана — послать старуху куда подальше, но Рома побоялся ссориться. Слишком уж влиятельной дамой была Елена Евгеньевна. Рассердишь ее — к телевидению на пушечный выстрел не подпустят.

Тяжело, кто спорит, постоянно носить маску доброго друга и бесконечно выслушивать чужое нытье, но дело того стоило. Тем более, в современном мире столько способов снять постоянный стресс! Съездить за границу, сыграть в казино, просто напиться, наконец.

Как-то позвонила ему некая тетенька по имени Татьяна Павловна и вкрадчивым, сладким, как мед, голосом предложила провести очередной корпоратив — за пять штук «зеленых», против обычной его ставки в тысячу! Рома едва удержался, чтобы не брякнуть: «Чего так много?» Но удержался, конечно, и деловито потребовал:

— Куда надо ехать? Что за событие? Какой контингент?

Татьяна Павловна отбарабанила, как по писаному: частная вечеринка в особняке, в ближнем Подмоскowie. Люди серьезные, никакой фамильярности, шутки подбирать максимально корректные.

— Собственно, ваше дело: расшевелить зал да представить певца. Ну и потом розыгрыш призов провести.

— А кто поет?

Тетенька назвала известного исполнителя блатных песен, и Рома сразу все понял. Бывшие зэки гуляют. Не самая приятная публика, и для репутации на подобных корпоративах работать не полезно. Его чистоплюй-агент подобные предложения отклонял сходу, но, раз уж дамочка вышла на него напрямую... и с финансами напряженка... зачем отказываться? В конце концов, зэки — те же люди, и о собственных жизнях трагических живописать обожают, только слушай.

Но меры предосторожности принять не помешает.

— Я хочу с собой своего агента взять, — заявил он.

Однако у Татьяны Павловны тут же мед из голоса исчез, и она резко бросила:

— Исключено.

— Почему?

— Мероприятие — строго конфиденциальное. Никаких сопровождающих. И вас самого туда доставят с завязанными глазами, это одно из условий. — И ехидно добавила: — За то и платим. Впятеро больше вашей обычной ставки.

Ох, не влипнуть бы! Пять тысяч, конечно, деньги, но безопасность дороже. Рома уже рот открыл, чтобы отказаться, но голос женщины снова зажурчал, словно ручеек:

— Зря вы волнуетесь. Я с этим контингентом уже семь лет работаю — никаких проблем. Следите, как они говорят, «за базаром», и все будет хорошо. Да, и кстати. Платим мы вперед, наличными.

На следующий день Рома отправился на мероприятие. Ему было немного не по себе в типично бандитском антураже — наглухо затонированный «джип», что встретил у подъезда, мрачные водитель с охранником, повязка на глазах, едва выехали за кольцо. «Авторский» метод — заставить людей говорить о себе — не сработал, сопровождающие всю дорогу молчали.

К счастью, путешествие быстро закончилось. «Джип» въехал за трехметровый забор, ворота тихо замкнулись, и повязка с глаз была снята. Хотя бы, успел заметить Роман, не полная глушь. Домик находится в обитаемом поселке — на улицах фонари, окна в соседнем коттедже светятся.

А когда его ввели в дом — и вовсе камень с души упал. Вилла оказалась подпольным казино! С дорогой мебелью и очень — просто чрезвычайно! — серьезными посетителями.

Не теряется наш народ. Официальные игорные дома запретили — открыли секретные. Те же столы, дилеры, фишки, даже шоу-программа. Только обязательного процента выигрышей нет, и никаких налогов хозяевам платить не надо.

Татьяна Павловна оказалась на месте. Тепло улыбнулась, проводила его в комнату, что отдала была под примерку.

Рома свою роль отбарабанил — любо-дорого посмотреть. Ему даже хлопали громче, чем хриплоголосому шансонье. Впрочем, если уж совсем объективно, посетители виллы мало обращали внимания на то, что происходит на сцене. За игорными столами на протяжении всего концерта не прекращалась большая игра — ставки от пятисот долларов, у Ромчика от подобного размаха даже дух захватило.

Когда свет на сцене погас, его подозвал к себе крупногабаритный дядька в идеально сидящем костюме. Покровительственно потрепал по плечу, похвалил:

— Нормально отработал, пацан. Премия тебе — и швырнул фишку в тысячу долларов.

Рома вежливо поблагодарил, с интересом рассмотрел подарок. Фишка выглядела солидно, по всем признакам, не из сувенирного магазина, а сделана на заказ. Серьезно тут все у них!

— Обналичить, к сожалению, не получится. Шеф рассердится. Проиграйте быстренько, и вас домой отвезут, — подойдя, шепнула ему на ухо Татьяна Павловна.

Но Роман и не собирался ради несчастной тысячи отказываться от шикарной возможности сыграть в подпольном казино. Он скучал по игре и даже специально выяснял, на каких условиях можно попасть в нелегальное заведение. Многие актеры и прочие люди из шоу-бизнеса в них бывали, неплохо было бы и самому в разговоре, небрежненько так, подобным опытом щегольнуть. Но, когда Черепанов узнал, что минимально надо фишек купить на десять тысяч баксов, тут же оставил эту идею. Проще в Белоруссию слетать, там поиграть за гроши можно.

А тут — само в руки идет!

Одна беда — с тысячей не разгуляешься. В покер — его любимую игру — ставка пятьсот долларов только за вход. Поменять карту — еще пятьсот, вот тысячи и нет. Если комбинация на руках будет, даже поставить не на что.

Рома с кислым лицом направился в сторону рулетки. Не любил он бессмысленное, вне всякой системы кручение шарика. Но здесь хотя бы ста долларами за розыгрыш можно было ограничиться.

Татьяна Павловна, продолжавшая верной наседкой топтаться рядом, прошелестела:

— Не советую. — И добавила еле слышно: — Выпадает всегда тот номер, на котором ставок нет.

— А чего делать? — уныло поинтересовался актер.

— Рискните в покер, — пожала плечами женщина. — Если будет игра, тысячу я вам одолжу.

— Хотите меня в трясику затянуть?

— Да избави боже! — всплеснула она руками. — Играйте, где хотите. Я как лучше хотела. Просто знаю, что против дилера — шансы есть, а на рулетке — никаких.

— Ну, ладно, — нерешительно пробормотал Рома. — Давайте попробуем.

— Если финансовый вопрос для вас стоит остро, я могу в долю войти, — улыбнулась Татьяна Павловна. — Вместе посмотрим карты и примем решение. Проиграем — значит, не повезло. Нам обоим. — И бодро добавила: — Меня тысяча не разорит.

И они поспешили к покерному столу.

Средних лет дилер приветливо улыбнулся Роману, игриво поприветствовал его спутницу:

— Гуляешь, Танюшка? Присаживайтесь.

— Я постою, — помотала она головой. — Тут вопрос одной минуты. У нас с молодым человеком — единственная ставка. На двоих.

— Тяжело нынче живется интеллигентным людям, — подколот дилер и подмигнул: — Попробую уж вас утешить. Чем смогу.

И утешил — прямо со сдачи у них получился стрит!

Рома хотел уже сразу ставить, но Татьяна Павловна остановила его:

— Давай прикупим. Вдруг придет? На шести картах выплата вдвое больше.

— А вы соображаете, — похвалил Роман.

Дилер бросил им карту. И снова удача! Было у них «семь», «восемь», «девять», «десять», «валет» — а пришла «дама»!

— Поздравляю, — кисло улыбнулся крупье и протянул выигрыш — восемь тысяч долларов.

Татьяна Павловна аккуратно отделила свою половину денег и решительно поднялась:

— Все, я — пас.

А Рома просто не смог себя заставить остановиться и поставил снова. Опять повезло — две пары.

Он отметил выигрыш еще одним коньяком. Вот что значит хороший напиток — никакого опьянения, только приятное, пузырящееся, искристое тепло.

А дальше...

Татьяна Павловна куда-то исчезла. Рома ставил, выигрывал, проигрывал, увеличивал ставку. К тому моменту, когда деньги кончились, он был уже абсолютно пьян. И обрадовался, словно ребенок, когда к нему подошел любезный дядечка и предложил сыграть

в долг. Деньги — немедленно, только, будьте добры, подпишите вот здесь.

«Свои верну — и сразу домой!» — вертелось в голове.

Но спяну Роман перепутал фишки. Поставил вместо пятисот пятитысячную, такого же цвета. Рискнул сыграть с парой «валетов» — продул. Взаясь отыгрываться, и почти получилось. В какой-то момент даже оказался в плюсе — но обидно ведь после столь феерической игры возвращаться домой с жалкой (по меркам заведения) суммой в пять тысяч долларов. Стал играть снова. А дальше — туман.

...Очнулся утром, в своей квартире. Спал одетый, голова нещадно трещала. А на тумбочке лежала ксерокопия расписки: он, Роман Игоревич Черепанов, должен некоему Вахтангу Гивиевичу Абашидзе двести тысяч долларов.

Полгода назад

Поручение Сашкиной мамы — обхаживать девицу с красными волосами Стиву нравилось чрезвычайно.

— Удивительная у тебя mother! — восхищался американец. — Не то, что моя. Максимум, что попросит, — газон покосить.

Сашка тоже считал, что куда лучше, чем мыть посуду или пылесосить, девчонку по маминой просьбе развлекать.

Одно было обидно: рыжая Хелен положила глаз на Стива. Действительно, зачем ей свой-родной, скромно одетый российский подросток? Куда круче закадрить американца. Как же! Доллары, Голливуд, домик с лужайкой!

Причем лукавила девочка, ох, лукавила! Как только поняла, что за сорта ребята к ней подошли, тут же начала цирк разыгрывать. Типа, она тоже высокодуховная. «Над пропастью во ржи», только подумать, со Стивом взялись обсуждать! Вопросы, хлопая глазками, задавала такие, что закачаешься! «Стив, помоги мне, пожалуйста, разобраться: чем американские республиканцы принципиально отличаются от демократов?» А друг его забугорный, наивный человек, уши развесил и сам соловьем разливается, Сашке и слова вставить не давал.

Едва расстались с девицей (проводили, как культурные, ее до подъезда), Сашка цинично хмыкнул:

— Просто смешно с горяченькими штучками о политике говорить.

— На первом свидании положено, — пожал плечами Стив.

— Да ну! С такими, как эта Хелен, третьего «дринка» не ждут.

— Я даже не думал о сексе. К тому же твоя мама просила помочь девушке к нормальной жизни вернуться.

— По-моему, поздно ей уже помогать. Даже в реанимации не спасут, — авторитетно заключил Сашка.

— Хелен... Альйона только хочет казаться такой. А на самом деле у нее очень ранимая, трепетная душа... Давай завтра опять с ней встретимся!

— Нет уж, — решительно отказался Сашка. — Красотка не в моем вкусе. Если хочешь, воркуй с ней сам.

А вечером отчитался матери:

— Прогуляли мы твою Алену.

— И как она вам? — почему-то дрогнувшим голосом спросила мама.

— Жуть. Шала... — Сашка опасливо покосился на нее и заменил ругательство эвфемизмом: — ...то есть полное отсутствие моральных устоев. — Затем презрительно добавил: — Но Стиву понравилась. Ты же знаешь этих американцев: хлебом не корми, дай кого-нибудь спасти. Завтра снова хочет с ней душещипательные беседы вести.

— Ты с ним пойдешь?

— Да что я, больной?

— Саша, — сдвинула брови маман. — Я не могу, конечно, тебя заставить, но Стива одного отпускать нельзя! Мы ведь с тобой обсуждали: он — наш гость, и мы несем за него полную ответственность! Как твой друг поедет один — в чужом городе, на метро? Ты же знаешь, к иностранцам в Москве вечно цепляются.

— Ну и езжай с ним сама, — буркнул Сашка.

— Тебе обидно, что Алена на Стива запала? — окинула его внимательным взглядом мама.

— Да плевать мне, на кого она запала! — фыркнул он. — Просто ничего не могу с собой

поделать. Твое воспитание сказывается: девочка должна быть хорошо воспитанной, не курить, юбочки носить хотя бы до колена.

— Она совсем недавно и была именно такой. Саша, пожалуйста. Я не прошу тебя понять Алену, подружиться с ней. Но раз Стив берется ей помочь, я ему очень благодарна. А ты, пожалуйста, не отпускай его одного.

— А что я с этого буду иметь? Кроме партии в блэк-джек?

— Я тебе всегда помогаю — без всяких условий, — довольно холодно бросила мама.

— А если завтра я со Стивом пойду, не буду мыть посуду. Минимум неделю.

— Хорошо, — вздохнула маман. — Раз ты такой корыстный, посуду я помою сама.

Что ж — сделка есть сделка. И назавтра они с американцем снова подкараулили Алену у подъезда.

Сашка ждал очередной мега-короткой юбки, однако сегодня девушка была в джинсах и без индейской раскраски (бледное лицо смотрелось странно в сочетании с оранжевыми волосами).

Увидев ребят, она искренне обрадовалась и смущенно пролепетала:

— Хай!

Улучив момент, Сашка толкнул американца в бок:

— Тебе в приюте для плохих девчонок надо работать! Психологом!

Его самого Аленка очень настораживала. Слишком уж быстро сбросила она свою прежнюю вульгарную маску. Ох, не встретить бы сейчас в темном вечернем парке каких-нибудь ее сомнительных дружков.

...И как в воду глядел.

Навстречу им из вечерних сумерек выдвинулась компания. Трое парней, по возрасту уже не школьников, не слишком трезвых, прошли было мимо (у Сашки сразу отлегло от сердца). Но вдруг один из них обернулся и удивленно воскликнул:

— Ленка! Ты, что ли?

— Привет, — холодно бросила Алена и ускорила шаг.

Саша со Стивом поспешили за ней.

— Оборзела цыпа! — изумленно констатировал один из парней.

— Стоять! — велел второй.

Третий же — самый старший — в два прыжка догнал и грубо схватил девушку за руку:

— А ну, скажи вежливо! «Добрый вечер, Анатолий Андреевич!»

— Слушай, Толик. Шел бы ты! — сузила глаза Аленка.

Сашка быстро оценил диспозицию. Вечер, совершенно пустой парк, даже собачников не видать. И трое типичных завсегдадаев «качалок».

Потягивает от парней вроде бы только пивом, но глаза нехорошие, пустые, зрачки расширены. Если дело дойдет до драки, им со Стивом придется тяжко.

— Мужики, нет проблем. Алена с вами поздоровается. Аленка, ну? — поспешно произнес он.

— Да, what's the problem? — подхватил Стив.

Лучше бы американец смолчал.

— Ни хрена себе! — выдохнул самый чахленький из парней. — Ленка себе америкоса сняла!

Толик же выдержал паузу и коротко велел Александру со Стивом:

— Все, малыши, гуляйте. Девочка с нами пойдет.

Но Аленка — артистка! — кинула на Стива столь отчаянный взгляд, что даже скептически настроенный Сашка преисполнился сочувствия.

— Мужики, — примирительно обратился он к парням, — чего вы завелись? Мы ни на что не претендуем. Пусть Алена сама решает, с кем ей идти.

Толик презрительно посмотрел на него и решительно дернул девушку за руку. Та истерически завизжала.

Сашка думал, что политкорректный Стив приложит все усилия, чтобы избежать драки, однако американец не колебался ни секунды: врезал Толику в челюсть. Увы, до Рэмбо ему оказалось далеко — главарь не упал, только отступил, сплевывая кровь...

Сашка (а что оставалось делать) от друга не отстал: шарахнул второму парню в солнечное сплетение. Аленка тоже попыталась кинуться на третьего, но не успела. Тот, самый щупленький, ловко отскочил назад. А уже через долю секунды что-то выхватил из кармана, бросился к американцу — и Стиву в нос ударило плотное злобное облако. Газовый баллончик!

Американец согнулся пополам. Сашка увернулся от оклемавшегося Толяна, закрывая ле-

вой рукой рот и нос, бросился на щупленького и выбил из его рук черно-красный цилиндр.

— Стив! — кинулась к американцу девушка и, обернувшись к Сашке, отчаянно выкрикнула: — Он задыхается!

Сашка бросил быстрый взгляд на него. Американец реально не мог вздохнуть, глаза налились кровью, выкатились из орбит, ноги подогнулись, и он упал.

А на Сашку уже надвигался полностью отдышавшийся Толик.

— Прекратите! — надрывалась Алена.

— Он американец, дебилы! — пытался увещевать парней Сашка. — Нужно врача!

— Сейчас будет вам врач, — мрачно изрек главарь и обрушил на его голову страшный удар.

Перед глазами все завертелось, и Сашка провалился в черную пропасть.

Наши дни

Первое время после отпуска в Италии и увольнения из «Молодежных вестей» Полуянов был чрезвычайно мил. Прежде-то вел себя, как Людовик XIV. Государство — это он, а Наде милостиво оставлял все заботы о собственном благополучии и процветании. Но тут вдруг стал — не то, что, конечно, в квартире убирать, но жизнью Митрофановой, преданного своего вассала, интересоваться. По вечерам, когда она приходила с работы, выключал телевизор: «Давай, Надюшка, просто поболтаем». Раздобыл контрамарки и сводил подругу в Ленком, однажды даже подарил цветы.

Неужели чувствует себя виноватым, что остался без работы, семью содержать не может? Но, во-первых, Дима и сейчас на ее шее не сидел, предложение, что все продукты она будет пока на свои деньги покупать, благородно отверг: «Пусть минимальные, но сбережения у меня имеются!» А во-вторых, Митрофанова не сомневалась: Полуянов не сможет долго тунеядствовать, соскучится и снова ринется в работу. Хоть в какую.

Как-то Дима полез, в ее отсутствие, в ящик с документами и, обнаружив в нем серебряную старинную книжицу — подарок артиста Черепанова, учинил Митрофановой натуральный допрос: откуда вещь?

Надя запирается не стала, с вызовом вскинула подбородок:

— Это мне Рома подарил.

— Ты с ним встречаешься, что ли?

— Нет, — пожалала она плечами. — Это еще в Италии было. — И ехидно добавила: — А вкус у него хороший. Красивый подарок сделал. Не то, что ты, на день рождения мне пароварку вручил!

— А что пароварка? Полезная в хозяйстве вещь, — искренне удивился Полуянов.

Но все ж выводы сделал. На следующий день протянул ей бархатную коробочку:

— Так уж и быть. Вот тебе в дополнение к пароварке.

Надя достала симпатичные сережки, просияла и кинулась ему на шею...

Как Надя и предполагала, Димина невостреманность длилась недолго. Он написал несколько статей в глянцевоы журналы и пристроил в один из них свой «гвоздь» про аварию в городе К. Материал имел успех, и Полуянову предложили войти в штат. Осторожный журналист не стал сразу относить новым работодателем трудовую — пошел пока на контракт. «Чтоб, если не понравится, сразу сбежать».

И, как раньше, начал сутками пропадать на работе.

Галантность Димина тоже быстро пошла на убыль. Цветов больше не покупал, по вечерам плюхался к телевизору. И в консерваторию, когда Надя позвала, идти отказался: «Не люблю. Кого-нибудь из своих дам библиотечных возьми».

Все-таки нет у них с Полуяновым перспектив. Разве скромная библиотекарьша пара блестящему журналисту? Надо ей кого-нибудь по себе искать. Домашнего, уютного. С кем можно ходить в консерваторию, вместе лепить пельмени по выходным, говорить о книгах...

Настроение было совсем паршивое, под стать погоде — наступил октябрь, зарядили дожди. К тому же, помощница заболела, а народу в зале полно — у ученых всегда глубокой осенью самая научная активность. Новые книги

из хранилища прими, старые — сбрось, директор еще требует, чтобы в зале экспозиция была новая. А как ее готовить?

Тут, как назло, еще с вахты позвонили:

— К вам посетитель без читательского билета, спуститесь.

Пришлось бежать. Увидев, кто это, Надя остановилась на лестничной ступеньке, как вкопанная. Возле вахтерши, с огромным букетом белых роз, ее ждал Роман Черепанов.

— Прости, Надя, что от работы отрываю. Но ты сама виновата — телефон-то свой мне не дала! — бросился он навстречу.

Вахтерша не сводила с Нади любопытного взгляда, а стайка студентов, выпорхнувшая из гардероба, и вовсе в соляные столпы обратились. Митрофанова расслышала: «Черепанов! Точно говорю, тот самый!»

Рекламно улыбнувшись восхищенным студенткам, Роман обратился к вахтерше:

— Вы не позволите мне пройти?

— На полчаса, я потом его провожу, — подхватила Надя.

— Вечно у тебя, Надежда, какие-то форс-мажоры, — поджала губы женщина.

На ее кислом лице читалось откровенное недоумение: откуда у простушки Митрофановой поклонники — один другого краше?

Когда поднимались вверх, Надя не выдержала и спросила:

— Зачем ты пришел?

— Надюшка, прости, пожалуйста, — смиренно прижал руки к груди Роман. — Хочешь, я вечером приду? Ты во сколько работу заканчиваешь?

Еще круче. Сегодня за ней Полуянов обещался заехать. Давно решили: съездить вместе в гипермаркет, набрать продуктов.

— Да ладно, давай сейчас поговорим, — пробормотала Надя и повела Романа в буфет.

Сев за маленький столик и взяв по чашечке кофе, он продолжил разговор:

— Нет у меня к тебе, Надюшка, никакого дела. Просто скучно стало, тоскливо, дождь этот, лица у всех кислющие. Вот и решил найти тебя. Одно из самых моих приятных воспоминаний. Улыбку твою увидеть, вспомнить, как мы теплым вечером сидели на террасе, пили капучино, смотрели на озеро Комо...

А у меня все хорошо, бизнес стал развиваться. У меня же турагентство есть, уже давно. Маленькое. Называется «Фуэте». Все пророчили: прогорит. А я — назло! — не только на плаву держусь, но даже расширяться задумал. Буквально на днях в новый офис переезжаю, из Текстильщиков в высотку на Котельнической.

— Да ты что! — обрадовалась Надя. — А каким направлением занимаешься?

— Ну, что ты. По направлениям работать — вчерашний день, — снисходительно улыбнулся Роман. — Я развиваю тему принципиально новую. Называется — театральный туризм. Слежу за всеми мировыми премьерами, контрактами, что примы заключили, их расписанием. Выкупаю заранее билеты — и отправляю народ в «Метрополитен», «Ковент-Гарден», австрийскую оперу, «Ла Скала».

— Неужели люди ездят? — изумилась Надя.

— Еще как, — заверил Роман. — Богатых да продвинутых в стране много.

— Рома, ты — удивительный человек, — искренне произнесла Надя. — Хотела бы я тоже придумать что-нибудь такое...

— Может быть, библиотечный туризм? — сходу симпровизировал Роман.

— Это как?

— Ну, для таких, как мы с тобой. Кто любит книги нюхать. Тур по Европе — с обязательным посещением всех известных библиотек.

— У нас читатели в основном госслужащие, — вздохнула Надя. — В Турцию выбирают раз в три года, какие уж тут европейские туры.

— Ладно. Я тебе обязательно придумаю что-нибудь еще. А если захочешь сама в театральные туры съездить, заходи на мой сайт, там все анонсы премьер. От стоимости сразу отнимаю тридцать процентов. Тебя я, уж точно, отправлю по себестоимости.

— Спасибо, — вновь зарделась Надя.

Поболтали еще: про дрянную погоду, собак, киношные нравы, провокационную постановку «Руслана и Людмилы» в столичном Большом театре. Когда пирожки были съедены и кофе выпит, Рома, словно бы между делом, поинтересовался:

— Ты все еще с журналистом своим?

— Да, — потупилась Надя.

— Передай ему привет. — Роман стал вдруг серьезным и задумчиво произнес: — Надя, ты даже не представляешь, какая ты замечательная. Прямо жаль, что ты не бухгалтер, я бы тебя в свою фирму работать позвал. Слушай... а хочешь, как-нибудь сопровождающей поехать? С группой, допустим, в ту же Италию? Сама поездка, спектакль в «Ла Скала» — бесплатно, ну и еще пятьсот евро — гонорар.

— Да ну, Рома, — смутилась Надя. — Какой из меня сопровождающий? Я и языка итальянского не знаю, только английский немного.

— А язык тут не важен. Главное — здравый смысл, а его у тебя в избытке, — возразил Роман. — Подумай, короче, ладно? А я тебе позвоню. Я был бы счастлив вместе с тобой работать! — Он поднялся: — Ладно, не буду тебя больше отвлекать. Только телефон мне оставь, лады?

Конечно, Надя дала ему номер.

А вечером, дома — когда Полуянов, как всегда, сбежал к телевизору — сходила на сайт Роминой фирмы. Действительно, маняще: красивые города, хорошие отели, блистательные спектакли... «Вот бывает же, как у Чехова! Когда все в человеке прекрасно. И лицо, и одежда, и бизнес легко дается! Захотел в кино сниматься — попал, начал свое дело — преуспевает...» — с завистью подумала она.

Может, действительно принять Ромино предложение? Пойти к нему на работу?

Кое в чем Рома Черепанов не врал. Он на самом деле не из тех, кто опускает руки. Хотя сначала ему казалось, что в положение он попал совершенно отчаянное.

Едва успел тем проклятым утром бутылку пива откупорить, как ему позвонили. Мужской голос с легким восточным акцентом вежливо заинтересовался, «когда дорогому человеку угодно будет рассчитаться».

— У меня нет таких денег, — хрипло выдохнул Роман.

— Как нет, не бывает так, чтобы нет, — жизнерадостно отозвался собеседник. — Друзья есть, квартира есть, значит, и доллары есть!

— У тебя самого много друзей, кто такую сумму в долг даст? — огрызнулся Черепанов.

— Зачем тогда играл? — посетовал мужчина и пригрозил: — Ровно неделю, нет, даже две, из уважения к талантам твоим, не трогаем тебя. Потом беспокоиться будем, меры принимать. В городишко, откуда ты родом, гонца отправим, с твоими родителями говорить, сестру твою молодую обижать.

Обложили, короче. По полной программе. Рома вспомнил сладкоголосую Татьяну Павловну, ее материнские интонации, и аж горло перехватило от гнева. Элегантно, гады, работают!

И какой можно предпринять контрудар? Сдать подпольное казино властям? Так не зря же его туда с завязанными глазами везли, он даже не представлял, на каком шоссе заведение располагалось.

Написать в полицию заявление, что этот Вахтанг у него деньги вымогает? Но подпись то на расписке — его, не поддельная. Даже если получится доказать, что его вынудили, все равно от долга не удастся избавиться. Мужик вежливый не зря про его родной городок упомянул. Намек прозрачен: как ни крутись, делом станем все равно.

Пожалуй, все же придется платить. Но как? Набрать кредитов и потом бегать не от восточных людей, а от коллекторов? Да еще, в довершение к отсутствию шенгена, и попасть в стоплист на российской границе? Нет, не выход. Продать квартиру, подарок продюсерши? Со всем катастрофа. Мало того, что снова придется мыкаться по съемным, Елена Евгеньевна в порошок сотрет. Можно сразу забыть не только про новое ток-шоу, но и про телевидение вообще. Может, взять, как посоветовал проклятый джигит, в долг? У той же любовницы? Но дамы терпеть не могут несчастеньких. То есть какая-нибудь училка из Нижневартовска или воспитательница детского сада из Пензы еще может поверить в сказочку. Про внезапно заболевшую, допустим, сестру, которой срочно требуется операция за границей. Однако женщины, у кого реальные деньги есть, далеко не столь наивны. Даже если согласятся помочь, как минимум, потребуют предъявить сестру, все подтверждающие документы и счета из западных клиник.

Привлечь к игре какую-нибудь из многочисленных наивненьких поклонниц? Подделать медицинскую карту? Нет, слишком сложно.

Но все равно путь, кажется, выбран верный. Нужна красивая, эффектная история. Но женщин надо не о помощи просить, наоборот, предлагать им партнерство, участие, сулить грядущие блага и огромные прибыли. От желающих начать совместный бизнес с красавцем-актером тогда не будет отбоя.

Черепанов не стал откладывать неприятный разговор на потом — немедленно перезвонил своему кредитору. Пришлось поторговаться и поспорить, но, в итоге, договорились: Роман немедленно платит аванс. Двадцать тысяч долларов (все сбережения, что у него имелись). Но остальную сумму возвращает не в ближайшие дни, а в течение двух месяцев.

Актер понимал: придумать и надуть мыльный пузырь раньше у него никак не получится.

Надина мама работала медсестрой, отец их бросил и алиментов не платил, потому жили они всегда скромно. Но она всегда повторяла: «Когда денег мало, самое важное — правильно расставить приоритеты». Самым же главным маминым постулатом являлось: постоянно, каждый месяц, как бы тяжело ни было, нужно откладывать на черный день. Минимум — десять процентов от всех доходов, а лучше больше. И не тупо относить деньги в сберкассу, а грамотно ими управлять.

Надя, тогда девчонка, очень слабо понимала, что значит — управлять деньгами. Однако ее мама — скромная медсестра! — блестяще обошла все препоны и рогатки, что ставило перед ней рушащееся в восьмидесятых-девяностых годах государство. В то время как у всех их знакомых накопления на сберкнижках обращались в пыль, мама, наплевав на восемьдесят восьмую статью (незаконные валютные махинации), бесстрашно скупала доллары.

В итоге Наде досталось пусть небольшое, но наследство. А главное, она накрепко усвоила мамин завет: капитал нужно постоянно приумножать.

— И еще, доченька, ни в коем случае ни с кем своими сбережениями не делись. Ни с подругами, ни, главное, с мужем. Муж — что, сегодня он есть, завтра выйдет весь. А у тебя хотя бы деньги останутся.

Надя считала, что немного непорядочно скрывать от любимого человека свои доходы. Впрочем, Полуянов никогда и не претендовал на ее зарплату, даже не знал, сколько она получает. В их микроячейке как-то само все устроилось. Димка платил за квартиру, финансировал бытовую технику, с каждой зарплаты выдавал ей на продукты. Да еще, когда бывал в настроении, подкидывал подруге — то на тувфельки, то на коф-

точку. Поэтому относить десять процентов зарплаты в банк — стабильно, из месяца в месяц — Митрофановой труда не составляло. И сейчас на ее счету — за многие-то годы! — скопилось пятьдесят тысяч долларов.

Не бог весть что, но не начать ли, с их помощью, собственный бизнес?!

Рома Черепанов действительно интересное дело предлагает!

...Когда встретились с красавцем-актером снова — уже не в библиотеке, а в элегантном кафе, он принес ей учредительные документы и все объяснил. Пока что его турагентство являлось индивидуальным предприятием и уставного капитала не имело. Но сейчас, когда дело пошло, и весьма успешно, артист задумал преобразоваться в акционерное общество.

— Представляешь, Надюшка, ты могла бы не просто заниматься интересной работой, получать достойную зарплату, но еще прибыль иметь ежегодно. За прошлый месяц, например, чистый доход у меня — тридцать процентов. Иногда бывает похуже, врать не буду. Но минимум сорок процентов годовых акционеры получать будут, это я гарантирую. Это не считая зарплаты, конечно. Наше дело — полностью реальное. Вот, смотри! — Рома извлек из кожаного портфеля портативный компьютер. — Самое простое. Берем любой сайт, где продаются билеты в Большой театр. Выбираем топовое представление. «Корсар», например. В роли Конрада — Цискаридзе, он уже объявил, что завершает карьеру, поэтому народ идет валом. Ну и пара у него достойная — Светлана Захарова. Первый ряд бэльеэтажа, середина. Видишь, сколько стоит?

— Восемнадцать тысяч рублей? — не поверила своим глазам Надя. — И люди идут?!

— Еще как! Видишь, плашечка у них: спешите, остались последние два! А я соседние места покупал по госцене. По три тысячи. — Ро-

ман извлек из портмоне солидные, с логотипом Большого, билеты. — Всего-то нужно было спохватиться за три месяца и ровно в полночь на сайт театра выйти. Сразу после того, как продажа открылась. Они ведь обязаны какой-то процент в открытый доступ пускать. И наша задача — дешевые билеты поймать. А с мировыми театрами, уверяю тебя, разница в ценах еще круче. Хочешь посмотреть, на примере, допустим, Ковент-Гардена?

— Да нет, я уже поняла, — покачала головой Надя и восхищенно взглянула на Романа. До чего приятно, когда бизнес люди делают не на нефти, не на кроссовках китайских, а на том, что ей близко, на искусстве!

Полуянов, правда, спекулянтов театральными билетами называл пренебрежительно — «жучки», но только Рома ни капельки не походил на угрюмых, с бегающими глазками, дядек, что осаждают народ на подходе к Большому. Да, конечно, артист тоже наживается на тяге людей к прекрасному. Но если не он — так другие к выгодной кормушке пристроятся!

Рома, впрочем, на нее не давил:

— Надя, ты же понимаешь, тебе вовсе не обязательно вкладывать деньги в мою фирму. Я тебя с удовольствием просто на зарплату возьму. Через неделю в «Ла Скала» пойдет «Травиата», хочешь группу свозить? Да, и на счет «Корсара» в Большом. Ты думаешь, наверное, вот подлый человек, подразнил и билеты обратно спрятал. Ничего подобного. Продавать я их не планирую. Хочу тебя позвать. Пойдешь?

Вообще фантастика! Надя Большой обожала, но бывала крайне редко, и то на какой-нибудь не слишком популярной «Дочери Фараона», во втором ряду четвертого яруса. А тут — «Корсар»! Из ложи бельэтажа! А главное, что рядом с ней будет сидеть нереально красивый, остроумный и внимательный Роман!

— Дима, я завтра в театр иду, — предупредила Надя.

— Ага. — Потягивая пиво, Полуянов азартно лупил по клавиатуре.

— Спектакль длинный, буду поздно.

— Ладно. Попался, гад! (Это уже какому-то чудищу из компьютерной игры).

Даже не спросил, что за театр, с кем.

Надя, конечно, сбежала с работы после обеда. Сходила в парикмахерскую, сделала маникюр. Уже около шести снова заскочила в библиотеку: переодеться в нарядное платье и надеть новые туфли на высоких каблуках.

— Вау! — оценила помощница, когда Митрофанова, в полной боевой готовности и раскраске, вышла из подсобки.

А Ирина Андреевна даже не удержалась — прибежала из читального зала, восхищенно оглядела Надежду и потребовала:

— Ты куда это собралась? Такая нереально красивая?

— В Большой. На «Корсара». — Ответ получился чуть небрежным, томным.

— Какой молодец у тебя Дима!

— А она не с Димой идет! — тут же наябедничала помощница. — Она ему только что звонила и говорила, чтобы себе на ужин овощное рагу согрел.

— Займись, пожалуйста, книгами, — ледяным тоном велела болтливой девице Надежда.

Но поздно. Ирина Андреевна, будучи одинокой, обожала участвовать в чужой личной жизни и пристала буквально с ножом к горлу:

— Надя, ну, с кем ты идешь? Пожалуйста, скажи! Я тебя Димочке не выдам, клянусь!

Что, в конце концов, такого?

— С актером Ромой Черепановым, — улыбнулась Митрофанова. — Мы с ним в Италии познакомились.

— Да ты что! — В глазах женщины светился искренний интерес. — У вас с ним...

— Нет, нет, не амур, — поспешно отозвалась Надя. И не удержалась, добавила: — Мы с ним, возможно, работать будем вместе. В туристическом бизнесе. Все, Ирина Андреевна. Побегу, опаздываю уже!

И умчалась.

...А ночью, после блистательного спектакля, она долго не могла заснуть. Перед глазами проносились и пиратский корабль Конрада, золочено-красный, и бешено аплодирующий зал, и дамы в открытых платьях, а чаще всего — одухотворенное Ромино лицо. Он поил ее шампанским, кормил икрой, довез домой на такси. Как же было с ним хорошо!

А Полуянов даже не спросил, куда ходила и с кем. Сонно пробормотал:

— Нормальный спектакль? — И повернулся на другой бок.

Зато на следующий вечер вернулся с работы мрачнее тучи.

Ужинать отказался. Внимательно взглянул на Надю и хмуро процедил:

— Так с кем ты вчера в театр ходила?

Версия про коллегу с работы заготовлена была загодя, но слишком уж у Полуянова обвиняющий вид. Похоже, узнал. Интересно, от кого?

И Надя сочла за благо не путаться во лжи, а то еще хуже получится. Пожала плечами:

— С Ромой Черепановым, — пожала она плечами, — с нашим знакомым по Италии.

— А с какой это стати он приглашает тебя в театр? — оцетинился Димка.

— Ты что мне, ревнивый муж? — сердито бросила она в ответ.

— Муж, не муж, а я с посторонними девочками по театрам не хожу!

— Ты вообще по театрам не ходишь. Что ж мне теперь — тоже, как ты, перед телевизором киснуть? Извини, не хочу.

— У тебя что, подружек нет?

— Есть. Но что плохого пойти с Романом? Я же не домой к нему поехала! И вообще, как ты узнал? Следишь за мной, что ли?

— Больно надо, — задрал подбородок Полуянов. — Тебя Инесса, театральная критик из «Молодежных вестей», видела. Вчера же премьера была, она по долгу службы в Большой ходила. Вот и позвонила мне. Просила узнать, во сколько тебе местечки в первом ряду бельэтажа обошлись.

— Дорого. Не то, что ты меня в Ленком по контрамарке водил.

— Ох, легко вам, девчонкам, голову задурить! — покачал головой Полуянов. — Ладно, все. Проехали. Что там у тебя на ужин?

— Отбивные. В холодильнике бери и сам разогревай, — буркнула Митрофанова.

— Да чего ты злишься? Я тебя, что ли, благодарить должен, что ты с посторонними мужиками по театрам расхаживаешь?

М-да. Зацепило Полуянова. Что же будет, когда узнает, что Надя хочет из библиотеки уйти и начать вместе с Ромой работать?

Рома никогда не был настолько занят. Становление бизнеса, что хотите! Он иногда даже сам верил, что действительно появилась однажды на свет крошечная фирма «Фуэте», и чуть под стол не упал, когда позвонила ему одна из мимолетно знакомых актрисул и капризным голоском потребовала: «устроить для нее с папочкой поездку в Венскую оперу».

Вот это работает «сарафанное радио»! Может, ему собрать денег, расписаться с долгом, а потом на самом деле зарегистрировать на свое имя компанию «Фуэте»?!

Ромчиков агент, когда узнал про новое занятие актера, тоже удивился:

— Ты чего, Черепанов? Бюргером решил заделаться? Что-то не верится. Впрочем, бог с тобой, забавляйся в свободное время. А сейчас — пакуй чемоданчик. Завтра в Смоленск едешь.

— Зачем еще? — удивился Роман.

— Гордись. Я тебе в полнометражном кино эпизод раздобыл. У Стефановича. Четыре съемочных дня.

— А платят сколько?

— Ты что, дурной? — взвился агент. — Какая разница, сколько! Тебя впервые зовут — понимаешь, впервые — не в «мыло хозяйственное», а в настоящее кино! На большом экране! — Швырнул на стол сценарий и велел: — Чтобы к вечеру роль от зубов отскакивала. Приеду, проверю.

Роман вздохнул. Сегодня и завтра он должен был вести в Большой театр по очередной жертве. А послезавтра Надюшка Митрофанова просила вместе с нею с утра в банк поехать. Видите ли, боится одна пятьдесят тысяч долларов снимать.

Рома неохотно открыл сценарий. Маркером выделены его реплики, от силы, на три странички. И даже имени у героя нет, написано: «секретарь мафиозного босса».

— Не буду я в таком сниматься, — брезгливо захлопнул он папку.

— Ты что? — агент взглянул на него даже жалостливо. — Совсем зазвездил? Актеры сериальные за нормальное кино друг другу глотки грызут, а ты отказываешься?!

— У меня планы на эти дни. Хотя бы за неделю предупредил. А тут вдруг — сорвись и езжай!

— За неделю, за месяц — подобные роли звездам предлагают, не тебе чета, — назидательно произнес агент. — Радоваться надо, что актер заболел, и тебе шанс выпал. Используй его, а не рот криви. Деньги в жизни — не главное.

«Если б ты знал, идиот!» — яростно подумал Черепанов.

Вежливый джигит ему раз в три дня звонил, участливо интересовался, как дела. А вчера в почтовый ящик бросили фотографию. На ней — мать с сестрой, в своих платячках скромненьких, болтают на лавочке перед домом. Seriously настроены его кредиторы.

Да, что-то затянулась в его жизни черная полоса.

И дамочки, потенциальные инвесторы, расставались с деньгами не столь охотно, как Роману представлялось. Пока удалось развести на пять тысяч «зеленых» знакомую студенточку (она на машину себе копила, но с радостью согласилась: вместо «Жигуленка» сейчас — через год приобрести себе, минимум, «Опель»).

Но на подходе были «клиенты» посерьезнее. Богатая вдовушка, одна из его поклонниц, обещала вложить сорок тысяч. Восторженная библиотекаря Надюшка — полтинник. Дочурка богатых родителей собиралась сегодня нести к оценщику бриллиантовое кольцо, папин подарок на совершеннолетие. И всех надо было: обхаживать, улаживать, баловать цветами, топить в комплиментах. Какие уж тут съемки — тем более, в серьезных фильмах.

Любовь — страшная вещь. Особенно когда у тебя всю жизнь ее не было, и ты с малолетства привыкла бороться, отвоевывать, выгрызать.

Муж у ТВ-продюсера Елены Евгеньевны Постниковой погиб молодым, дочка получилась неудачной. Порхала девочка, порхала и допорхалась — отбывала теперь срок за наркотики. Вытаскивать непутевую мать не стала: не уважала тех, кто собственными руками жизнь свою губит.

Забылась — как положено людям сильным — в работе. Начинала на телевидении последней спицей в колесе, младшим редактором. А теперь — уважаемый человек, продюсер. По меткому заявлению шефа, «автор всего жесткого на нашем ТВ».

«Женщина без сердца», — называли ее. Прозвище приклеилось после документального фильма о женских исправительных учреждениях. Нравы, царящие там, Елена Андреевна осветила выпукло, ярко. И себя щадить не стала. Когда фильм прошел в прайм-тайм на центральном канале, вся страна узнала, что одна из заключенных, запуганная молодая девушка в сатиновой косынке, — ее собственная дочь.

Постоянный стресс продюсер снимала, посещая спортзал, да изредка — ночные клубы с мужским стриптизом. Рому Черепанова тоже долго к себе не приближала. Не сомневалась: смазливый актерчик — такой же, как все. Недалекий и жадный альфонс.

Познакомились они в спортивном клубе. Мальчик помог ей установить на тренажере правильный вес, Елена Андреевна сухо поблагодарила и

отвернулась. В следующий раз пересеклись на клубной стоянке. Шел снег с дождем, она задним ходом выезжала с парковки — и не успела увернуться от его потертого «ниссана».

Вышла из машины, презрительно взглянула на крошечную вмятинку, поинтересовалась:

— Ждем ГАИ? Или десять тысяч возьмешь?

— Ни то, ни другое, — широко улыбнулся мальчик и попросил: — Сдайте чуть вперед, я все-таки припаркуюсь

— Хозяин — барин, — пожала она плечами и уехала.

Но когда через пару дней Роман снова кинулся помочь ей настроить тренажер в спортивном зале, скупно улыбнулась и запоздало поблагодарила. А мальчик просиял, расхрабрился:

— Может быть, позволите вас кофе угостить? — И лукаво добавил: — А то ведь я могу заявление написать, что вы с места ДТП скрылись.

— Остряк, — буркнула она.

Но выпить кофе — согласилась. И пойти с ним на другой день в кафе — тоже.

Парень оказался на удивление стойким. В ресторанах всегда оплачивал счета сам, а когда она вручила ему на 23 февраля кожаное портмоне под «Фенди», страшно смутился, и на 8 марта отдалил самым настоящим шарфиком от «Гермес».

Вот так она с каждым разом все больше и больше прикипала сердцем к обаятельному, ласковому, услужливому мальчику.

Когда оформила на него оставшуюся от бабки квартиру в Замоскворечье, очень боялась: тут-то и проявит Рома Черепанов свое истинное лицо. Однако ничего не изменилось. Актер по-прежнему служил ей верно и преданно. Ни разу не отказался от свидания, ничем не обидел, не огорчил. Продолжал, с каждого небольшого своего заработка, дарить ей подарки. И она уже начала всерьез подумывать, а не отблагодарить ли его за верную службу дей-

ствительно по-царски? Не сделать ли ведущим в своем новом ток-шоу? Пусть не звезда паренек, никаких особых актерских талантов или харизмы, зато личико обаятельное, речь грамотная, импровизировать, искрить перед камерой, конечно, не сможет, так это и не обязательно. Будет говорить, что ему хорошие редактора напишут.

...Елена Андреевна мельком взглянула на часы: уже одиннадцать, опять засиделась. Нужно сворачивать лавочку, закрывать кабинет да спешить домой.

Когда в дверь осторожно постучали, она недовольно скривилась, но цыкать на вошедшую с робким видом женщину не стала, лишь сухо обратилась к посетительнице:

— С чем пришли? Только конспективно.

— У меня для вас чрезвычайно интересная информация, — сказала та. — Все подтверждающие документы есть.

Елена Андреевна внимательно оглядела гостью. Глаз у нее наметан: сразу определила, что женщина образованна, психическими отклонениями не страдает. Что ж, вдруг действительно «бомба»?

— Я вас внимательно слушаю.

Надя так и не осмелилась обсудить свои планы с Димой. «Оформим все документы, войду в курс дела — тогда Полуянову и расскажу», — решила она. На опостылевшую работу в библиотеку Надя теперь ходила без удовольствия. Перебирать книги казалось смертельно скучным, постные, вечно недовольные лица читателей раздражали смертельно. Вот что за люди! Времени только девять утра, а они уже дисциплинированной очередью перед дверями зала столпились. Почему обязательно им надо читать воспоминания ветхозаветного генерала Ермолова точно с началом рабочего дня?!

Еще и претензии все высказывают. Из окна в зале дует, под одним из столов — кто-то приклеил жвачку, книги из хранилища — доставили не все. А виноват всегда начальник зала.

Даже всегда улыбчивая Ирина Андреевна сегодня явилась — бледная, хмурая. Сдержанно, против обычного, поздоровалась, привычный уже small-talk вести не стала. Вроде бы обустроилась за своим столом капитально, надолго — но уже через полчаса вскочила, вернула книги.

— Сбрасываем? — удивилась Митрофанова.

— Да, — кивнула читательница и поспешила уйти.

Надя раздраженно отодвинула стопку. Какой смысл тщательно выписывать читательские требования, чтобы уже через полчаса возвращать гору талмудов в хранилище?

Чтобы не начать совсем уж на людей браться — она решила сварить себе кофейку. Отошла в подсобку, включила чайник. Под корбочкой с печеньем обнаружила яркую газету. «ХХХ-пресс», любимое издание помощницы. Сколько раз ей говорила, чтоб не таскала в зал Всемирной истории подобную дрянь?!

Но вдруг увидела на первой полосе фотографию Ромы Черепанова. Анонс статьи оказался интригующим: «Красавец-актер и его овечки».

Надя развернула газету и стала читать:

ОЧЕРЕДНОЕ «ФУЭТЕ» АКТЕРА

Начинающий актер Рома Черепанов продолжает радовать нас экстравагантными выходками. На этот раз он оказался участником очередной авантюры. Как сообщили нам информированные источники, актер носится по всей Москве и уговаривает обеспеченных дам вложить средства в его фирму. Работает с размахом: предъявляет жертвам учредительные документы, красочно расписывает перспективы. Выбирает для переговоров соответствующий антураж — встречается с горе-инвесторшами исключительно в дорогих ресторанах или в ложах Большого театра.

Однако нам достоверно известно, что пресловутой фирмы «Фуэте», которую Роман Черепанов, якобы, задумал преобразовать в акционерное общество... просто не существует!

Актер никогда не регистрировал на свое имя никаких компаний и даже индивидуальных предприятий, и все его рассказы, что он уже несколько лет вывозит группы туристов на театральные премьеры по всему миру, — совершеннейший блеф. А затеял он свою авантюру потому, что недавно крупно проигрался в подпольном казино и теперь никак не может расчитаться с долгами.

Поэтому, дорогие дамы, будьте бдительны. Не дайте своим деньгам уплыть к мошеннику, который мягко стелет, да жестко кидает. Пусть Рома Черепанов самостоятельно исполняет — свое фуэте.

Господа, ну, не бывает же, чтобы настолько не везло! Рома Черепанов чувствовал, будто его под дых ударили. Железным кулаком, со всего размаха. Черт бы взял проклятую газетенку! Неужели от этих подлых журналистов совсем нет спасения? Ни шагу без их ведома не сделаешь. А что будет, когда он станет (в этом Рома по-прежнему не сомневался) настоящей большой звездой?

Черепанов одним махом хватанул рюмку коньяка. Кинулся на звонок телефона — чертыхнулся, выключил у аппарата звук. Определитель номера оповещал: кредитор, воспитанный убийца-джигит. Тоже, видно, статейку прочитал, забеспокоился. А едва мобильник умолк — новый звонок. Вдовушка, что ему сорок тысяч посулила. Будет сейчас объяснений требовать — а что ей сказать? Прежде чем начинать оправдываться, надо хотя бы линию собственной защиты продумать.

Убеждать своих потенциальных инвесторов, что его оговорили, обещать, что засудит нечистоплотных журналюг? Но — увы! — тетушки его, пусть клуши, но теперь уж не принесут ему доверчиво крупные суммы в клювике. Как минимум, прежде потребуют предъявить оригиналы учредительных документов. Или, наконец, додумаются позвонить в реестр туристических компаний, поинтересоваться, что за фирма такая — «Фуэте».

Нет, похоже, бита его карта.

Но что за злой рок? Почему «XXX-пресс» вцепилась в него своими желтыми, кривыми зубами? И откуда, главное, такая осведомленность?! Ведь он ни одной живой душе не рассказывал о своем проигрыше в казино и про дутую фирму «Фуэте», с помощью которой надеялся дела свои поправить.

Похоже, сдал его кто-то бульварным журналистам. Целенаправленно. Но кто? Дамы со средствами, кто собирался в его туристический бизнес инвестировать? Вряд ли. Каждая из них ведь считала, что единственная и неповторимая, — в статейке же речь, что он именно многих окучивает.

Надька Митрофанова, правда, в курсе. Но Черепанов с трудом представлял ее в роли агента бульварной прессы. Нет, быть такого не может. Не ошибается он в женщинах — особенно в таких открытых и простодушных, как эта библиотечарша.

Может, — мелькнула новая мысль, — ему Надькин дружок, журналист Полуянов, мстит? А что — запросто. Приревновал — и уничтожает теперь соперника своими методами, журналюга поганый. Надюшка, правда, клялась, что Диму в свои планы не посвящает. Но стоит ли верить слову жен-

щины? К тому же, Полуянов запросто мог журналистское расследование провести, он в них дока. Проверить, допустим, сайты, что просматривала Митрофанова, наткнуться на тот, что Роман для своей фирмы создал. Изучить его, заинтересоваться — что за «Фуэте»? И размотать всю цепочку.

Дьявол, зачем он вообще с этой библиотекаршей связался?!

...Экран мобильника замерцал — снова звонят. Черепанов взглянул на определитель: агент. Ну, этому ответить можно.

— Слушай, Ромчик, ты что, вообще оборзел? — завопила трубка.

— Не ори, — поморщился артист. — Ты мне сам говорил: пусть газеты хоть что пишут, лишь бы писали.

— За такие вещи журналистам серьезные иски вчиняют. Тысчонок сто за моральный ущерб отсудить можно запросто. Подаем?

— Не надо, — вздохнул Роман.

— Неужели правду написали? — хрюкнул агент.

— Ну... почти, — неохотно признался артист.

— На фига ты затеял бред-то такой? — удивился агент. — Каким местом думал? С каких доходов планировал дивиденды своим красавицам платить?!

Не объяснять же ему: в какой ситуации оказался! Потому Рома решил сам перейти в наступление:

— Чем вопить, лучше помоги. Можешь выяснить, кто про меня в этот «XXX-пресс» «инфу» сливает?

— Так они и сказали! — присвистнул агент.

— Да ладно, ты же всех и вся знаешь, на «тусухе» с их главредом чокался, я сам видел.

— А на кой тебе?

— Люблю своих врагов в лицо знать, — недобро усмехнулся Рома.

Первое, что сделала Надя, — внесла телефон Романа в черный список.

Даже не стала звонить в Ростуризм и проверять: правда ли, что фирма «Фуэте» — пустышка. Поверила сходу бульварной газете. Пусть «XXX-пресс» — издание стопроцентно «желтое», из судебных процессов за клевету не вылезает, но все-таки она уже много лет сама жила с журналом. И хорошо запомнила слова, что Дима ей сказал однажды:

— С потолка никогда и никого обвинять не будут. Факты могут не соответствовать действительности — слегка или даже наполовину. Но что-то под любым обвинением все равно всегда есть.

И теперь главное, что ее заботило, чтобы Димочка Полуянов не узнал, что она тоже входит в число пустоголовых, обеспеченных дам, кто готов был отдать свои деньги мошеннику Роме Черепанову. Хотя шансов на это ноль целых ноль десятых. Об удачах (и провалах) коллег журналисты узнают первыми.

Роман не очень-то надеялся, что агент сможет выполнить его просьбу. Однако тот позвонил на следующий же день и ернически сообщил:

— Какая-то дамочка тебя невзлюбила.

— А конкретней? — оживился Рома.

— Назвалась Евдокией — паспорта у нее, естественно, не спрашивали.

А подтверждающие документы принесла серьезные. Полный контент твоего сайта. Бумага из реестра туристического — что такой компании в нем не значится. Остальное — на словах. Будто лично знакома с какими-то тетками, которые все свои сбережения многолетние тебе отдать собирались. Ты бы, Ром, хотя бы бизнесменов грабил, а то как-то совсем несолидно.

— Слушай, отвали ты со своими моральями! А как она выглядела, эта Евдокия?

— Лет сорок. Блондинка. Полноватая. Одета обычно. По виду — чиновница или бухгалтерша.

— Вообще не понял... — растерянно произнес Роман.

Ни одной полноватой блондинки лет сорока среди его знакомых не было. Он вообще мало общался с возрастными — только с Еленой Андреевной. Но той — к пятидесяти, и полной уж никак не назовешь, днюет и ночует в спортивном зале.

— Крепко, видно, ты обидел эту Евдокию, — вздохнул агент. — А бабы — они злопамятные.

Полуянов, что ли, нанял эту тетку, чтобы самому не светиться? Или все же таинственная Евдокия — его личный враг? Однако Рома, хоть убей, не понимал и не помнил, кому из средних лет женщин он мог настолько насолить?

А главное: что дальше-то делать?!

Сестра у Ромки Черепанова получилась — в кого, непонятно. Вроде, мамаша никогда с чужим мужиком не гуляла: в городе их все на виду. Но только они с Кристиной совсем не похожи друг на друга. Он — чернобровый и синеглазый. В школе — король. Пусть не отличник, зато в спектаклях блистал, стометровку бегал быстрее всех, девчонкам головы кружил. Сестрица же — серенькая во всех смыслах. Глазки блеклые, волосы, как прошлогодняя солома, тихая, робкая. Настоящая мышь, скучная, неинтересная. Даже защищать — по праву старшего брата — ее не от кого было.

Впрочем, Ромка, когда зацепился за Москву, благородно предложил Кристине перебраться к нему: «В супермаркет, в кассирши устроишься — уже веселей, чем в городишке нашем киснуть».

Сестра вяло пообещала, что подумает, и думала уже — третий год. Видно, куда больше ей нравилось в родимом доме перед телевизором время коротать, чем бороться за выживание в столице.

Нет — так нет. Роман о сестре не скучал ни-сколочко.

Но когда мать, во втором часу ночи, позвонила ему, прокричала заполошно: «Кристину похитили!» — у него сердце перехватило. С трудом выдохнул, прохрипел:

— Кто похитил? Когда?

— Вечером! Сегодня! — прорыдала в трубку мать. — Она в магазин вышла, за хлебом, и все не идет. Я думала: пусть гуляет, погода хорошая. А ко мне соседка забежала, говорит, Кристину вашу в машину запихали какие-то мужики. Номера дагестанские. Я уже и к участковому бегала, а он заявление не взял. Девушка, мол, взрослая, может, у них согласие обоюдное. Если, сказал, через три дня не появится, только тогда искать станут. Отец валерьянку пьет, я вся на нервах. Что делать-то, Ромочка?!

— Ты, мам... ты не волнуйся только. Может, у Кристинки, правда, завелся кто-то? Горячий восточный парень?

— Да откуда ж ему взяться! — вновь зарыдала мать. — Она же дома все время сидит!

Рома сам понимал: неоткуда. К тому же, пока с городишкой родным говорил, в трубке пикнуло. Еще один звонок пробивается. Взглянул на определитель — кредитор.

— Подожди, мам, я тебе перезвоню сейчас, — пробормотал он, уже не сомневаясь, кто именно похитил его сестру.

Джигит был краток:

— Кристина твоя у нас побудет. Пока деньги не соберешь.

— Слушай, ты! Я от тебя что, бегаю? Обманываю?! Договорились ведь, как нормальные люди. У меня есть еще больше двух недель, чтобы с тобой рассчитаться!

— Недели-то есть, — меланхолично произнес кредитор, — да деньги тебе взять негде.

— Будут деньги! Обещаю!

— Ты бы лучше не обещал, а квартиру на продажу выставял, — посоветовал восточный человек. — Дело-то небыстрое. Пока покупателя найдешь, пока сделку оформишь...

— Я свое слово держу!

— Держи. Тогда и сестрица твоя плакать не будет.

— Если с ее головы хоть волос упадет, я... я тебя...

— Не горячись, дорогой, — спокойно отозвался собеседник. — Плохо себя чувствовать будешь.

... Роман еле добрал до кухни, открыл аптечку. Сердечных капель не держал — пришлось обойтись анальгином. Вроде, полегчало. Физически. Но на душе — полный мрак.

Дьявол, что теперь-то? Неужели действительно придется расставаться с уютным гнездышком в Замоскворечье? Сколько лет псу под хвост! Кто бы знал, чего ему это стоило: из года в год терпеливо обхаживать пожилую, вредную, морщинистую бабу. Ох, до чего жаль!

Но, прежде чем сделать роковой шаг, Рома решил испробовать последнее средство.

Позвонил своей покровительнице Елене Евгеньевне и попросил о срочной встрече.

Ей было даже жаль его, щенка.

Тем более, парень не выкручивался, не лгал. Честно повинулся: и про проигрыш свой позорный, и как пытался — в меру скромных умений —

финансовое положение поправить. Еще и похвастался, смешной мальчик:

— Если бы не статейка, я бы деньги эти собрал!

— Да, Рома, — вздохнула продюсер. — Ты еще глупее, чем мне казалось.

— Ленусик... ну, я не соображал просто... Казалось, идея хорошая. Но ты не думай, кидать я никого не собирался. Мне же временно, только сейчас перекрутиться! А так ты ведь знаешь: я зарабатываю нормально. В рекламе бы снялся, на «мыло» какое-нибудь подписался многосерийное. Рассчитался бы постепенно. Со всеми.

— Сомневаюсь, — холодно усмехнулась она и деловито добавила: — Что от меня-то хочешь? Чтобы я тебе денег одолжила?

— Все равно же не дашь.

— Не дам.

Ромчик не сдавался. Заговорил отчаянно:

— Может... может, есть еще какой-нибудь способ? Допустим, квартиру, ну, не продавать, а заложить как-то, под нее кредит взять?

— Бери. Но придется проценты платить. Серьезные. Если выплату просрочишь, все равно жилплощадь потеряешь. — Елена Андреевна отошла к окну. Произнесла задумчиво: — Бабушка моя здесь с 1947-го года жила. Война едва кончилась, а ей удалось отдельную квартиру выбить, как ценному специалисту. Знаешь, сколько было радости?

— Леночка, солнышко! Ну, не терзай ты меня. Сам понимаю — кругом виноват.

— Виноват — плати по счетам, — очень сухо произнесла она. — Квартира на твоё имя, выставляй на продажу.

— Лена, милая, — не сдавался он, — ну, давай попробуем! Давай, мы вместе квартиру сохранить попытаемся! Помогите мне рассчитать-

ся. А деньги — деньги я тебе отдам! Хочешь, расписку напишу? Под проценты. Оформим у нотариуса!

— Нет, Рома, — покачала она головой. — Я уже сделала тебе подарок — однажды. Больше не хочу. Ты — история, Ромчик.

— Что? — опешил он.

— Так в Америке говорят, — усмехнулась Елена Андреевна. — Когда кого-то увольняют — с «волчьим билетом».

Актер мужественно принял удар, спокойно ответил:

— Я и не сомневался, что ты меня не простишь.

— Разве?

— Я ничего у тебя не прошу. Просто не хотел за спиной твоей действовать. Считал, должен объяснить, почему вынужден твою квартиру продать. И, знаешь... Если бы речь шла о твоей сестре, ты поступила бы точно так же.

— Ты так считаешь? — Елена Андреевна задумалась, потом медленно произнесла: — Я не могу одолжить тебе денег, но... Но могу подсказать один способ их получить. Много и сразу.

— Говори.

— Способ — совершенно незаконный. И очень рискованный.

— Плевать! — отчаянно выкрикнул Рома. — Я на все готов.

...Ей было жаль отдавать его на заклятие. Но, во-первых, — заслужил. А во-вторых, имелся у Елены Евгеньевны собственный интерес.

Когда она оформляла на непутевого молодого любовника договор дарения, юрист подсказал: подписать дополнительное соглашение. В соответствии с ним Роман Черепанов имел, конечно, право распоряжаться квартирой по своему усмотрению. Однако в случае его смерти, признания недееспособным или осуждения по уголовной статье, заграбастать его жилье себе его провинциальные родственники не могли. Произойди подобная ситуация, квартира снова возвращалась к ней.

В семье Гречишниковых давно — с тех пор, как отец стал большим человеком — повелось выезжать промозглым октябрём на Бали. Снимали всегда особняк, обязательно с двумя отдельными входами. Когда два поколения вместе сосуществуют — решение очень правильное. На родительской половине все чинно, по режиму, еда на крахмальных скатерках, отбой в десять вечера. На Юркиной части — еще до недавних времен — царил веселый хаос. Приезжал с друзьями, устраивали вечеринки, снимали девчонок — на Бали охотниц на золотую молодежь полно.

Но год назад Юрика, сына богатейшего предпринимателя Гречишников, угораздило жениться. Девчонка-то ему попалась нормальная, очень

секси, но так как была она из семьи всего-то профессора, по доходам — не им чета, то, конечно, поспешила закрепиться в богатом окружении покрепче и почти сразу забеременела. Крошку сына — всего два месяца парню — Юрик, естественно, любил, не терялся, если вдруг приходилось подгузник сменить, солдатиком после кормежки потаскать, но при этом понимал, что жизни прежней, беззаботной и яркой, пришел конец. Пусть и няни имелись, и ребенок оказался спокойным, ночами особо не вопил. Только вечеринку в доме, где грудной малыш, не устроишь, да и женушка после родов стала вредной, плаксивой, чрезмерно домовитой.

Понятно, что все это — временные трудности, но перспектива провести целый месяц примерным семьянином слегка пугала.

И Юрик откровенно обрадовался, когда выяснилось, что на шестнадцатое октября у их камерного оркестра назначен концерт в Москве, в посольстве Испании. Причем пробивал его отец, поэтому отказаться решительно невозможно.

— Может, я вообще тогда на Бали не поеду? — заикнулся он родителю. — А вы за моими присмотрите?

— Обойдешься, — отрезал Гречишников-старший. — Жену на край света сплавил, а сам развлекаться? Есть прямой самолет. Слетаешь в Москву на один день — и назад.

Ну, хоть так. Правда, в Москве особой культурной программы не замутишь. С утра репетиция, вечером концерт. А еще нужно с автором его диссертации, Ириной Андреевной, увидеться. Та, как только узнала, что он на один день в столицу прилетает, вцепилась в Юрика клещами:

— Отлично! Даже не надейся от меня отвязаться. Я подъеду прямо в посольство, тебе вопросы оппонентов передам. И по тексту немало погоняю, не обижайся.

Юрик скривился: ох, уж эта отцовская идея — чтобы был в семье хотя бы один кандидат наук! Ну какой из него ученый?!

Впрочем, дама, что взялась писать за него диссертацию, ему нравилась: пусть и профессорша, но не чокнутая. Остроумная, обаятельная. И внешне еще очень даже аппетитная.

Когда встретились после концерта, Юрик даже предпринял попытку затащить ее домой. Мол, там удобнее будет о научных материях поговорить, под хороший коньячок. Но Ирина Андреевна улыбнулась:

— Плохая примета, господин аспирант. Вот защитишься — тогда приглашай на банкет.

Что ж. День у него сегодня выдался долгим. Вся ночь накануне прошла в самолете, потом репетиция, концерт, двухчасовая пытка учеными терминами... А завтра в девять утра ему уже опять надо в аэропорту быть. Возвращаться на Бали, к жене и сыну.

Добрался до дома на такси, сбегал в душ и в постель рухнул. Думал, уснет мгновенно, но сон никак не шел. К двум часам ночи Юрик решил: нечего без толку в кровати валяться, головную боль наживать. Но включить бра не успел — в тихом ночном доме вдруг отчетливо раздался звон разбиваемого стекла.

Он пружинисто вскочил с кровати и бросился к окну: никого не видеть. Вот баран он! Отец-то всегда дом на сигнализацию и ночью ставил, на всякий случай. А вот безалаберный сын — никогда, считал, что поселок у них хорошо охраняемый, забор вокруг дома трехметровый, кто рискнет сунуться?

Но, поди ж ты, осмелились!

И шаги — осторожные, еле слышные — уже по лестнице шелестят. Осведомленные, похоже, воры. Знают, что сейф — где все наличные, украшения, скрипка работы Страдивари — на втором этаже.

Юрик лихорадочно заметался по комнате. Оружия здесь никакого не имелось, не идти же на грабителей с настольной лампой в руке?

Звонить в полицию? Но в пустом доме каждый шорох слышен, и дверь в свою спальню он не закрыл. Услышит вор (или воры?), как защелкнется, и кто знает, как среагирует.

Нужно очень тихо выбраться на улицу и звонить уже оттуда. Там хотя бы опасности нет, что окажешься в западне.

Молодой человек напряг слух. Из гостиной донеслось еле слышное металлическое звяканье, вор, похоже, возился с сейфом.

Юрик сунул в карман телефон и в одних носках двинулся прочь из комнаты. По пути заглянул в библиотеку. Он, конечно, очень сомневался, что предусмотрительный отец оставит свою «беретту» в шкафу, как

иногда бывало, когда Гречишников-старший возвращался с охоты.

Но ему повезло — оружие было на месте.

Нет, нападать он ни в коем случае не будет (да и стрелять молодой человек не умел), но хотя бы чуть-чуть на душе стало спокойнее.

Он сделал глубокий вдох — и проскочил мимо открытой двери. Тут же в лунном свете метнулась чья-то отчетливая тень, и загрохотали шаги.

Чтобы не оказаться к противнику спиной, Юрий обернулся, и душа мгновенно ушла в пятки: его нагонял мужчина, лицо перекошено, то ли от злости, то ли от страха. А в руке блестел антикварный, инкрустированный изумрудами, охотничий нож (из отцовского же сейфа).

— Стой! — истерически выкрикнул грабитель. И замахнулся...

В полнолуние Диме Полуянову всегда не спалось. До трех ночи крутился, а в шесть утра уже подскочил, будто пружиной подбросило.

Рядом мирно сопела Надюшка, старый пес Родион, стороживший вход в спальню, приподнял лениво голову и снова уснул.

Дима встал, накинул халат.

— Ты куда, Дим? — сонно пробормотала Надюха.

— На работу. Ты не вставай, еще рано.

Но она, еще не открывая глаз, села на постели и дисциплинированно пробормотала:

— Я тебе завтрак приготовлю!

Удивительный человек!

Дима сегодня — из-за бессонницы, что ли — был настроен лирически. Жарко поцеловал Надю и пробормотал:

— И думать не смей вставать. У тебя сегодня — королевский день.

— Чего? — захлопала она глазами.

— Я сейчас сам принесу тебе кофе. После работы съездим в магазин, сапожки тебе купим на зиму. А вечером пойдем в ресторан.

— С чего это ты вдруг такой добрый? — подозрительно взглянула она на него.

— Потому что, Надюшка, дождь. И противный месяц октябрь на дворе. А когда погода не балует, хотя бы люди должны быть добрее друг к другу, — философски изрек Полуянов.

Надька, кажется, не поверила в добрые намерения, но спорить не стала, весело улыбнулась:

— Ты думаешь, я стану возражать?

Обычно Надя не смотрела по утрам телевизор. Не до него, когда вечно опаздываешь. Но сегодня, спасибо Полуянову, ранней пташке, времени у нее полно, и она его включила. Ток-шоу, не лучшие музыкальные клипы и старенький сериал не заинтересовали. Пришлось остановиться на криминальных новостях. Зевая, выслушала про очередную махинацию возле обменника. Но дальше — пошло интересней.

— Попытка вооруженного ограбления особняка нефтяного магната Гречишников на Рублевке, — вещал диктор.

Ну-ка, ну-ка!

Домик очень даже ничего... а вот этот щуплый парень, что отворачивается от камер — он, что ли, и есть магнат?

Надя прислушалась:

— Гречишников вместе с семьей сейчас отдыхает на Бали, и грабитель, видно, на то и рассчитывал. Однако в доме совершенно случайно оказался сын предпринимателя Юрий.

Молодого человека заслонил от журналистов представительный мужчина в костюме и веско проговорил:

— С заявлением мы выступим позднее, но пока я могу сообщить лишь то, что это самооборона чистой воды. Грабитель оказался вооружен, он первым нанес удар. Моему подзащитному ничего не оставалось, как защищаться.

Надя ухмыльнулась: хорошо, когда у тебя есть дорогой адвокат, и поднесла ко рту вилку с аппетитным блинчиком.

Снова дали общий план особняка, диктор возбужденно продолжал:

— Личность грабителя, покушавшегося на имущество Гречишникова и погибшего от руки его сына, уже установлена. Им оказался...

Пауза. Во весь экран дали фотографию.

— Молодой актер Роман Черепанов, — объявил диктор.

Надя ахнула.

Блинчик шлепнулся обратно в тарелку.

Тему «жизнь и смерть молодого актера» его новый начальник, главный редактор глянца, принял на ура. И уже к вечеру того же дня Полуянов успел узнать многое о безвременно погибшем Роме Черепанове.

Не было от него покоя и дома.

Митрофанова встретила его заплаканная, уголки губ страдальчески опущены.

— Ой, как ты убиваешься, — съязвил Полуянов. — Прямо будто близкий человек ушел.

— Дурак! — выкрикнула Надежда, дала ему в плечо кулачком — довольно больно — и ушла рыдать в спальню.

Дима сделал себе чаю. Потом подумал и налил еще одну чашку — Надежде. Взял вазочку с конфетами и побрел к ней. Девушка ничком лежала на кровати, лицо уткнулось в подушку, волосы разметались.

— Прости. Это я от ревности, — буркнул он, и Надя только всхлипнула в ответ. — Я чаю тебе принес. И конфеток. — Затем продолжил: — Такое впечатление, что Роме фатально не везло. Эта дурацкая затея с фирмой «Фуэте» быстро и бесславно провалилась, теперь вот смерть нелепая. Или, может, он кому-то сильно насолил? И его целенаправленно изводили? И вот — извели.

Надя оторвала руку от лица и переспросила:

— И у тебя такое чувство?

— Да тут не надо быть Шерлоком Холмсом.

— Кому же он насолил? Кому же понадобилось его изводить?

— Одно могу сказать — не мне.

Надежда встала и направилась в ванную. На ходу бросила:

— А я на тебя и не думала. Ты на такое не способен.

Дима решил не цепляться к словам — ему и впрямь не могло прийти в голову мстить кому угодно за кого угодно, даже за Надежду.

Да и если бы он вдруг взялся, он бы нашел способ попроще. Надавал бы по мордасам — и все дела. А тут уж очень затейливо. Афера с тур-агентством, теперь вот убийство — в чем-то особняке, при попытке ограбления. На кого, на кого, а уж на воруягу Роман точно не был похож. Что он там забыл, на чужой вилле?

Может в самом деле это чья-то изощренная месть? Но кому мог насолить Роман Черепанов? Не чиновник, не депутат, не генерал, не тюремщик, не прокурор? Просто артист.

В этот момент в спальню вернулась Надежда. Она успела сделать со своим лицом что-то такое, что от былых слез остался лишь румянец да слегка покрасневшие глаза.

— Слушай, Надька, — спросил Дмитрий, — у тебя нет ощущения, что Рому «замочили» вследствие тщательно разработанного заговора?

— Мне тоже кажется, все это не случайно.

— Кому же он мог так насолить? — задумчиво потер виски Дима. — Какому-нибудь мужу ревнивому? Или, наоборот, жене? И вообще: мне только кажется, что здесь замешана женщина?

— Значит, и тебе тоже? — просияла Надя.

Разработку убийства Романа журналист решил начать с Интернета. Когда-то, на заре хрустальной юности, он от помощи компьютера в своей репортерской работе принципиально отказывался, даже статьи писал от руки. Но теперь не мог не признать великой пользы Всемирной паутины. Всецело доверять ей, конечно, нельзя, каждую строчку, там появившуюся, по четыре раза перепроверять надо. Но в качестве безбрежного хранилища информации Интернет весьма подходил. Особенно теперь, когда пришла мода саморазоблачаться: писать на самого себе доносы в бесчисленных социальных сетях.

Журналист почему-то был уверен, что в соцсетях следов смазливового артиста обнаружится множество. Так и вышло — да только не сильно в его расследовании продвинуло.

Полуянов просидел в Сети весь следующий день. Ушла на работу, а затем вернулась Надя, он выходил на кухню, наливал себе кофе и делал бутерброды — и снова прикинул к экрану. Упорно искал в сети Черепанова, а, главное, его связи: всех, кто мог бы артиста известить (если, конечно, его и впрямь извели, и убийство было не случайным). Для начала требовалось хотя бы найти близких ему при жизни людей. Всем известно, что история ненависти всегда начинается с любви. И тот, кто был близким и родным, превращался в главного ненавистника.

Поиск требовал терпения и сил. С Черепановым оказалось все совсем не просто. Поисковики упорно показывали ссылки, живописующие последние происшествия с Романом: разоблачение фирмы «Фуэте» и гибель в особняке у Гречишниковых.

Дима просмотрел всю информацию по музыкальной семье Гречишниковых, на их личных аккаунтах побывал — однако никаких ниточек, связывающих с убитым, не обнаружил. Никаких совместных фотографий, никакой переписки, никакого бытования в электронных друзьях.

Надя, придя с работы, возилась на кухне: готовила судака по-польски. Дима вышел к ней и сказал:

— Ты с покойным была знакома больше, чем я. Может, слышала когда-то от Романа о семье Гречишниковых? Знаешь о том, какие ниточки их могут связывать?

— Гречишниковы, Гречишниковы... — протянула Надя. — Тот, кто его убил? Не припомню сразу. Но может быть. Хорошо, я подумаю.

И Дима опять ушел к себе, нырнул в волны Инета. Теперь он стал штудировать фильмо- и сценографию актера. И выяснилось, что не так уж много Черепанов снимался и блистал на подмостках. Фильмография насчитывала десять работ в сериалах: шесть эпизодов, остальные — роли второго плана.

Полуянов не поленился, просмотрел списки тех, кто работал с Черепановым над каждым фильмом, и ему, наконец, повезло. Оказывается, Роман сыграл роль в снятом шесть лет назад мини-сериале «Агент ВЧК». Фильм Полуянов, разумеется, не видел, но вот в списке «Роли исполняют» нашлась еще одна знакомая фамилия: Эльмира Царева, с которой когда-то их с Димой пути пересекались. «Интересно, были у Царевой с Черепановым в тот раз общие сцены? Пересекались ли они на площадке? Можно, конеч-

но, фильм посмотреть: скачать из Сети, или прямо онлайн. Но четыре серии по сорок четыре минуты каждая — это, извините, почти три часа. Даже если быструю перемотку включить, все равно кучу времени убьешь. Не легче ли напрямую самой Царевой позвонить?»

Дима открыл свой личный файл «Люди», которым чрезвычайно дорожил. Это был кондуит почти из тысячи телефонов — в том числе домашних, мобильных и секретных — самых нужных, известных и полезных людей в стране. Никто из тех, с кем Дима когда-либо встречался, по работе и по жизни, не избегли того, чтобы попасть в его личную паутину — от охранников до премьеров, от статистов до исполнителей главных ролей. Присутствовала в списке и Царева.

Дима знал, что из кино и театра актриса ушла. Посвятила свою жизнь дочери, которая сильно болела. «Но вроде бы некрологов про Эльмиру Миронову пока не было, — с профессиональным цинизмом подумал журналист. — Да и дочка, наверное, тоже не покинула сей лучший из миров — иначе мои коллеги, шакалы с ТВ, уже не преминули бы слезоточивый фильмец о звезде сварганить.

Полюянов набрал номер мобильного актрисы:

— Эльмира Мироновна?

— Кто это? — прозвучал царственный голос, несколько не утративший мхатовской поставленности.

— Я — Дмитрий Полюянов, корреспондент «Молодежных вестей». Вы меня не помните?

— Ах, Ди-и-имочка, — расплылась старая актриса. — Как приятно вас слышать! Ну, куда же вы пропали?

— Не хотел вас тревожить. Вы ведь совершили, я слышал, столь решительный шаг: ушли из театра, перестали сниматься, чтобы посвятить себя дочери.

— О да! — немедленно воскликнула пожилая дама и завела минут на пятнадцать монолог о том, сколь самоотверженно она спасала свою девочку, и как хорошо, тьфу-тьфу-тьфу, та чувствует себя сейчас.

— Вам, наверное, было тяжело полностью отказаться от ролей в кино и в театре, — подбросил еще одну реплику Дима, подводя Эльмиру Миронову к нужной ему теме.

— Вы себе не представляете, какие я предложения получала, мимо чего прошла!

Далее последовало перечисление едва ли не всех крупных ролей мирового репертуара, от Гертруды до миссис Сэвидж.

— А вы слышали, — перебил звезду сцены виртуоз пера, — что погиб ваш коллега, Роман Черепанов?

— О да! Какое ужасное событие! А я-то думаю-гадаю вот уже битых полчаса, с какой это стати я вдруг понадобилась прессе? Ах вы, Димочка, ах, лисенок!

— Я уже старый лис, Эльмира Миронова, — улыбнулся Дима.

— Что уж тогда говорить обо мне!

— Вы же, кажется, снимались вместе с Черепановым?

— Было дело, было дело.

— Ну и что он за человек?

— Чудный! Чудный! Воспитанный, прелестно образованный. Покойный Прокопенко очень хвалил его. Помню, взаимодействовать с ним в кадре мне доставило большое наслаждение.

— Я слышал, в последнее время у него были неприятности?

— Что вы говорите? У него? У Ромы? Подумать только!

Старуха или впрямь ничего не знала, или делала вид. Если так, то выудить что-либо из нее представлялось проблематичным.

— Какие-то проблемы со слабым полом? — бросил наугад еще один шар журналист.

— Да? — вроде бы удивилась дама. — А что такое?

— Вы знаете, я не хочу о ситуации вокруг Черепанова писать прямо сейчас. И не собираюсь вас нигде цитировать! Да я уже и не газетчик вовсе. Просто хочу разобраться! Меня попросили об этом. Один мой, мм, близкий человек был, в то же время, родственником покойного, — слегка приврал Дима. — Я, право, толком ничего не знаю, но, поговаривают, что кто-то влиятельный на Черепанова в последнее время ополчился. Какая-то важная дама. Поэтому его, дескать, и убили.

— Да что вы?! Да нет, Дима! Не может быть! Вы знаете, как говорят: ах, злые языки страшнее пистолета. Так и тут. Сплетни, досужие вы-

мысли, попытки опорочить молодой талант — и, что особенно отвратительно, посмертно, когда он никак не сможет себя защитить. Какая низость!

Репортер понял, что расколоть старуху ему вряд ли удастся, да и не знает она, видимо, ничего. Но, несмотря на это, продолжил с оттенком безнадежности в голосе:

— Хорошо, ладно. А что про Черепанова в ваших кругах сплетничали? Что про него говорили те самые злые языки, о которых вы упомянули? Может быть, до вас все-таки доносились слухи?

— Ах, Дима, с прессой надо держать ухо востро!

— Эльмира Мионовна, вы же меня знаете! Я никогда не стану вредить хорошим людям, тем более, моим друзьям. Вспомните, какая была горячая тема про убийство в северном экспрессе — а я ведь после смерти Прокопенко ни строчки не написал!

— Это правда, — задумчиво проговорила старая дама. — Ладно, Димочка, только вам. Что называется, и на ушко. Но если вы об этом раззвоните! Или на меня сошлетесь — мы с вами смертельные враги на всю жизнь!

— Могила, Эльмибочка Мионовна!

— Говорили, — понизила голос до шепота актриса, — что у нашего Ромы связь с женщиной много старше его. И она, дескать, — это не я сказала, лишь повторяю чужую сплетню, возможно, навет, но вы меня сами вынудили! — содержала вашего героя. Даже, говорят, квартиру ему купила, где-то в центре.

— Имя! — непроизвольно выкрикнул Полуянов. — Скажите имя! Как ее звали!

— Не имею ни малейшего понятия, — ответила Царева. — Даже не догадываюсь.

— Но хоть кто она? Откуда?

— Представления не имею.

— Сколько ей лет?

— А уж об этом и подавно. Впрочем, я слышала, что она уже давно перешагнула нежный возраст, думаю, ей за пятьдесят, и еще у меня имеется подозрение, что эта дама связана с телевидением — впрочем, утверждать не буду, это все мои домыслы.

Дима сделал еще два-три захода, но ничего больше из актрисы вытянуть не сумел. И то — хлеб, да еще какой!

Он мило попрощался со старушкой, велел передавать пожелание здоровья дочери и повесил трубку. □

Окончание следует.

бесплатным
вас

НОВЫМ ГОДОМ!

Екатерина Асорина

Необходимое уточнение:
рассказ написан на основе
и под впечатлением реальных событий,
произошедших некоторое время назад
в одном, скажем так,
из подмосковных городов

На следующее утро после новогодней ночи продовольственный магазин с игриво-немудреным названием «Три копейки — все дела!» опять приветливо распахнул свои гостеприимные двери, и на его пороге, разукрашенном по случаю продолжающихся новогодних праздников искусственными еловыми лапами и весело мигающими гирляндами, появился первый посетитель. Им оказался настороженно-хмурый, неаккуратно выбритый мужик, одетый в мешковатый костюм, нейлоновую, когда-то чистую рубашку и черный похоронный галстук на резиновой пристежке, какие в памятные времена советские люди привозили с черноморских курортов и незаслуженно пренебрежительно называли «селедками». За спиной у мужика угадывался довольно внушительных размеров туристский рюкзак, чей замызганно-потрепанный вид должен был напоминать окружающим, что «здесь вам не равнина, здесь климат иной...» Сурово поджав малокровные губы, мужик с настороженной робостью посмотрел на рекламный щит, рекомендовавший решительно и бесповоротно покупать колбасу и другие мясные изделия, производимые в славном городе Егорьевске, плотоядно облизал губы, перевел взгляд на торговые полки, внимательно посмотрел на кассиршу, потом перевел взгляд на охранника.

— Тебе чего, Санта Клаус-Сизый Нос? — шутивно-глумливо поинтересовался охранник. Звали его Шуриком, обладал он веселым нравом, лицо было плоское и квадратное, с большими румяными ушами и несерьезными веснушками на неприлично толстых щеках. В данный момент Шурик испытывал состояние глубокого душевного оскорбления: администратор магазина, уважаемый господин Папуасов, сделал ему, Шурке, строгое

внушение за не совсем тактичное обращение с одной из покупательниц. Тот во всеуслышание обозвал ее старой проституткой. Ну, какая же она старая? Она еще очень даже ничего!) Он был, конечно, прав, но... Запомните, Александр, строго и нравоучительно сказала эта гладкая административная скотина, мы живем уже в двадцать первом веке, и давно и безвозвратно расстались с нашим позорным социалистическим прошлым. Поэтому зарубите себе на своем подозрительно сизом носу главное правило цивилизованной торговли: покупатель — всегда — прав. А почему он прав? Правильно, потому что плотит. А вот для того, чтобы вы это покрепче запомнили, я наказываю вас, Александр, денежным штрафом в размере одной тысячи российских рублей и еще раз напоминаю: сейчас не союз нерушимых республик свободных, поэтому никаких выговоров и лишения профсоюзных путевок не будет. И если подобное неуважение к чужому кошельку повторится еще раз, то вы, Шурилло, с моей и божьей помощью окажетесь на улице, пополнив ряды местных безработных и, таким образом, теоретически став нашим потенциальным покупателем, который что? Правильно: всегда прав. Все. Иди, сторожи! И улыбочку, улыбочку не забывай демонстрировать!

— Я весь во внимании, гражданин, — вспомнив этот памятный разговор, поправился Шурик и этак дружелюбно осклабился. Дескать, ну и чего? Какие проблемы? Похмелиться решил после бурной ночи? Что ж, святое дело. Всегда рад за вас, алкашей.

Гражданин простужено шмыгнул носом, еще раз недоверчиво взглянул на него, потом на кассиршу, после чего сердито засопел и полез в карман. Вскоре достал оттуда сложенный вчетверо, помятый листок из ученической тетради и очки на резинке от трусов вместо дужек.

— Главный вход, пятый этаж, дверь номер два... — близоруко наклоняясь к своему манускрипту, прочитал он. — Так?

— Абсалутна, — небрежно грассируя, кивнул Шурик и снова вспомнил недавнюю сцену в кабинете. — Все правильно. Пожалуйста. Будьте любезны. — Все же не удержавшись, он брезгливо сморщился и добавил: — Извиняюсь, гражданин, вы, конечно, как всегда, совершенно правы. Но чем это от вас так мерзко воняет? Сил нет нюхать эти ваши «Шанель номер пять»! Хотя вы, конечно, еще раз повторяю, правы хоть куда!

— Так эт не я воняю! — неожиданно просиял мужик. — Эт рюкзак! На свалке нашел. А пахнет, так что ж? Я в ем обрат с фермы для поросенка носил! Он тогда еще больше вонял! Значит, этот магазин? Продуктовый? И колбаса есть?

— Есть! — снова поморщился эстетический Шурик. — Продуктовый. Мы всегда рады нашим покупателям. Всяким. Даже таким, как ты.

И, еще раз удостоив вонючего чмошника вежливо-презрительным взглядом, отвернулся к пышнотелой, блондинистой кассирше-Снегурочке, обладавшей такими откровенно-вызывающими сексуальными формами, что к магазинной двери впору было прикрепить предупреждение: «Вход только для взрослых и только с закрытыми глазами».

Мужик же, пробормотав себе под нос что-то невнятное, вроде «прости мя, Господи», стащил с ноги такой же старый, как и он сам, кирзовый сапог, потом вздохнул и, поднатужась, освободился от второго. Затем снял носки, за которыми последовали костюм, рубашка, галстук, майка... Наконец, оставшись в выцветших, ситцевых, вытянутых до худющих синих колен красноармейских трусах, он осторожно-тактично кашлянул в кулак:

— Куда итить-то?

Шурик надменно повернулся и, оторопев, замер. С его живописных щек тут же слетел жизнерадостный румянец, веснушки моментально побледнели.

— Эт ты чего? — удушенным голосом произнес он. — Зачем это в трусах-то?

— А Василь Фомич сказал, что в трусах можно не снимать, — не совсем правильно стилистически, но вполне понятно по-человечески ответил мужик и яростно почесал правую подмышку.

— Да...ты...вы...это... — переключило «охранялу». — Ты это, вы зачем? Почему? И чего тут вообще?

— Чего? — удивился мужик. — За колбасой пришел. На продолжение Нового года, то ись.

— А растелешился чего?

— Как это чего! — рассердился мужик, нагнулся над положенным на отопительную батарею пиджаком и снова достал тетрадный листок: — Вот! Главный вход. Правильно?

— Ну, — кивнул Шурик, так и не придя в нормальное сознание от вида этого отвратительного, порочащего человеческое достоинство стриптиза.

— Гну! Пятый этаж. Дверь номер два. Чего тебе еще-то?

— А тебе? — раскипятился наконец охранник, вдруг непростительно позабыв главное правило цивилизованной торговли. — А? За каким... лохмотья свои вонючие здесь развесил проветривать? В баню, что ли, приперся, чмошник неумытый? — и замахал руками по воздуху: — Ну и вонизьм! Ты когда последний раз мылся-то, турок?

— На Пасху! — не растерялся мужик. — А чего? У нас же в поселке в прошлом новогоднем годе баню сожгли, — пояснил он уже более миролюбиво. — Новые русские алкоголики. Вместе с банщиком. Ничего. Живем помаленьку, не тужим. Как говорится, мойся тот, кому чесаться лень. А щас и снежком можно.

— «Не тужим»... — передразнил его страж порядка. — Одевайся быстрее, пока покупателей нет! Тоже мне, нашелся... Тарзан — стриптизщик!

— Извиняюсь... Так эт чего же? — снова растерялся мужик. — Вы чего ж? Вы не главный вход? Не номер два?

— Какой тебе номер два? — взорвался Щурик, теперь уже окончательно и бесповоротно, и позвал кассиршу: — Нюрк! Поди-ка, чего покажу-та!

— Ой! — повернулась девица и тут же открыла свой кровожадно-раскрашенный снегурочкин ротик. — Ты чего, старый? Ты психический, что ли? Сейчас покупатели итить начнут, а тут ты стоишь! Чего придумал-то, алкаш? Чего заголилса?

Поддерживая обеими руками свои предательски спадающие «красноармейские несравненные», мужик непонимающе мотал головой и переводил полный растерянности взгляд с Шурки на Нюрку.

— А это... ну, как же... — никак не мог обрести он дар речи. — Сам же говорили... кто разделся, тому колбасу... забесплатно... кто скока унесет... хоть в обе руки... Наш Василий Фомич врать не будет! Он непьющий! И вообще язвенник... Или я все-таки адрес не тот перепутал? Может, это вообще другой дом? Без колбасы? А где же забесплатно?

— Так ты, старый, тоже из халявщиков? — радостно ощерилась девица и захохотала: — Опоздал, милай! Это у нас позавчера было! Новогодняя рекламная акция! Не, ты понял, Шурк? А этот... подумал, что теперь всегда так будет! Ты чего, мужик? Дурак совсем или какой?

— Какая акция? — теперь уже растерялся и Щурик.

— Да новогодняя! Ты как раз отгулы гулял! Акция! Рекламная! Кто раздевался, тому бесплатно жрачку давали. Народу было-о-о! — Нюрка-Снегурка, притвора такая, закатила глаза: — ...невпротык! Правильно Папуасыч сказал: стадо — оно и есть стадо! За бесплатную халяву готовы друг дружку это самое хоть при всех даже людях!..

— Все понял, — вздохнул мужик. — Ну, если надо... — и решительно поддел пальцами резинку на своих красноармейских.

— Я те сниму! — так же быстро пообещал ему опять моментально раскрасневшийся Щурик и быстро вытащил из-за пояса «символ победившей демократии». — Во, дубинкой! Я те так сниму! Отскочут вместе с твоими вонючими помидорами!

— Так чего вы хотите-то от меня? — окончательно растерялся мужик. — Трусы не снимай, колбасы не дают! Чего тогда мозги запудрять тудящим массам!

— Дурак! Одевайся быстрее, пока народу нет! Приперся, халява! Развелось вас!

— А колбаса?

— Не, я те щас точно... — начал, было, Шурик, но неожиданно поперхнулся и замолчал.

— Что здесь происходит? — раздался властный голос, и из двери в служебные помещения вышел высокий, благородно подстриженный мужчина, одетый в дорогой замшевый костюм. При виде его охранник стал как-то меньше ростом и тоскливо прищурился.

— Сан Саныч... — залепетала кассовая Снегурочка и слизала с побледневших губ остатки своей сексуально-кровавой помады. — Вот. Покупатель. То есть, гражданин.

— А почему он в таком виде? — строго спросил Папуасов, неприязненно глядя сначала на «гражданина покупателя», а потом на Шурика.

— Дык эта... — пылко начал объяснять несчастный охранник. Щеки его опять приобрели свекольно-морковный оттенок, а исчезнувшие было веснушки вдруг расцвели зловещими черными пятнами. — Он дни перепутал! Опоздал! Рекламная акция! Новогодняя халява! Ему какой-то язвенник сказал!

— Василий Фомич! — обрадовано подтвердил слова умного охранника мужик. — Мне он так прямо и заявил: раздеваешься до трусов — берешь бесплатную колбасу. Скока унесешь. Вот я скока и унесу! Закусить! А то ночью всю сожрали! Вот я и пришел! Пятый этаж, номер два, вход сбоку... Все правильно! И чего не так сделал-то — не пойму. А эти вон... — кивнул он на Снегурочку и несчастного Шурика, — ...ничего толком не объясняют. Только обзываются и ржут оскорбительно. И еще палкой грозятся. Этот вот... с мордой который.

— Сан Саныч... — в ужасе прошептала кассирша, округлив глаза. — Покупатели... — и кивнула на дверь, в которую начал заходить пока еще ничего не подозревающий покупательский люд.

Нет, не напрасно администратор работал здесь именно администратором! Потому что моментально оценил сложившуюся обстановку и так же моментально принял единственно правильное для ее благополучного разрешения решение.

— Прошу вас сюда, пожалуйста! — Элегантно развернувшись левым боком, он сделал правой рукой элегантный, полный достоинства приглашающий жест. — Пройдемте!

— А колбаса? — стоял на своем мужик, прижимая к груди одежду, которую с брезгливой миной подал ему двумя пальцами Шурик.

— И стакан налью, — пообещал администратор совершенно серьезно. — Только побыстрее! А то на нас начали обращать внимание уже и психически здоровые люди! Закусите у меня же в кабинете!

Права старинная народная присказка: не имей ума — имей наглость. Уже через десять минут мужик, наконец-то снова одетый в свой траурный политбюровский костюм и сексуально-сногшибательный галстук, показался из служебного входа в сопровождении элегантно заткнувшего нос платком администратора. Он любовно, двумя руками, прижимал к груди большую полиэтиленовую сумку, доверху наполненную магазинными, в том числе и колбасными, продуктами. На его противном лице большими буквами было написано чувство глубокого душевного удовлетворения.

— Федос Евсеич, пожалте сюда, к кассе, — удушенным голосом сказал администратор.

— Чего, опять раздеваться? — обеспокоено заерзал на месте мужик.

— Ну, что вы! — успокоил его Папуасов. — Как вы могли подумать! Это совершенно ни к чему! Просто сейчас наша кассирша... Снежаночка, улыбнитесь, пожалуйста, этому... Федосеичу... Сейчас она все посчитает, все обсчитает и пробьет чек, согласно стоимости нахапанных вами, Елисей Федулыч, закусок.

— У меня денег нету! Никаких! — сразу предупредил мужик, еще крепче прижимая к груди сумку. — Сами говорили — бесплатно. Сами говорили — колбаса.

— И сейчас говорю, — задушевно улыбаясь, подтвердил свои обещания Сан Саныч. — Только порядок такой. Для отчетности. Сами понимаете: московские хозяева, налоговая инспекция, то, се... Ну, Федул, чего мне тебе, дураку, объяснять... А платить вам, уважаемый, ничего не надо, нет! Фирма платит! И все это... — с плохо скрываемым сожалением кивнул он на сумку, — ...подарок от нашей торговой организации! Самой лучшей во всем нашем городе и прилегающих окрестностях! Так всем... своим...хм...и говорите!

— Об чем речь! — обрадовался мужик. — Скажу! Пряма сегодня и начну, потому как продолжение! Ну, спасибочко! Теперь я только к вам всегда буду заходить! И мужиков пришлю. Они тоже могут трусы снять. У них эт запросто. Никакого прям стыда! Особенно когда прохмелиться замытятся!

— Ну, конечно! Всегда, всегда рады! — расплылся в ненавидяще-радостной улыбке администратор. — Новогодних вам, Евсей Федотыч, производственных успехов! И товарищам вашим, старым алкоголикам, и бабе вашей, и корове! Вот и кассирочка наша, Снежаночка, и Шурочка с дубиночкой тоже очень-очень рады с вами наконец-то попрощаться! Правда, ребятки? Да улыбнитесь вы, чурбаны! Такой человек нас, слава богу, покидает! Земля вам, уважаемый Федул Обстулович, как говорится, пухом, пух — прахом, и счастливого последнего пути!

— Извините, Сан Санч, я чего-то не поняла, — сказала кассирша, когда мужик наконец убрался из магазина. — У нас что, снова рекламная акция?

— А ху-ху не хо-хо? — загадочно ответил заведующий.

— Но этот же...вонючий Федосеич... не заплатил. А?

— Да? — притворно удивился начальник. — Как же это так? Безобразия! Ты же ему чек пробрала! Как же теперь отчитываться-то будем?

— Пробрала, — ошалело боднула головой воздух Снегурочка-дурочка. — Но вы ведь сами сказали...

— Я? Сказал? Чего?

— Чтобы бесплатно. Колбаса...

— Бесплатным, Снежаночка, бывает только сыр. Самый дешевый. И то только в мышеловке. А за все остальное обязательно надо платить.

— А как же... — никак не могла сообразить эта, не будем уточнять кто. — С ним-то как же? С чеком-то? Ведь целых три килограмма только колбасы! Он же ни копейки не заплатил!

— И очень даже просто, — осклабился в иудиную улыбку администратор. — Вот вы вместе с Шуриком его и оплатите. В том числе и колбасу.

— Во как лихо девки пляшуть! — охнул Шурик, роняя от такой неожиданной радости свою резиновую игрушку.

— И все впрысядку! — согласился управляющий. — А кто чем недоволен-то? Кто этого... вонючего барбоса в магазин пустил? Я? Вы, Александрус, только вы! И вообще, ты какого... здесь, у дверей отсвечиваешь? Для мебели? Не понимаешь? Так вот за это непонимание и придется платить. А фирма от ваших промахов страдать не должна и не будет. Это я вам, господа хорошие, очень обещаю. Вопросы есть? Вопросов нет. Молодцы, все прямо на лету схватываете. Цены вам нет. Трудитесь...пока!

И, обворожительно ухмыльнувшись, Сан Саныч с чувством глубоко и успешно выполненного долга направился к себе в кабинет. Вот и колбаса просроченная пригодилась, довольно подумал он. А то сразу списывать, выбрасывать... А кто о покупателях заботиться будет? О наших простых рядовых дорогих россиянах? Они тоже имеют право на праздник! А выбросить всегда успеем! Надо было этому козлу еще сметану прокисшую отдать. Не сообразил... Пусть бы человек хоть на Новый год порадовался! □

Татьяна Харламова

В канун

года Змеи...

В нашей стране только за последний год поголовье змей увеличилось втрое. Гадюки обустраивают свои гнездышки уже чуть ли не под окнами дачных коттеджей.

О змеях и их повадках знает все научный сотрудник института биоорганической химии змеелов Владислав Старков. Мне довелось как-то побывать на созданной им на юге Москвы «змеиной ферме» еще до того, как ее закрыли...

В одной из клеток жила семья гюрзы. Гюрзята родились и выросли в Москве. В соседней клетке — иногородняя гюрза. Они разные — по длине и

окраске. Владислав Старков, познакомив их, создал новую семью. Гюрза-гибрид, по его словам, более адаптирована к местным условиям.

Владислав крюком извлек из клетки кобру. Это коронный номер змеелова. Та, извиваясь кольцами вокруг крюка и зловеще шипя, должна привести визитера в ужас. Действительно, было большое желание ужаснуться и шарахнуться. Но известно, что кобра не ударит, не причинит вреда, пока не раздуты ее щеки. Эта змея страшна, но прямодушна и даже благородна; раздувая щеки, она словно бы предупреждает «иду на вы!»

— Она что, ручная? — поинтересовалась я.

— Ручной змеей называют ту, которая кусает в руку, — рассмеялся Владислав. — Просто кобра не такая уж опасная змея, учитывая ее «благородный» характер и короткие зубы. Ей нужно очень постараться, чтобы укусить. Поэтому на Востоке так распространены фокусы с кобрами, танцующими под дудочку. Дудка в случае змеиной агрессии превращается в боевую палку.

Не все знают, кстати, что укус кобры в лицо никакими препаратами не снять. Это — верная смерть...

Самую большую «квартиру» занимал питон. Трехметровый красавец, приглашенный на прогулку, с ленивой грацией выполз из клетки, и хозяин, попав в объятия толстых серых, с черным орнаментом, колец, погладил змею, как кошку. Кожа у питона теплая, гладкая и нежная. Питон не ядовит, просто может больно укусить, если его разозлить, у него очень острые зубы.

Неожиданно в одной из комнатшек раздался странный звук.

— Ну, вот, опять чихает, — расстроился Владислав и, приоткрыв дверцу, указал на поникшую гадюку с распухшим носом. — Видите, это у нее прыщ вскочил, простуда. Придется подлечить аспирином...

Жилища для своих питомцев Владислав мастерил сам. Каждое было оборудовано лампой — змея любит свет и тепло, и кормушкой. Здесь гадам было вполне комфортно. Соблюдалась определенная влажность, температура, работала вентиляция. На обед им обычно подавали мышей или птичек. Но вообще змеи, как истинные аристократы — посмотрите на их движения, грацию, кожу! — предпочитают перепелов.

Владислав Старков уже много лет общается с рептилиями. Начал в Туркмении, где изучал популяции змей. Прошел десятки горных троп с крюком и сачком за плечами. Три сезона работал в команде знаменитого змеелова Бабаша.

Охота на змей связана с риском. В нашей стране никогда не было официального змеиного охотничьего промысла. Этим занимались энтузиасты-одиночки. Выход на гор-

ную тропу с крюком и сачком — это всегда вызов судьбе.

Однажды по дороге в горы Влад сломал свой любимый крюк, с помощью которого было поймано немало змей. А он уже поднялся высоко, и возвращаться не имело смысла. Пришлось делать импровизированный крюк из ветви сливового дерева. Не зря трудился — вскоре обнаружил в ущелье гнездо гюрз. Семь из них удалось загнать в сачок без особых проблем, а с двумя пришлось повозиться. Самка оказалась длиной в полтора метра, а самец — еще больше, да, к тому же, с буйным нравом. Он то падал на обруч сачка плашмя, то пытался сбежать, и с каждым разом становился все агрессивнее. Владислав помнит летящую на него пасть — как раскрытый яркий цветок. Не долетел всего сантиметров десять. Спасло то, что новый крюк оказался на десяток сантиметров длиннее. Если бы не сломал утром старый, о чем так горько поначалу сожалел, вечером, в лучшем случае, ковылял бы в сторону больницы...

Змеи его кусали шесть раз, и до сих пор руки хранят зловещие черные отметины.

Человеческий организм по-разному реагирует на змеиный яд. Один может защитить себя, другой — нет. Самый примитивный способ помощи — сразу отсечь ножом место укуса и отсосать яд. Для двоих друзей-коллег Влада укусы гюрзы оказались смертельными. Что же

тогда говорить о местных жителях, для которых встреча со змеей — всегда опасная неожиданность?

Чем богаче урожай грибов и ягод, тем больше укушенных. Гадюка имеет привычку прятаться в зарослях черники и брусники. На Алтае врачи, как только начинается ягодно-грибной сезон, впадают в состояние паники. В больницу одного за другим везут пострадавших от укусов. А чем им помочь? Сыворотки-то нет...

Растет количество змей и в Подмосковье. Они облюбовывают высокий берег реки, где много песчаника, ямок да пещерок. И вода с пищей — лягушками — рядом. В общем, все удобства. Вдоль Пахры немало змеиных «квартир». Любят гадюки и опушки лесов, просеки, песчаные карьеры. Очень нравится им, к примеру, Домодедовский район. Местный лесник рассказывает, что недавно двоих туристов укусили гадюки. Один чуть концы не отдал...

Только этим летом в токсикологическом отделении детской больницы имени Филатова лечились более ста детей, укушенных в Подмосковье так называемой «гадюкой обыкновенной».

В связи с потеплением климата змеи размножаются все активнее. Способствует этому и нарушение экологического равновесия. В лесах и на дачных участках стало модно жечь траву, чтобы почва была более плодородной, а в результате гибнет много ежей, питающихся змеями... Отлавливать же их

практически перестали — система серпентариев разрушена, отсюда и дефицит лекарств, основанных на змеином яде.

— Изучение пользы змеиных ядов, применение их в медицине только начинается, — говорит Владислав Старков, именно в этих целях и создавший «змееферму». — Доказано, что с их помощью можно лечить различные воспаления, в частности, радикулит, такие болезни крови как тромбоз и гемофилию, яд кобры используется как обезбо-

ливающее. Возможно и лечение онкологических заболеваний.

Несколько ученых-энтузиастов пытались возродить и наладить утраченное — производство ядов во спасение. Но долго ли можно продержаться на энтузиазме? Ферму-лабораторию закрыли, а между тем ампулы с сыворотками сегодня ждут во всех регионах России. В самом ближайшем будущем, после двух-трех теплых зим, эта проблема может стать вопросом жизни и смерти...

Что сулит нам предстоящий год?

Его девиз: будьте динамичными, но осторожными

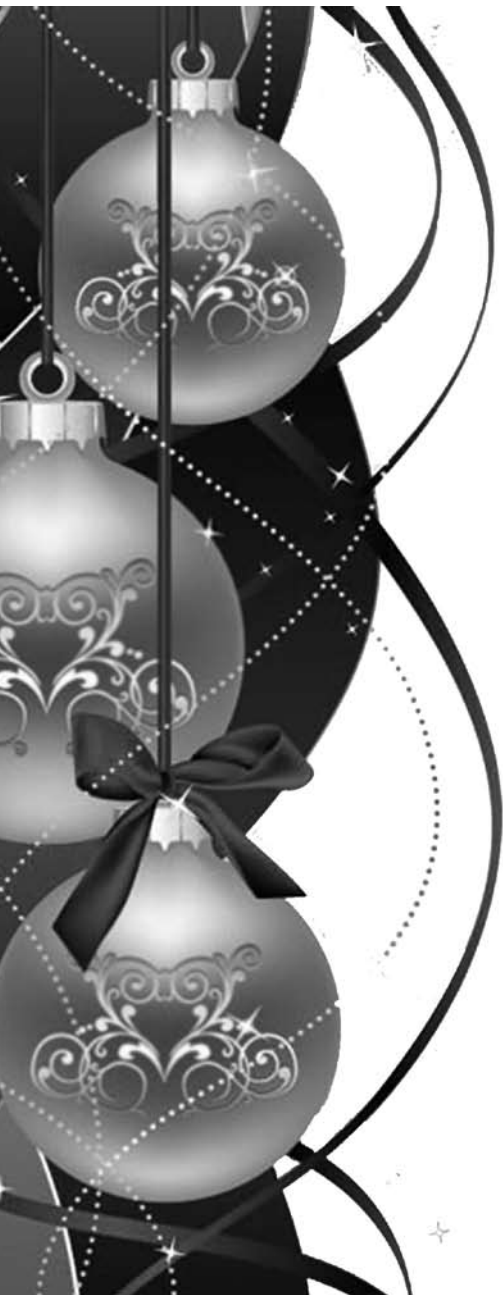
Согласно восточному календарю, следующий год — год Змеи. Каким он будет, чего ждать от него?

Астрологи считают, что это самый непредсказуемый год, но, тем не менее, предсказывают, что будет много перемен, нестабильности. Ничего страшного, нам не привыкать.

«Змеиный год» рождения — 1917, 1929, 1941, 1953, 1965, 1977, 1989, 2001, 2013.

Стихия года Черной Змеи — вода. А, следовательно, подвижность, динамизм, изменчивость. Талисман 2013 года — черная водяная змея. Не надо бояться черного цвета. Черный цвет очень романтичен. Это космос, полярная ночь, «тьма над бездной».

Что касается нестабильности, ее можно свести к минимуму, если соблюдать во всех своих действиях и поступках осторожность, осмотри-

тельность. Каждый шаг нужно планировать и анализировать заранее, это поможет избежать ошибок.

Рожденные в год Змеи — люди сложные, очень мудрые, неразговорчивые, сдержанные внешне и страстные внутри. Они, как правило, достаточно обаятельны, но — не цельные натуры. Это приводит к осложнениям в их семьях. Идеальные партнеры для «змей» — «буйвол» и «петух». Полная несовместимость с «тигром», «кабаном».

У рожденных в год Змеи очень широкий круг интересов. Чаще всего они становятся философами, богословами, политическими деятелями. Судите сами: в год Змеи родились А. Радищев, Н. Некрасов, Ф. Достоевский, И. Гете, В. Маяковский, Г. Гейне, Д. Дидро. Мао Цзедун.

Согласно прогнозам астролога Павла Глобы в 2013 году:

Представителям года **Петуха** следует сосредоточиться на материальном утверждении своих позиций. Рост доходов, крупные приобретения, новая должность, — добиться всего этого будет проще, чем раньше. Можно рассчитывать на помощь людей. Если есть долги, то вы с ними расплатитесь. Еще нужно сосредоточиться на «заделах на будущее». Если ошибетесь — не беда, всегда можно вернуться, исправить, и двигаться дальше. Даже если амбиции придется умерить, вы всегда будете авторитетны в своей профессии.

Представители года **Быка** займутся воплощением своей мечты в жизнь или же погрязнут в иллюзиях, надеясь, что все произойдет само собой. Наилучшая стратегия: действовать постепенно, идти маленькими шажками — риск в этом году себя не оправдывает. Важную роль могут сыграть подготовительные работы. Не нужно бояться учиться и учиться на пути к цели. Если сумеете настроиться и доведете начатое до конца, то все сложится не так уж серо и буднично, как казалось сначала. В любом случае довольствуйтесь тем, что есть.

Для родившихся в год **Лошади** наступающий год будет исключительно удачным. Идет закладка событий, которые в будущем сыграют решающую роль в вашей жизни. Перед вами открываются радужные перспективы и пользоваться ими нужно как можно скорее. Можно рассчитывать на карьерный рост, на укрепление своего общественного статуса и популярность, потому что вы действительно будете лучше и интереснее, чем другие. Не стоит бояться конкуренции, но и расслабляться тоже не нужно, держите «оборону».

Те, кто родился в год **Овцы**, окажутся на своем месте. Можно рассчитывать на заслуженные награды. Возможны кардинальные перемены, но они будут вполне предсказуемыми. Так что при желании к ним можно подготовиться.

Положительный момент: ваши желания адекватны и реалистичны, а значит, у вас отличные шансы осуществить их.

Родившихся в год **Кролика** ожидают переменные успехи — где-то повезет, где-то нет. Поэтому необходимо чутко реагировать на происходящее. Как говорится, держите «ухо остро». Если все получается, процесс пошел, становитесь деятельнее. Если наступил период торможения, сумейте остановиться, и так, чтобы без потерь. Ваша первоочередная задача — быть информированными. Ресурсов, чтобы реализовать планы, будет достаточно.

Если вы родились в год **Тигра**, год будет очень активным. Накоплена большая база знаний, опыта, от этого нужно отталкиваться. Возможностей будет так много, что все охватить просто невозможно. Какие варианты? Например, вы будете до последнего метаться, чтобы выбрать что-то самое лучшее, в этом случае можно нигде не успеть и потерять то «место», которое вам будет предложено. Поэтому надо делать выбор быстрее, поменьше колебаний. Чтобы успеть освоиться, «окопаться», и чтобы никто не смог вас «вытолкнуть», приуменьшить ваши заслуги.

Рожденных в год **Мыши** ожидает спокойное время. Если хотите определенности — вы ее получите.

Год не подходит для индивидуальных начинаний, для серьезных решений и побед. Но ваше терпение, умение ждать будут вознаграждены. Можно рассчитывать на рост благосостояния. Но это будет не выигрыш, а нечто плановое, предсказуемое. Не стремитесь к большим прибылям, всех денег не заработаешь.

Для представителей года **Дракона** основной помехой будет несоответствие их целей жизненным реалиям. Вы хотите слишком многого, делаете чересчур высокие ставки, при этом без всяких гарантий. Разве это разумно? Будьте осторожнее, осмотрительнее. В этом году у вас не предвидится значимых и громких событий, сколько бы сил и средств вы не вложили, поэтому следует быть экономнее и думать о будущем. Предпочтительнее двигаться к цели постепенно, никаких резких движений. Стоит рассчитывать только на собственные силы.

А вот для родившихся в год **Обезьяны** — это период личных завоеваний. Просто так вам ничего не дадут, но если вы явитесь и возьмете то, что, по вашему мнению, вам причитается, никто не будет возражать, настолько вы будете убедительны. Год будет активным, насыщенным событиями. Не бойтесь рисковать. Даже если ничего не выгорит, то, что вы приобретете, обязательно при-

годится. Ваша репутация, положение, авторитет будут расти и укрепляться.

Рожденным в год **Собаки** не нужно мудрствовать. По большому счету, вы не сможете оказывать влияние на собственную жизнь. В основном за все будут решать обстоятельства, начальники. Не вы выбираете — вас выбирают. Цели, которые вы ставите перед собой, на самом деле — нереальные. У вас не хватит времени, желания и сосредоточенности, чтобы их достичь. Лучше просто плыть по течению. Исключение — кризисные ситуации. Тут вы можете собраться, решить проблему. При условии, что это не займет много времени. Но если к этому нужно готовиться, потребуется много сил, поэтому, скорее всего, вы предпочтете «сойти с дистанции».

Для рожденных в год **Кабана** наступает исключительно удачное время. Если охарактеризовать его одним словом — это прибыль. Причем во всех смыслах. Вы начнете больше зарабатывать и станете все более свободнее, независимее. Личная жизнь тоже устраивается, если раньше с этим были какие-то сложности. Причем это может произойти независимо от вас, без всяких усилий. Что требуется от вас? Не бездельничать, не ждать, а делать первые шаги в любом направлении.

Самим же **«Змеям»**, кроме как на себя, рассчи-

тывать не на кого. Рядом с вами всегда будут близкие люди, коллеги, но принимать важные решения придется в одиночестве. И в случае ошибок спрашивать придется тоже только с себя. В этом году вам нужно как-то отличиться, что-то создать, оставить после себя след. И, что важно, получить оценку со стороны — восхищение, зависть, но

только не равнодушие. Если чувствуете свою невосребованность, значит, стоит пересмотреть цели, похоже, они либо устарели, либо сложны или бессмысленны. У вас нет ограничений во времени, можно начать в любой момент.

Принято считать, что Змея — любительница роскоши и деликатесов, поэтому встречать этот год нужно чем-то вкусным и необычным. Кулинары предлагают интересное оформление новогодней закуски. По серебряному подносу, как по озеру, плывут тарталетки-лодочки с маслом и

икрой — к гигантскому копченому угрю. Угорь свернут змеиными кольцами и надрезан на кусочки.

Застолье должно быть богатым и изысканным. Змея обожает зайцев и кроликов, поэтому без крольчатины не обойтись. Можно приготовить греческое блюдо «стифадо».

Для этого нужно: 1 килограмм крольчатины, 1 кг маленьких луковиц, 800 г помидоров, 5 долек чеснока, 8 ст. ложек оливкового масла, 2 ложки уксуса, соль, черный перец, молотый и горошком, 2 лавровых листа, 0,5 ст. ложки молотого кориандра, 2 полоски немолотой корицы, 1 апельсин.

Мясо нарезать на крупные куски, добавить пассированные помидоры, разрезанный на 4 части апельсин, растительное масло, соль, перец, уксус, все специи и тушить под плотно закрытой крышкой на медленном огне. Примерно через час добавить луковицы и снова тушить около часа. Затем из

готового блюда вынуть горошины перца, лавровый лист, корицу и подать, поместив с одной стороны мясо, с другой — луковицы. Наконец, украсить стифадо «цветком» из разрезанного апельсина. Подают стифадо с белым вином, а еще к нему прекрасно подойдет гарнир из картофеля с кокосом.

Помните, что Змея не переносит шума и лишних, особенно резких движений. Поэтому встречать этот год астрологи рекомендуют в тесном кругу родственников или близких друзей. В одежде актуальны черный, темно-синий и зеленый тона. Для женщин предпочтительны

вечерние платья, обтягивающие фигуру, словно змеиная кожа. Для мужчин — галстуки такой же фактуры. На столе должна стоять веточка сосны, символизирующая долголетие. Елку можно украсить маленькой изящной змеей, это ей польстит.

Сигарета и гороскоп

Сегодня, в период усиленной антитабачной кампании, лично для каждого остро встает вопрос: а сможете ли вы бросить курить? Ответ на него зависит от многих факторов, в том числе и от вашего знака зодиака.

Козерог принадлежит к страстным курильщикам. Поэтому, как правило, бросает только если ему грозит непосредственная опасность сужения сосудов или инфаркта.

Водолеи, по большей части, противники никотина, но если они все-таки курят, то могут бросить под воздействием предостережения или убедительного довода.

Рыбы в основном глухи к призывам — они бросают курить только в том случае, если убедятся, что пристрастие к никотину снижает их продуктивность в учебе, работе, спорте и даже в любви.

Овен обычно гневно протестует, если его призывают бросить курить. Но если уж он скажет «нет», то больше никогда не притронется к сигарете.

Телец. Трудный случай: убеждениями на него не повлияешь. За очень редким исключением он может распрощаться с сигаретами.

Близнецов просто уговорить избавиться от пагубной привычки. Беда лишь в том, что, легко бросая, они так же легко снова начинают курить.

Рака тоже не приходится долго убеждать — обычно он не закрывает глаза на вредные для здоровья привычки, в том числе и на курение.

Льва отличает сильная воля: если он решил, что бросит курить, то сдержит слово, но через некоторое время придет к новому решению, и тогда опять во рту у него задымит сигарета.

Дева, даже если постоянно курит, способна бросить бесповоротно.

Весы — кроткие курильщики, они не пускают дым другим под нос, но и не очень-то вступают в ряды некурящих.

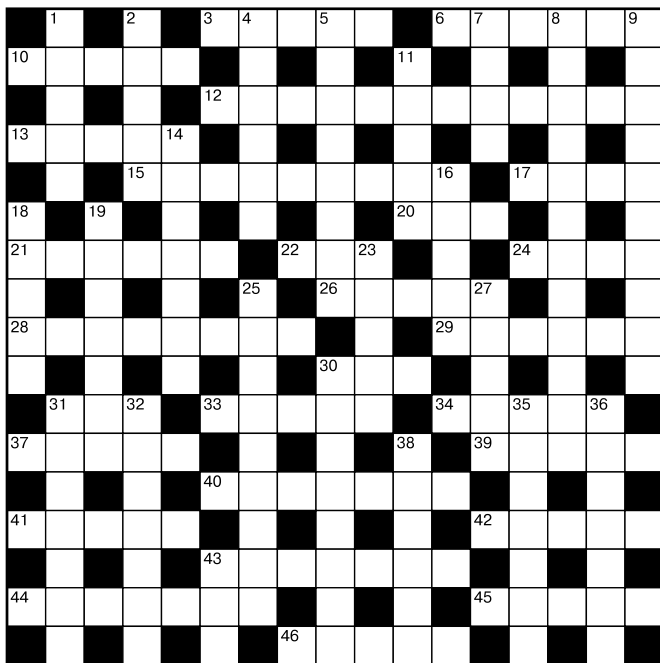
Скорпиона можно убедить бросить курить не только тем, что это вредит здоровью, но и тем, что это дорого стоит.

Стрелец, хотя и не принадлежит к упорному, твердому типу, однако не терпит зависимости. А так как привычку курить он воспринимает как своего рода оковы, то у него хватит сил избавиться от нее.

Счастливого всем, дорогие читатели, Нового года! □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. «Здесь натиск пламенный, а там ... суровый».

6. Какой польский город спасают от разрушения в сериале «Майор «Вихрь»? **10.** Бегун Чарльз Шерилл придумал, подражая кенгуру, низкий ... **12.** На какой церковный праздник Иван Грозный устраивал амнистию для преступников? **13.** «Заготовка» для документа. **15.** Политический еретик. **17.** Какой предмет у японского императора был красным, у абиссинского негуса — трехметровым, а у короля Дагомеи — украшен 84 человеческими челюстями и одним черепом? **20.** Китайцы считают,

что для жизни необходимы семь вещей: дрова, масло, чай, соль, уксус и рис. Что еще? **21.** В каких волнах барахтаются пляжники? **22.** «Благородная ряпушка» с точки зрения ихтиолога. **24.** Какая буква до реформы русского алфавита 1918 года встречалась в пушкинской «Полтаве» только раз? **26.** Мартен из песенки «Все хорошо, прекрасная маркиза!» **28.** Элитный уголь. **29.** На каком из курортов Флориды искала себе миллионера Душечка в лице Мэрилин Монро? **30.** От чего рыбак в полном восторге? **31.** Какая часть видна в профиль? **33.** Опытные водители со-

ветуют: «Никогда не гоните машину быстрее, чем летит ваш ...» **34.** Какой инструмент имеет самый большой диапазон из всех деревянных духовых? **37.** Царь, заказавший Дедалу лабиринт. **39.** Чего с нетерпением ждут обладатели лотерейных билетов? **40.** Какой препарат придумали, чтобы умягчать боли в суставах? **41.** В каком произведении диалоги преобладают? **42.** «Если бы все человеческие желания исполнились, ... бы стала адом». **43.** Ткань, ставшая популярной благодаря участникам квартета «Битлз». **44.** «Раздвижная труба». **45.** Что, как полагал Николай Гоголь, «сочиняется в вихре, в забвении, когда душа звучит, и все члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положение, становятся свободнее»? **46.** Каждый из двух танцев, что оставил потомкам русский драматург Александр Грибоедов.

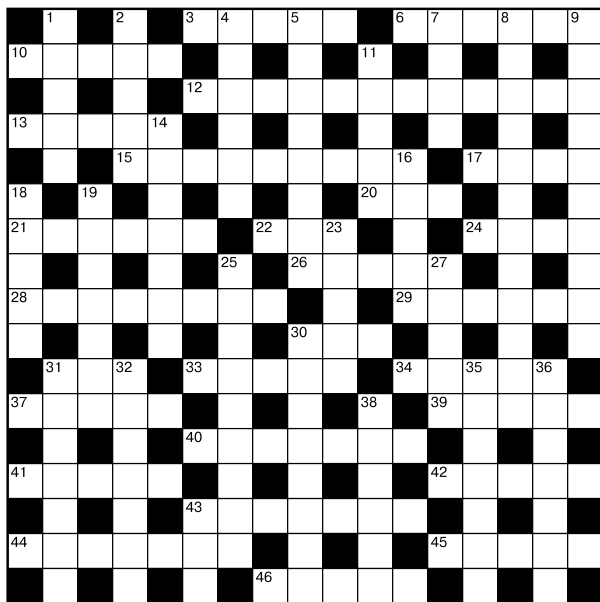
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Гораздо трудней не свихнуться от скуки и выдержать полный ...». **2.** Испанский дворянин самого высокого полета. **4.** Что обычно приходится мять массажи-

сту? **5.** Кто ломает голову над кроссвордом? **7.** «Дымилась ... под горою, и вместе с ней горел закат». **8.** Кто профессионально смотрит на мир одним глазом? **9.** Какого сотрудника можно наказать только рублем? **11.** С какими деньгами нужно дотянуть до зарплаты? **14.** Где фильмы показывают? **16.** «Звериный идол». **18.** «Круиз бревен по течению». **19.** Какую дисциплину впервые включили в программу Олимпийских игр 1960 года? **23.** Десять в сотой степени. **25.** Гонец за прибылью. **27.** «Укрепленный монастырь» среди столиц в Африке. **30.** На что не имел права дворянин, не постигший основ знаний, согласно указу Петра Великого от 1714 года? **31.** Игра с киями. **32.** Французский бульон. **35.** Дряхлый и ревнивый брат шаловливого Амура из пушкинских стихов. **36.** В какой азиатской стране большинство жителей до 1913 года попросту не имели фамилий? **38.** Великий немецкий изобретатель, прыгнувший с парохода в Ла-Манш, устав от происков завистников. **43.** «На сыщика и ... наскაკивает».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Киви. **3.** Стук. **7.** Мцыри. **11.** Рожь. **12.** Разносолы. **13.** Крест. **14.** Мопс. **17.** Рулет. **20.** Витраж. **21.** Лох. **22.** Гангрена. **24.** Творог. **28.** Ветвистость. **29.** Шлиман. **30.** Сброс. **34.** Вальдшнеп. **37.** Рулевой. **38.** Вуаль. **39.** Жниво. **41.** Фагот. **42.** Статья. **43.** Адан. **44.** Штаны. **45.** Кисея. **46.** Бренд. **47.** Диск. **48.** Гоген.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Карт. **2.** Воздух. **4.** Трон. **5.** Крым. **6.** Джип. **8.** Царство. **9.** Рыскало. **10.** Побег. **15.** Одетта. **16.** Сват. **17.** Розенбаум. **18.** Такси. **19.** Игрок. **23.** Автомеханик. **25.** Валуев. **26.** Ромб. **27.** Гонг. **31.** Рай. **32.** Пьянство. **33.** Сшивание. **34.** Воробей. **35.** Пустырь. **36.** Платина. **40.** Санд. **41.** Факс.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Артур Шопенгауэр считал, что человечество обречено на вечные колебания между двумя крайностями. Одна из них — нужда. Какая другая? **6.** Филантроп и меценат, ставший третьим президентом Американского музея естественной истории. **10.** Тропический зверь. Изучив его уникальную кровеносную систему, ученые создали противоперегрузочный костюм для летчиков и космонавтов. **12.** Какая система жизнеобеспечения отказала во время первого кругосветного плавания советских атомных субмарин, и подводникам пришлось заменить ее торпедным аппаратом? **13.** Самолов на птиц. **15.** Коллекционер оберток от мороженого. **17.** Вигвам у тюрков.

20. Кормилица царицы Нефертити. **21.** Придворный скульптор Александра Македонского. **22.** «Время человеческой жизни» для Марка Аврелия. **24.** Сестра горгоны Медузы. **26.** Бок кирпича. **28.** «Мокрая пыль» из словаря Владимира Даля. **29.** «Средство для удобства беседы» из лексикона светских жеманниц XVII века. **30.** Главная китайская скворода. **31.** Ошибка из информатики. **33.** «Не просто быть собой, когда шагает ...». **34.** Штат, чья двухметровая кукуруза в свое время вдохновила Никиту Хрущева. **37.** Красная краска у русских иконописцев. **39.** Именно его отрыв погубил нашего замечательного актера Георгия Буркова. **40.** «Слепота» на запахи.

41. Знаменитый кутюрье, открывшая в 1932 году первый модный бутик. **42.** Кто первым раскусил приведенные кубические уравнения? **43.** За выдающиеся достижения в области альпинизма французы ежегодно присуждают премию «Золотой ...» **44.** Полоска для знакомства с парфюмом в косметическом отделе. **45.** Экологически чистый источник энергии, чьих запасов могло бы хватить человечеству на несколько веков. **46.** Поэт, чей портрет Сальвадор Дали написал, компенсируя увод Галы Дьяконовой.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Парижанин, придумавший в 1835 году складную шляпу — «шапокляк». **2.** Тотемный сокол у славян. **4.** Литовский город с музеем чертей. **5.** «Он ничего не ест в течение самых суровых зимних месяцев, глаза имеет свиные, а языка не имеет вовсе, в воде он слеп, а на открытом воздухе имеет острое зрение». Кого описал Геродот? **7.** «Обычная погода» на Венере. **8.** В городе Никко есть ворота, которые японцы считают самыми красивыми в стране. Некоторые фигурки людей на них вырезаны вверх нога-

ми, чтобы боги не посчитали, что они само ...! **9.** Над какой машиной до конца жизни работал российский изобретатель Александр Требелев? **11.** Ледяное озеро в дантовом «Аду». **14.** Белок, за которым охотится зловредная моль. **16.** Клей карточного шулера. **18.** Мясной сок для подливок. **19.** Ежегодный марафон в Нью-Йорке проводят в первую субботу ноября. Что вручают победителю? **23.** По нему настраивается весь оркестр перед началом концерта. **25.** Идеолог «когнитивного диссонанса». **27.** Представитель Малайзии в рейтинге «Десяти самых ядовитых змей». **30.** Какая английская автомобильная компания стала лицом «Опея» на берегах «туманного Альбиона»? **31.** Предпоследний этаж океана, где есть еще немного света, но уже нет тепла. **32.** Какой мальчик стал талисманом ЧМ по футболу 1978-го года? **35.** Сектор ставок на рулетке. **36.** Миланский епископ, прославивший «христианской совестью» римского императора Феодосия I. **38.** Одна из дюжины лихоманок в славянских мифах. **43.** Художник, сделавший из серпа и молота советскую эмблему.

Ответы на эрудит, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Русь. **3.** «Абба». **7.** Кусто. **11.** Баал. **12.** Зульфикар. **13.** Зебра. **14.** Асад. **17.** Гачек. **20.** Жадеит. **21.** Кит. **22.** Ноосфера. **24.** Ясенец. **28.** Безработица. **29.** Бендер. **30.** Ноксы. **34.** Нониллион. **37.** Болонья. **38.** Каури. **39.** Икако. **41.** Полба. **42.** Хиппи. **43.** Арес. **44.** Пятно. **45.** Сегре. **46.** Рорик. **47.** Амоц. **48.** Салеп.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Роза. **2.** Солдат. **4.** Бука. **5.** Абра. **6.** Тафа. **8.** Усердие. **9.** Торжище. **10.** Аффен. **15.** Скерцо. **16.** Джая. **17.** Гинеколог. **18.** Комби. **19.** Осетр. **23.** Крестonosец. **25.** Снежок. **26.** Нади. **27.** Цура. **31.** Соя. **32.** Аинкьяга. **33.** Аликанте. **34.** Ньюборо. **35.** Налиток. **36.** Шропрор. **40.** Чага. **41.** Песо.

Уважаемые читатели!

С 1-го февраля ОТКРЫТА досрочная подписка на 2-е полугодие 2013 года. До 1 апреля подписка оформляется по ценам 1-го полугодия 2013 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка на 1 месяц с учетом доставки стоит 77 руб. 00 коп. Подписка на 3 месяца с учетом доставки стоит 231 руб. 00 коп. Подписка на 6 месяцев с учетом доставки стоит 462 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
 Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С 1 февраля по 1 апреля 2013 года открыта **досрочная** подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2013 года по КATALOGУ ОАО Агентства «Роспечать» — «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» «Спецвыпуск» через любое почтовое отделение связи.

На оформление подписки действуют цены 1-го полугодия 2013 года.

Примерный образец каталога:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
---	---	---

Вся пресса в одном месте!

PRESSA.RU

Вы можете приобрести журнал в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Забытый царь... Не недругами забытый, а самими Романовыми, которые вспоминали его редко и крайне неохотно. А для большинства далеких от истории людей царь Федор Алексеевич — фигура абсолютно неизвестная. Если следовать сведениям из исторических романов, престол после Тишайшего унаследовали младший сын от первой жены Милославской Иван и старший от второй жены Нарышкиной Петр. А так как оба еще не вошли в нужный возраст, над ними посадили регентшу-правительницу царевну Софью. На самом же деле после смерти отца трон занял старший сын Тишайшего и Марии Милославской Федор. Пятнадцатилетнему юноше царствовать пришлось совсем мало — он умер в возрасте 22 лет, так и не оставив после себя прямого наследника престола...

Светлана **Бестужева-Лада** «Забытый царь»

« Принято считать, что русская женская поэзия началась с Серебряным веком. На самом деле почти за сто лет до него уже звучали в поэзии женские голоса, и одной из самых ярких представительниц ее была Евдокия Петровна Ростопчина, «воронежская ласточка», как любовно называли друзья современницу Пушкина, Вяземского, Жуковского, Лермонтова...

Маяя **Орлова** «Воронежская ласточка»

« Все мы время от времени испытываем тоску, боль, грусть. И это вполне естественно. Но когда отрицательные чувства полностью берут верх над положительными, тут уже речь идет о противоестественном для человека состоянии — депрессии. то такое депрессия, и как с ней бороться? Как подпитать настроение с помощью простых, доступных радостей жизни? О секретах депрессии и хорошего настроения рассказывает психолог Светлана Рахманова.

Светлана **Рахманова** «Тоске все возрасты покорны»

« Окончание детективного романа **Анны и Сергея Литвиновых** «Несвятое семейство»